

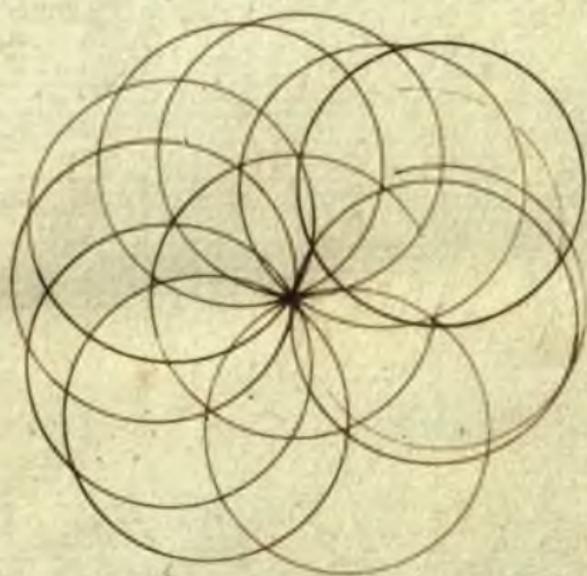
84(10)

Б 59

01987.

783964

ЧИТАЛЬНЯ

БИБЛИОТЕКА

1955

И 52

ПОВѢСТЕЙ и АНЕКДОТОВЪ,

ИЗДАВНАЯ

М. Каченовскимъ.

18610

ЧАСТЬ IV.

Изданіемъ Издашеля.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1817.

2

84(07)
V. 509
H

Печаташь дозволяется съ тѣмъ, чтобы по оппечаташи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Минисперства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библиотекѣ и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Января 19 го дня 1817 года. *Н. О. Профессоръ и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.*

783 964

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
ПУСКАЧА БИБЛИОТЕКА
шт. Н. А. Некрасова

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

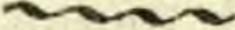

84(07)-82

О Г Л А В Л Е Н І Е

	Стран.
Похищеніе. Повѣсть. - - -	1
Двойни, или нѣжная дружба двухъ сесперъ. Повѣсть. - -	68
Домъ сумасшедшихъ. Анекдотъ. -	136
Диогенова бочка. Повѣсть. - -	153
Етна, или о счастіи человѣческомъ.	183
Люція Невиль. Анекдотъ. - -	219
Волшебной пирь. Анекдотъ. -	232

ПОВѢСТИ и АНЕКДОТЫ.

ПОХИЩЕНІЕ.

П о в ѣ с т ь .

Елиза Фонъ Ландекъ, вдова убишаго на войнѣ противъ Французовъ Императорской службы Полковника, жила близъ столицы одного Владѣтельнаго Герцога въ помѣстьѣ своемъ Блюменшалѣ вмѣстѣ съ милою, единственною дочерью, которую воспитывала со всевозможною рачительностію, и съ которою однакожь обходилась какъ съ младшею своею сестрою. Кто не зналъ ихъ, тошъ могъ почестъ мать и дочь родными сестрами. На тридцать прешлемъ году Елиза сіяла свѣжестью, на шестнадцатомъ году Августа была въ полномъ цвѣтѣ красобы дѣвической.

Послѣ смерти супруга своего Елиза совсѣмъ не ѣздила въ столицу. Она не

имѣла нужды въ чужой помощи, и сама направляла дочь свою въ правилахъ здравой нравственности, сама обогащала умъ ея полезными и приятными познаніями. Всеу етому сдѣлано уже было весьма хорошее начало въ одномъ воспитательномъ заведеніи.

Нѣкоторыя дворянскія фамиліи, на дѣлнее время прѣзжавшія въ сосѣдственныя деревни, посѣщали Елизу, и ее съ дочерью приглашали въ свои общества. Елиза охотно дѣлила съ ними время, но еще охотнѣе возвращалась въ свое уединенное жилище. Впрочемъ сія общества были не совсѣмъ бесполезны для Августы; она понемногу опставала отъ той робкой застенчивости, которая бываешь не избѣжнымъ слѣдствіемъ уединенной жизни.

Иногда просили Августу сыграть чтонибудь на фортепіано. Съ позволенія матери она соглашалась, и каждый разъ восхищительная приятность и точность игры ея осыпаемы были искренни-

эти похвалами. Въ семь искусствѣ, равно какъ и въ рисованьи, сама Елиза была ея наставницею. Мать радовалась успѣхами своей дочери; однакожь была увѣрена въ справедливости дѣлаемыхъ ей замѣчаній, а именно, что ученицѣ ея надобно бы еще нѣсколько мѣсяцовъ поиграшь подъ руководствомъ отличнѣйшихъ виртуозовъ, чтобы наконецъ могла она достигнуть совершенства въ музыкальномъ искусствѣ. Но для сей одной причины мать никогда не рѣшилась бы оставить сельское свое убожество. Елиза получила извѣстіе, что сестра мужа ея передъ своею кончиною спускала Августѣ нѣсколько тысячъ шаперовъ. Для окончанія сего дѣла надлежало ѣхать въ столицу, гдѣ жили прочіе наслѣдники умершей шешки Августинной. Такимъ образомъ Елиза вознамѣрилась провести шамъ всю зиму, и, пользуясь симъ обстоятельствомъ, усовершенствовашь талантъ дочери своей примѣрами и наставленіями превосходнѣйшихъ учителей.

Въ городѣ жила Елиза также уединенно какъ и въ своей деревнѣ; чтожь касается до Августы, то она училась съ такимъ прилѣжанемъ, что сама даже мать принуждена была напоинать ей, чтобы она изъ благоприспособленности не убѣгала общества. Сіе общество обыкновенно состояло изъ сосѣдственныхъ до деревнямъ дворянскихъ фамилій, также изъ родственниковъ и родственницъ, имѣвшихъ участіе въ раздѣлѣ имѣнія. Въ числѣ сихъ послѣднихъ Елиза нашла себѣ нѣжную приятельницу въ особѣ госпожи Фонъ Мильденъ, которая была также вдова, немногими годами ея старше, имѣла сына Феодора, служащаго въ Герцогской гвардіи прапорщикомъ, и дочь Емилию, цвѣтущую красотою подобно Августѣ.

Одну шельку госпожу Фонъ Мильденъ Елиза посѣщала съ наибольшимъ удовольствіемъ. Слѣдуя примѣру матерей своихъ, обѣ дочери душевно полюбили другъ друга, и черезъ нѣсколько недѣль сдѣла-

лись самыми корешкими и приятельницами. Обѣ вмѣстѣ играли уроки на фортепіано: Емилія безъ сопернической зависти и даже съ удовольствіемъ смотрѣла на превосходство Августы въ музыкальномъ искусствѣ; Августа непритворно любовалась прекрасными рисунками Емиліи. Часто обѣ мащери находились при учебныхъ упражненіяхъ Августы и Емиліи; часто Теодоръ подыгрывалъ имъ на скрипкѣ.

Теодоръ имѣлъ доброе сердце и хранилъ чистоту непорочныхъ нравовъ: симъ счастьемъ былъ онъ обязанъ наставленіямъ и примѣрамъ не задолго передъ тѣмъ умершаго своего родителя. Молодые товарищи иногда въ шушку называли его Капономъ; но уваженіе къ нему благомыслящихъ начальниковъ было для него такою наградою, для которой презиралъ онъ всякія насмѣшки. Даже самъ Принцъ Адольфъ, полковой его начальникъ, человекъ не суровой нравственности, почтительствовалъ его за хорошую службу, и любилъ какъ видѣ-

наго собою и ловкаго офицера. Уже не одинъ разъ Принцъ общался мапери поспарашьяся объ ея молодомъ философѣ, котораго въ самомъ дѣлѣ наконецъ произвелъ въ свои Каммеръ-Юнкеры. И на семъ скользкомъ мѣстѣ Теодоръ оспался вѣренъ своимъ правиламъ; онъ припворялся, будто совсѣмъ незаиѣчаетъ нѣкоторыя соблазнительныхъ поступковъ Принца, и даже никогда не упоминалъ объ нихъ въ самыхъ искреннихъ разговорахъ съ своею маперью. Чувство чести, не совсѣмъ еще ясное, а можеть быть и невольное уваженіе, внушаемое невинноешію въ людей, не совсѣмъ еще развращившихся, было причиною, что Адолфъ въ присутствіи Теодора не давалъ себѣ излишней свободы въ рѣчахъ, разговаривая съ сообщниками своихъ шалостей. Поведеніе Принца извѣстно было госпожѣ Фонъ Мильденъ. Она спрашивалась опасностей, предшоящихъ Теодору, и каждой разъ при удобномъ случаѣ предостерегала его отъ соблазнительныхъ примѣровъ.

Но безпечность ея поспешно исчезала; свѣтлые взоры и ясное чело Теодора удостоверяли ее, что совершивъ его свободнаго ошъ упрековъ.

Теодоръ былъ нечувствителенъ только къ соблазнамъ порока. Видавши Августу два мѣсяца сряду почти ежедневно, каждой разъ открывалъ онъ въ ней или новую добродѣтель, или новую приятность, и сердце его не могло оснаваться холоднымъ. Онъ полюбилъ ее, совершивъ ничего незная о новомъ своемъ чувствѣ; но мать его скоро догадалась. Со внутреннею радостію замѣчала она возникающую склонность, соотвѣтствующую ея желаніямъ, и нетерпѣливо ожидала благоприятной минушы, чтобы увѣдомить Елизу о своемъ намѣреніи.

Съ нѣкотораго времени и Августа чувствовала также, что въ сердцѣ ея происходило нѣчто такое, чего расширковать сама себѣ не умѣла. Частно предавалась она задумчивости, и какъ будто послѣ глубокаго сна-онамяновалась,

не могла дать себѣ отчета въ своихъ мысляхъ. Она чувствовала, что при появленіи Θεодора сердце ея билось, щеки пылали, и что, когда въ обыкновенное время не приходилъ Θεодоръ, она скучала и едва съ великимъ трудомъ могла сокрыть свою неперпѣливость. Мать ея была проницательна не менѣе госпожи Фонъ Мильденъ; но не зная расположенія и намѣреній своей пріятельницы, она стала прілѣжнѣе наблюдать за Августою, а особливо въ присутствіи Θεодора.

Софія — это имя госпожи Фонъ Мильденъ — примѣшивши безпокойство Елизы, рѣшилась приступить къ дѣлу. Однажды, бывъ наединѣ съ своею пріятельницею, она сказала ей прямо: „Связь между Θεодоромъ и Августою часъ отъ часу становится короче. Намѣрены ли вы препяпспивовать любви ихъ? Я съ своей стороны не вижу къ тому никакой побудительной причины.“ Елиза бросилась въ ея объятія. Обѣ матери долго разго-

варивали , проливая радостныя слезы. „Со времени рожденія моей дочери“ сказала Елиза „я не была такъ счастлива какъ въ сію минушу; блаженство мое превыше всякаго ожиданія!“ — Вы должны были всего ожидать для своей дочери; — отвѣчала Софія: — ибо я увѣрена, что Августа могла бы имѣть жениха и богаче и знатнѣе, хотя и невѣдаю, была ли бы она за нимъ счастлива. Я знаю сердце своего Феодора. —

Объ мащери, нѣсколько успокоившись послѣ радостнаго восторга, согласились дать полную волю своимъ дѣтямъ и только издали примѣчашь за ихъ поступками. Сіи наблюденія доставляли имъ такое удовольствіе, которымъ только материнское сердце можетъ наслаждаться. Елиза и Софія видѣли непорочную любовь дѣшей своихъ, ежедневно усиливающуюся, чинили въ томныхъ взорахъ изъясненіе чувства, въ кошоромъ Феодоръ несмѣлъ признасться и кошораго Августа назвашь еще не умѣла.

Августа и Емилиа выутили одну прекрасную сонату на чешыре руки, которую играли обѣ съ удивительнымъ искусствомъ. Учитель ихъ, побуждаемый тщеславіемъ, требовалъ неотступно, чтобы ученицы съиграли сонату въ приятельскомъ обществѣ любителей музыки, къ числу которыхъ принадлежалъ и Теодоръ, и которые уже нѣсколько разъ давали концерты, иногда посѣщаемые Софією и Елизаю. Епошъ же концертъ отличался тѣмъ, что всѣхъ прежнихъ, что въ немъ обѣщались показати свое искусство одна чужестранная пѣвица, которая желала при Герцогскомъ дворѣ получить себѣ мѣсто. Августа и Емилиа отговаривались; но матери ихъ не захотѣли учителя лишиться ожидаемаго имъ удовольствія, и вмѣстѣ убѣждали обѣихъ ученицъ согласиться на его просьбу, къ чему побудительною причиною служило обыкновеніе показывать дарованія и успѣхи молодыхъ людей въ музыкѣ при подобныхъ случа-

якъ, шо естъ въ кругу приятельскаго общества:

Начали швердить сонашу съ неушомимымъ прилѣжаніемъ. Въ назначенный день обѣ мащери съ дочерьми своими и съ Феодоромъ опшравились въ общество. Въ собраніи находились нѣкоторыя знатныя особы. Послѣ двухъ или шрехъ концертноеъ, Ишаліянка пропѣла свою арію, и была осыпана громкими рукоплесканіями; а особливо хвалилъ искусство ея Принць Адолфъ, которой дѣйствительно былъ знашокъ въ музыкѣ и которой за благо разсудилъ посѣпитъ сіе собраніе. Уже помышлялъ онъ о способахъ короче познакомиться съ прилестною Ишаліянкою, какъ вдругъ видитъ двухъ дѣвиць, подходящихъ къ фортепіано и провожаемыхъ Феодоромъ. Одного взгляда было довольно, чшобы приковать его вниманіе къ Августѣ, которая въ простомъ своемъ уборѣ показалаь ему несравненною красавицей.

При первыхъ такшахъ замѣчена робость, но она скоро исчезла. Обѣ припелельницы превзошли самихъ себя, а особливо Августа, которая играла первую половину. Ихъ слушали почти съ набожнымъ молчаніемъ, и когда окончана соната, осыпали знаками удивленія, которое возбуждено было не только игрою, но и прелестною наружностію Августы и Емилии. Феодоръ опять проводилъ ихъ на прежнее мѣсто. Въ эту самую минуту Принцъ подошедши къ нему спрашиваетъ: кто эта молодая особа, которая такъ прекрасно играла съ вашею сестрою? — „Дѣвица Фонъ Ландекъ, Ваша Свѣшлость!“ отвѣчалъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ Феодоръ, которой даже не чаялъ видѣть Принца въ этомъ собраніи: „она живеть здѣсь нѣсколько недѣль съ своею матерью.“ — А вы почему ее знаете? — „Онѣ намъ родственницы.“ — О, какъ познакомьшежь меня съ ними — сказалъ Принцъ, взявши Феодора за руку, пошелъ съ нимъ къ еѣ

машери и Елизѣ, и почтилъ ихъ множествомъ привѣтствій на счетъ достоинствъ и дарованій дочерей ихъ.

Августа и Емилиа, которыя ни однажды еще въ своей жизни не были предъ лицомъ великихъ земли, спояли съ шрепетомъ передъ Его Свѣплостію. Принцъ заставлялъ ихъ сѣсть, обращалъ рѣчь свою наиболѣе къ Августѣ, и ея застѣнчивость имѣла для него очаровательную прелестъ новости. Говоря къ одной изъ машерей, онъ украдкою помахивалъ на Августу, сидѣвшую между Емилиєю и Елизой, и она казалась младшею сестрою между Граціями. Яркой румянецъ разливался по щекамъ ея каждой разъ, когда Принцъ обращался къ ней съ вопросомъ; она пошупляла взоры, и невнятные, робко произносимые отвѣты возвышали дѣвственную красоту ея и невинность.

Феодоръ мучился. Сердце его спѣсилось, когда Принцъ въ милостивыхъ выраженіяхъ изъяснилъ госпожѣ фонъ Лам-

дѣкъ свое удивленіе, почему она съ дочерью ни однажды еще не являлась во дворецъ Ферцогскомъ. „Дочь моя“ опсѣчала Елиза „воспитана въ деревнѣ, и скоро должна будетъ возвратиться въ свое уединенное жилище. Она незнаетъ большато свѣта, и никогда не будетъ знать его. . . .“

Въ оркестръ готовились играть снова, и шрепещущій Оеодоръ пошелъ къ своей скрипкѣ; Адолфъ также возвратился на свое мѣсто, весьма довольный новымъ знакомствомъ. Онъ почти не сводилъ глазъ своихъ съ прекрасной группы, которую оставилъ пропивъ желанія: епо занятіе было причиною, что онъ совсѣмъ не слушалъ бравуръ аріи, и рукоплескалъ искусству Испаліянкой пѣвицы только въ слѣдъ за другими.

Концертъ окончился. Елиза была бы очень довольна торжествомъ своей дочери, еслибъ тайная досада неразрушила ея радости; она упрекала сама себя въ неоспорожной своей суешности, и не

хотѣла просипить себѣ, что рѣшилась
выспавить дочь свою передъ публику,
или лучше, показать ее Принцу, коего
излишнія ласки не обѣщали ей ничего хо-
рошаго. На другой день Феодоръ явился
на дежурство къ Принцу. „Знаете ли
вы, мой любезной Мильдень, что у васъ
есть прекрасная родственница?“ — сказалъ
Принцъ, увидѣвши Феодора: „Я спрашиваю,
извѣстно ли вамъ это? Такой какъ вы
философъ безъ сомнѣнія могъ давно уже
сдѣлать открытіе. . . .“ Щеки Феодора
запылали. „Хорошо, хорошо! вы кра-
снѣе, почто какъ вчера милая ваша
родственница. Что я долженъ думать
объ этомъ?“ — Баща Свѣплюсъ изво-
лише мнѣ оказывать много чести, по-
читая меня философомъ. — Феодоръ былъ
въ чрезвычайномъ замѣшательствѣ, и
сказалъ совсѣмъ не то, что говорить
былъ намѣренъ: — „Чудное дѣло!“ воскли-
кнулъ Принцъ, тремко захохотавши: „не
уже ли и Римской Казновъ походилъ на
нашего? Но дивисься нечему. Такое пре-

красное существо могло бы родиться раз-
вѣ только въ воображеніи сочинителя ро-
мановъ. Я столько одобряю вкусъ вашъ,
что даже хочу быть вашимъ совмѣстни-
комъ.“ Теодоръ споялъ какъ на пышкѣ; онъ
опять сказалъ бы что нибудь неприличное,
еслибъ не пришли доложить объ одномъ
Генералѣ, котораго Принцъ хотѣлъ ви-
дѣть.

Разговоръ сей сдѣлалъ весьма непри-
ятное впечатлѣніе въ Теодорѣ. Онъ зналъ
Принца, зналъ и то, что сказанное имъ
въ шутку могло исполниться на самомъ
дѣлѣ. Онъ всячески старался преодолѣть
печаль свою, однакожъ неимѣлъ возможно-
сти сокрыть ее ни отъ матери своей,
ни отъ Августы. Софія догадывалась,
что было причиною его задумчивости, а
Августа надѣялась узнать объ ней отъ
Емилии. Однакожъ она ничего не свѣда-
ла; Теодоръ подумалъ, что спрахъ его
былъ напрасенъ, ибо Принцъ ни слова
уже не говорилъ съ нимъ о прекрасной
его родственницѣ.

Теодоръ обманулся, и страхъ его былъ не напрасень. Въ сердцѣ Принца съ перваго взгляда на Августу воспы- лалъ огонь вождельнiя, копорой однакожъ спарался онъ шайшь ошъ Теодора. Онъ прочи шалъ въ глазахъ молодаго че- ловѣка спрасшную любовь его къ Авгу- стѣ, и тогда же разсудиль, что если и красавица равнымъ образомъ его любиль, то шрудно одержашъ надъ нею побѣду, а надобно будешъ упошребиль шактику, совсѣмъ ошличнуе ошъ шой, какая прежде награждала успѣхами его поиски. Впрочемъ онъ ожидалъ всего ошъ времени и обсто- яшельствъ, спараясь разгоняшь скуку свою въ объятiяхъ прелестной Ишалiянки Донны Сильви.

Корошкая связь между Принцемъ и пѣвицей не могла бышь долго сокрышою, и Теодоръ успокоился совершенно; онъ даке смѣялся иногда надъ самимъ собою; онъ дивился, какъ пришло ему въ голову приняшь шупку за истинное намѣренiе. Теодоръ и Августа день ошо дня

Часть IV.

Б

привыкали другъ къ другу, и наконецъ признались въ шой страсти, котораго сердца ихъ давно уже пылали. Ни страхъ, ни опасеніе не попревожили ихъ при изліяніи взаимныхъ чувствій. Они знали, что союзъ нѣжной дружбы соединяетъ матерей ихъ, и что сіи добрыя матери счастіе дѣшей спавили выше всего на свѣтѣ. Ввечеру того же дня Теодоръ и Августъ упали къ ногамъ своихъ родительницъ, сидѣвшихъ за софѣ по обыкновенію вмѣстѣ. „Благословите дѣшей вашихъ! мы любимъ другъ друга!“ сказалъ Теодоръ, между тѣмъ какъ Августа безмолвно цѣловала руки своей матери, омочая ихъ радостными слезами.

Хотя Елиза и Софія ожидали ешаго признанія; однакъжь сердца ихъ были чрезвычайно имъ пронугли. „Богъ да благословишь васъ, любезныя дѣши!“ сказали онѣ обѣ въ одно время, просширая къ нимъ свои объятія: „мы уже давно желаемъ вашето соединенія.“ Свадьбѣ назначено быль въ концѣ осени, а до того времени

надлежало все дѣло хранить въ тайнѣ, для нѣкоторыхъ семейственныхъ причинъ особенной важности.

Теодоръ началъ было спорить проптиву споль долгой отсрочки, доказывая неприятность своего положенія и тѣмъ, что Августа скоро должна будетъ вмѣстѣ съ матерью уѣхать въ деревню. „Ты самъ спанешь меня благодарить, сынъ мой, что разлучаю тебя съ Августою,“ сказала Елиза: „есть разлука доставитъ тебѣ новое удовольствіе, которое послужитъ сладкою пищею не только для любви вашей, но и для самой даже добродѣтели. Вы будете перелисываться два раза въ недѣлю, будете сообщать другъ другу мысли свои и сердечныя ощущенія. Души ваши, свободныя отъ оковъ чувственныхъ, будутъ взаимно созерцать себя въ лучезарномъ свѣтѣ, и союзъ вашъ еще болѣе укрѣпится. Дружба, безъ которой любовь есть не иное что какъ пламень мгновенно угасающій, дружба приготовляетъ для

васъ утѣхи прочныя, а она бываетъ только слѣдствіемъ долговременнаго, посюяннаго и свободнаго обмѣна мыслей и сердечныхъ ощущеній; она пребудетъ даже прилѣжнаго наблюденія взаимныхъ недоспапковъ. Вы будете ожидать свиданія какъ небесной радости; каждой разъ Теодоръ, посвящая Августу, будете находить въ ней новыя достоинства; каждой разъ онъ будетъ казаться любезнѣе въ глазахъ Августы. Сверхъ же того дочь моя еще молода, и я не успѣла еще преподашь ей всѣхъ наставленій, необходимо нужныхъ для тѣхъ обязанностей, которыя она возложишь на себя, вступивши въ супружество. Должности сіи важны и многоразличны; Августа моя предстанетъ олшарю не иначе, какъ получивши уже надлежащее о нихъ свѣдѣніе.“

Все семейство еще наслаждалось сладчайшимъ ощущеніемъ своего благополучія, какъ вдругъ приносятъ приглашеніе на придворной балъ, которому назначено быть черезъ три дни. Радость ма-

терей и дѣтей нарушена была самымъ неприязненнымъ для нихъ образомъ. Елиза и Софія въ молчаніи смотрѣли одна на другую; а дѣти, особливо же Теодоръ, неперпѣливо желали знать ихъ намѣреніе. Госпожа Фонъ Мильденъ наконецъ сказала Елизѣ: „Намъ никакъ невозможно отказатьсь, а особливо послѣ того, что Принцъ говорилъ вамъ въ концернѣ. Онъ самъ обыкновенно бываесть главнымъ распорядителемъ при подобныхъ празднествахъ, которыми старой Герцогъ почти совсѣмъ незанимаесться.“

Теодоръ молчалъ. Онъ объявилъ бы свое мнѣніе, еслибы только смѣлъ предложить свои причины. Коротко зная Принца, онъ очень боялся, чтобъ Елиза и Софія не отказались отъ приглашенія; ибо Адолфъ почелъ бы его виновникомъ такой неучливости. Одна Емилиа надѣялась веселиться на балѣ. Она любила танцы; она еще не знала такого человека, для котораго презирающъ всѣ забавы на свѣтѣ. Августа недумала отказывашь

себѣ въ удовольствіи посмотрѣть на придворное великолѣпіе; но она хотѣла бы сама быть не дѣйствующимъ лицомъ, а только зрительницею, и при томъ не цѣлымъ вечеромъ, но однимъ только часомъ пожертвовашь епой новой забавѣ. Впрочемъ она утѣшалась мыслию, что Теодоръ будетъ съ нею, и охотно рѣшилась погубить нѣсколько времени на приготовленія къ балу передъ уборнымъ своимъ сполникомъ. Она хотѣла нравиться всему Теодору; можетъ быть также было у нее на умѣ и то, чтобы заблаговременно оправдаться передъ свѣтомъ въ своемъ выборѣ. Таковую суещность можно простишь шестнадцатилѣтней невѣстѣ.

Наконецъ Софія и Елиза съ дочерьми своими явились на балѣ. Принцъ Адолфъ принялъ ихъ съ ошличнымъ уваженіемъ; самъ подошелъ къ нимъ, показалъ имъ мѣста и вызвался Елизѣ предсказать ея съ дочерью Герцогу, своему дядѣ, кошорой послѣ продолжительной болѣзни въ первой разъ въ епоть день

вознамѣрился явиться въ публикѣ. Герцогъ вспомнилъ, что въ молодости своей служилъ въ одномъ полку съ покойнымъ Ландекомъ, принялъ вдову его и дочь весьма благосклонно и предлагалъ имъ свои милости, когда онѣ будущъ имѣшь въ нихъ нужду.

Принцъ Адолфъ открылъ балъ съ Принцессою, дочерью Герцога. Исполнивши долгъ приличности вразсужденіи значнѣйшихъ госпожъ придворныхъ, онъ пригласилъ танцовать дочь Елизы. Августа подала ему дрожащую руку, и краснѣла при каждомъ его словѣ. Послѣ танца Адолфъ сѣлъ подлѣ Августы, и оная началъ говорить съ нею; спрашивалъ о мѣстѣ ея жительства, объ ея упражненіяхъ, о томъ какъ она проводилъ свое время, и осыпалъ ее похвалами. Августа была въ великомъ замѣшательствѣ.

Бѣдной Сеодоръ принужденъ былъ стояшь вдали по долгу почтенія къ высшему своему начальнику. Онъ обрадо-

вался столько же какъ и Августа, когда Принцъ пригласилъ танцовать Емилию. Юная горожанка танцевала гораздо лучше нежели деревенская ея приятельница; не смотря на то, Принцъ неподходилъ къ ней уже болѣе, и занимался одною Августою. Она спановилась смѣлѣе, и Принцъ имѣлъ случай замѣтить въ ней природной умъ и приобретенныя свѣдѣнія. Разумѣется, что Адолфъ, разговаривая съ Августою, часто обращалъ рѣчь свою и къ ея матери; при всякомъ случаѣ хвалилъ ее, какъ воспитательницу и наставницу столь совершенной дочери.

Теодоръ нѣсколько разъ поднималъ танцовать Августу, единственно чѣмъ избавивъ ее отъ безотвязнаго Принца; шутъ удавалось ему слова два шихонько сказать о любви своей, и корошкой разговоръ ихъ каждой разъ оканчивался изъявленіемъ нешерпѣливаго желанія какъ можно скорѣе освободиться отъ скучнаго бала. Молодой челоуѣкъ прилѣжно

наблюдалъ всѣ движенія Адолфа, и въ сверкающихъ глазахъ его немогъ не замѣтивъ воспламенившейся спраспи. Онъ переспалъ мучиться не прежде, какъ сѣвши въ карету съ Августою.

Принцъ не замѣтилъ въ немъ безпокойства, слишкомъ занявъ будучи прекрасною своею знакомкою. Онъ не выпускалъ ее ни на минуточку изъ мыслей своихъ, и на другой день при свиданіи съ Фредоромъ тотчасъ началъ освѣдомляться о здоровьи милой его родственницы. Она была первымъ и главнымъ украшеніемъ бала; сказала Принцъ съ восторгомъ: „никогда еще не видалъ я столько прелестей въ одной особѣ.“ Онъ однакожь вспомнилъ, что такая опкровенность вовсе не у мѣста, и прибавилъ съ принужденнымъ равнодушіемъ: „Да, всякой конечно согласится, что она есть почной порпретъ своей мащери, и что изъ всѣхъ бывшихъ на балѣ имъ только двумъ надобно ошдаться преимуществво.“

Теодоръ чрезвычайно безпокоился, и не безъ причины. Добрая слава Августы подвержена была величайшей опасности. Онъ вспомнилъ, что уже и на балѣ шарья и молодая госпожи съ видомъ значительнымъ посмащивали на Августу, когда Принцъ оказывалъ ей особенныя ласки. Чего не выдумають клевета и подозрительность, говорилъ самъ себѣ Теодоръ, если Принцъ захочетъ посѣпить ее для поддержанія новаго знакомства? Онъ не могъ долго тайтъ отъ матери своей, что происходило въ его сердцѣ; въ первой разъ въ жизни своей началъ говорить съ нею о беспорядочныхъ поступкахъ Адолфа, и пошомъ открылся ей въ мучительныхъ своихъ подозрѣнїяхъ. — „Ешо для меня не новое, сынъ мой!“ отвѣчала Софія: „подозрѣнїя швои весьма справедливы. Скоро послѣ бала я имѣла случай говорить объ ешомъ съ матерью швоей невѣсты, и она тогда же рѣшилась немедленно уѣхать изъ столицы. На будущей недѣлѣ она отправаляетъ

ся въ Блюменшаль вмѣстѣ съ Августою. Мы спанемъ посѣщать ихъ въ каждой мѣсяцъ по одному разу. Надѣюсь, что Принцъ дозволишь тебѣ оплучаться на короткое время. Августа не должна знать о причинѣ ешаго опъѣзда.“ Бѣдной Теодоръ принужденъ былъ на все согласиться. Не буду описывать прогашельнаго прощанья: многіе историки любви штысячу уже разъ пышались изображать подобныя каршины и, кажется, всегда безъ успѣха.

Началась нѣжная переписка. Съ каждою почтою Августа обыкновенно получала нѣсколько строкъ опъ своего Теодора, и съ каждою же почтою отпра- вляла къ нему опшвѣщныя письма, наполненныя изліяніемъ сердца невиннаго, выраженіями простоты безыскусственной, а не выкраденными изъ вздорныхъ романовъ, кошорыхъ Августа цикогда и не читала.

Казалось, что Принцъ Адолфъ со- веѣмъ переспалъ объ ней думашь, при-

взавшись къ Ипаліянской своей Сиренѣ. Только однажды, спустя день послѣ ошѣзда Августы, спросилъ онъ у Теодора: „Правда ли, будто ваши родспвенницы уѣхали отсюда?“ — Вчера, ваша Свѣшлость. — „Жаль! онѣ были бы украшеніемъ споліцы.“ Болѣе Теодоръ неслышалъ опъ него ни одного слова объ Августѣ.

Прошелъ мѣсяць. Луга покрылись зеленью, и Августа считала минувшы, дожидаясь нешерпѣливо любезнаго своего Теодора. Въ послѣднемъ письмѣ надлежало бышь предварительному извѣщенію о его прибытіи; но посланной въ почтовую экспедицію ближняго мѣспечка возвратился назадъ съ пустыми руками. Августа, поливщи цвѣшны свои, печально сидѣла въ липовой бесѣдкѣ; спѣсенное сердце ея билось; душа ея занята была однимъ предметомъ; и въ то самое время, когда имя Теодора вылетѣло изъ устъ ея, Августа очутилась въ его объятіяхъ. Онъ оставилъ мать свою и Еми-

лю, и прокрался къ бесѣдкѣ кривою дорожкой. Юныя друзья еще неопамятовались, какъ подошли къ нимъ обѣ матери. „Вы правду сказали, мапушка!“ воскликнулъ Теодоръ: „и разлука имѣешь свои выгоды; безъ нее не испыталъ бы я того счастья, копорымъ въ сію минуту наслаждаюсь.“

Два радостные дня были посвящены любви и дружбѣ. На послѣдокъ госпожа Фонъ Мильденъ и дѣти ея возвратились въ городъ. Теодоръ пошчасъ долженъ былъ явиться къ Принцу для принесенія благодарности за милостивое дозволеніе побывать въ деревнѣ; сверхъ того ему поручено было отъ самаго Принца сказать нѣсколько учивыхъ словъ Елизѣ и ея дочери, слѣдовательно приличность требовала и отъ ихъ имени изъявить Его Свѣплости всенижайшую благодарность. — „Вы конечно провели время очень весело?“ — Точно такъ, Ваша Свѣплость! — отвѣчалъ Теодоръ тихимъ голосомъ, будучи въ крайнемъ замѣшатель-

ствѣ. Принцъ сдѣлалъ видъ, будто ничего незамѣнилъ, и началъ говорить о другомъ.

Май оканчивался. Елиза и дочь ея съ спокойною радостію ожидали того времени, въ которое надлежало совершиться ихъ главному желанію. Между шѣмъ онѣ готовились принять на другой день любезныхъ гостей своихъ, и для того Августа сама вмѣстѣ съ горничною брала въ саду крупную землянику. Вдругъ совсѣмъ неожиданно являясь передъ ними Принцъ Адолфъ въ охотничьемъ плащѣ, послѣдуемый Симбершомъ, вѣрнымъ своимъ камердинеромъ. „Его ради позови сюда скорѣе маменьку,“ тихо сказала Августа, а сама боязливо и покраснѣвши пошла на встрѣчу Адолфу. — „Со вчерашняго дня я живу подлѣ васъ, прекрасная дѣвица! Извините, что пользуюсь счастьемъ по долгу соседства сдѣлать вамъ и вашей маменькѣ дружеское посѣщеніе.“ Августа въ замѣшательствѣ не знала, что говорить. „Я

испугалъ васъ нечаянноспію;“ продолжалъ Принцъ, крѣпко пожимая руку Августы : „ободришесь, милое дитя! вы передъ собою видите не Принца Адолфа, но добраго своего сосѣда, которой, вырвавшись изъ оковъ дворской жизни, желаетъ хотя нѣсколько времени подышать чистымъ воздухомъ и насладиться свободою.“ — Ваша Свѣшлость. . . — „Я помѣшалъ вамъ работашь, прекрасная дѣвица! вы брали землянику.“ — Свѣшлость Вашей Свѣшлости. . . — и Августа поднесла Принцу корзинку съ ягодами. „Прекрасная земляника; но она ничего передъ румянцемъ щекъ вашихъ. Я беру эту ягодку въ залогъ вашей ко мнѣ дружбы.“

Тушь прибѣжала Елиза. Она приняла Адолфа съ непринужденною учтивостію; не могла однакожь скрыть своего удивленія. „Вы удивляетесь, сударыня,“ сказалъ Принцъ „видя меня въ сельскомъ своемъ убѣжищѣ. Врачи неопшпунно требовали, чтобъ я полѣчился на

свѣжемъ воздухъ, и Герцогъ дозволилъ мнѣ провести нѣсколько времени въ Форшенбургскомъ замкѣ. Надѣюсь, что дозволено мнѣ будетъ почитать васъ въ числѣ нѣхъ сосѣдокъ, которыя желаютъ, чтобы я не соскучилъ въ сельскомъ своемъ жилищѣ? — Домъ вдовы, живущей уединенно, не можетъ быть мѣстомъ удовольствій для Вашей Свѣпlosti. — „О, попрошивъ; прошу васъ не чиниться,“ сказалъ Принцъ, подавая ей свою руку: „позвольте мнѣ осмопрѣть прекрасной вашъ садикъ.“ — Они пошли. Адолфъ вездѣ находилъ случаи хвалишь изящной вкусъ хозяйки и благоразумную ея распорядительность. Сказано было также нѣсколько учтивыхъ привѣтствій и на счетъ Августы, когда Принцъ узналъ, что она имѣла особенной присмопрѣ надъ цвѣтами. Благоприсойность требовала опъ хозяйки предложить, не угодно ли Принцу войти въ домъ и освѣжиться прохладительнымъ напитокомъ. Само собою разумѣется, что предложе-

не было принято весьма благосклонно. Принца ввели въ опрашную комнашу; Августя накрыла споль и посшавила нѣсколько шарфлокъ съ ягодами. Адолфъ не хошѣлъ ни до чего допронуться, пока не сѣла подлѣ него за споломъ новая Геба — шакъ называль онъ дочь Елизы.

Между тѣмъ какъ Свѣплѣйшій госпъ занимался съ госпожами, вѣрный служитель его свелъ знакомство съ горничною. Онъ высыпаль передъ нею множество привѣпствій, наговориль ей всякой всячины, и даже увѣриль ее, что еще въ быпность ея въ сполицѣ онъ отдаваль должную справедливоспъ ея прелестямъ, и что съ шѣхъ поръ рѣшилъ непременно искапъ ея знакомства. Симбертъ какъ будто ненарочно завелъ рѣчь о Принцѣ, и испощиль всѣ похвалы, превознося его щедроспъ.

Епощъ Симбертъ, служившій у Принца камердинеромъ, былъ природной

Французъ, прошедшій сквозь огонь и воду. Въ молодости своей онъ учился въ Стразбургскомъ Университетѣ, и выгнанъ оттуда за дурное поведеніе. Долго шатался онъ по Парижскимъ улицамъ безъ должности, потомъ служилъ въ кофейныхъ домахъ и шрапширахъ, наконецъ чрезъ посредство нѣкотораго приятеля своего, торговавшаго помадою, познакомился съ однимъ Русскимъ дворяниномъ, коимъ принялъ его къ себѣ въ камердинеры, и которому доставлялъ онъ въ Парижѣ знакомства съ тамошними торговками. Приѣхавши въ П. Бургъ, Симбертъ узналъ, что многіе земляки его, люди одинакаго съ нимъ ремесла, безъ малѣйшаго затрудненія опредѣляются въ богатыхъ домахъ къ учительской должности, которая уже открываетъ имъ дорогу къ управленію господскимъ имѣніемъ и самыми даже хозяевами дома и къ обогащенію себя въ короткое время. Тутъ расчипался онъ съ своимъ господиномъ, поѣхалъ въ

Москву, объявилъ себя Профессоромъ одной Французской Академіи и Членомъ многихъ ученыхъ обществъ, успѣлъ развратить нѣсколько молодыхъ людей, наконецъ за распушную жизнь и зловредныя правила былъ высланъ за границу. Долго шапавшись по Германіи, онъ присады въ солданы и именно въ полкъ Принца Адолфа, которой замѣтивши въ немъ особенную ловкость, взяли его къ себѣ въ камердинеры, и Симбертъ въ короткое время сдѣлался ближайшимъ его повѣреннымъ.

По совѣту Симберта, Роза, горничная Августы, поднесла Принцу букетъ цвѣткѣ, когда онъ выходилъ изъ дома, и получила отъ него двойной червонецъ. Елиза сдѣлала ей суровой выговоръ, и выслушавъ оправданіе Розы, накрѣпко запретила ей слѣдовать чужимъ совѣщамъ безъ господскаго приказанія.

Сіе пощженіе возобновило прежній страхъ въ Елизѣ, и Госпожа Фонъ Миль-

день, которая на другой день приѣхала въ Блюменталь съ дѣшьями своими, почистала его весьма справедливымъ. Теодоръ вздыхалъ; одна только невинная Августа не догадывалась объ опасности, угрожающей своимъ семействомъ. Елиза и Софія долго рассуждали между собою о семъ дѣлѣ; онѣ видѣли, что опклонить Принцевыхъ посѣщеній никакъ не можно, и что благоразуміе пребудетъ неоставлять Августы ни на одну минушу въ его присутствіи. Положено было, если бы Принцъ спалъ искалъ частныхъ свиданій, или обнаружилъ свое намѣреніе, огласить помолвку юной четы и немедленно приступить къ свадьбѣ.

Черезъ нѣсколько дней Принцъ опять явился въ Блюменталь. Онъ заспалъ Августу за фортепіано. „Я играла варіаціи „Моцаршова, кошорыя шы въ послѣдній „разъ привезъ мнѣ изъ города.“ Такъ писала Августа къ своему Теодору. „Маменька сидѣла подлѣ меня. Принцъ не-

„премѣнно хотѣлъ, чпобъ я продолжа-
 „ла, и послѣ каждой варіаціи восклицалъ:
 „прекрасно! божественно! хотя я игра-
 „ла весьма неудачно. Онъ просидѣлъ у
 „насъ болѣе часа, говорилъ долго со мною
 „и спросилъ, какъ я провожу свое время.
 „Когда рѣчь зашла о книгахъ, онъ захо-
 „пѣлъ знанъ, читаю ли я романы. Тупиъ
 „маменька вмѣсто меня отвѣчала, что
 „мнѣ читаешь ихъ не досужно, и что я
 „совсѣмъ даже неимѣю до нихъ охоты.
 „Мнѣ показалось, будто Принцъ былъ
 „недоволенъ симъ отвѣтомъ. Спустя
 „минушу, онъ сказалъ маменькѣ: у васъ
 „недавно были гости изъ столицы? —
 „Госпожа Фонъ Мильденъ съ дѣтьми
 „своими, ваша Свѣтлость! отвѣчала ма-
 „менька. — Отличная женщина! примол-
 „вилъ Принцъ: сынъ ея подаетъ о себѣ
 „весьма хорошую надежду. Я опечески
 „буду спараться о его счастіи. — Твоя
 „Августа готова была упасть передъ
 „нимъ на колѣна; онъ вѣрно догадался о
 „нашей шайнѣ, ибо посмошрѣлъ на меня

„весьма приспально. Послѣ того онъ го-
ворилъ уже очень мало, сидѣлъ молча и
задумывался.“

Елиза видѣла гораздо болѣе, нежели
простодушная дочь ея. Она замѣтила ки-
пящее вождѣленіе въ глазахъ сластолюб-
ца, которой при всемъ хитромъ притвор-
сивѣ не могъ сокрыть ошъ нее внутрен-
нихъ своихъ движеній. Не смотря на по-
нѣжная мать нехотѣла объявлять доче-
ри, какого рода опасность угрожаетъ ея
спокойствію, ибо надѣялась оспорожно-
стію своею предотвратитъ оную.

Симберту и въ епошъ разъ удалось
поговорить съ Розою. Онъ нашелъ ее въ
саду и завелъ съ нею рѣчь какъ старой
знакомой. Роза пожаловалась ему, что
получила ошъ госпожи своей за цвѣшны
выговоръ, а Симбертъ ушѣшалъ ее шѣмъ,
что для такого милоспиваго Принца не-
грѣшно вытерпѣть сотню выговоровъ.

„Подобнаго ему нѣтъ на свѣшѣ.
Будьше увѣрены, милая моя, что онъ

щедро вознаградишь васъ. Давно ли вы у госпожи Фонъ Ландекъ ?“

— Почти съ малолѣшства. Послѣ смерти матери моей, госпожа Фонъ Ландекъ взяла меня на свое попеченіе. Когда барышня выдешъ за мужъ, то я надѣюсь. . .

„Развѣ она выходитъ за мужъ ?“

— Ничего вѣрно незнаю, однакожъ кажется будто бы

„Не за прапорщика ли Фонъ Мильдена ?“

— А вы почему знаете ? —

„Какъ не знать ? Жена почтоваго смопришеля сказала мнѣ, что онъ уже два раза былъ здѣсь въ Блюменшалъ, и что скоро приступяшъ къ дѣлу. Жаль мнѣ вашей барышни; она достойна лучшаго счастья; съ ея умомъ, съ ея красою можно очаровать не только простаго дворянина, но даже владѣтельнаго Князя.“

— Ахъ, какая ето добрая барышня! истинно ей бышъ бы владѣтельною Княгинею ! —

„Кто знаетъ, что можетъ случиться? Иногда бываетъ то, чего и совѣмъ не ожидаешь.“

Симбершъ дорогою разсказалъ Принцу разговоръ свой съ горничною. „Вижу,“ ошвѣчалъ Адолфъ „что епомъ прапорщикъ введетъ меня въ большія хлопоты; онъ почно любимъ ею. Но я сдѣлаю свое, во что бы то ни спало! Красавица окова-ла мой умъ и сердце.“ — Да развѣ мудро куда нибудь спровадишь проклятаго Мильдена? — „Епо правда; но я не-хочу дѣлать огласки. Герцогъ не любитъ подобныхъ исторій; сверхъ того и у Августы я ничего не выиграю. Еслибъ удалось мнѣ поговорить съ нею наединѣ! Но мать не спускаетъ ее съ глазъ своихъ. Можетъ быть скоро буду имѣть къ тому случай. Чтожъ я скажу ей? Средствъ, съ успѣхомъ употребляемыхъ мною при другихъ намѣреніяхъ, здѣсь ни къ чему негодятся. Въ епомъ я очень увѣренъ.“ — Несогласится ли мать на предложеніе тайнаго брака? Если бы Ва-

ша Свѣплость . . . — „Я уже думаю объ епомъ. Конечно это дурачество; но право Августа достойна того, чтобы я рѣшился.“ — Лучше, еслибъ это средство оспалось въ запасѣ; къ нему прибѣгнуть можно бы въ крайности. — „Выдумай другое, любезной Симберпъ, и надѣйся на мою благосклонность.“

Принцъ опять посѣпилъ Елизу. Онъ приѣзжалъ на самое короткое время, я единственно, какъ говорилъ онъ, по препорученію Баронессы Фонъ Рошау просить Елизу и дочь ея на семейственный сельскій праздникъ, которому положено быть на другой день въ замкѣ Баронессы. „За вами приѣдетъ сынъ ея Ром-мистръ,“ продолжалъ Принцъ „если вы, сударыня, откажетесь предоспаившь мнѣ столь лестное преимущество.“ — Нечаянность эта привела Елизу въ чрезвычайное изумленіе. У нее съ Баронессою не было пѣсной связи; однакожь онѣ жили въ согласіи, какъ добрыя сосѣдки и приятельницы. Елиза тотчасъ догада-

лась, кто былъ главнымъ виновникомъ ешаго праздника; но при всемъ томъ не имѣла доспащочней причины отклонить предложеніе. Она просила только, чтобы Принцъ въ самомъ дѣлѣ не взялъ на себя труда приѣхать за нею, и тѣмъ не подавалъ бы причины обвинять ее въ непроспительномъ щеславіи. Принцъ не усиливался. Онъ началъ говорить о дѣлахъ постороннихъ, совсѣмъ не обращая вниманія на Августу, и откланиваясь Елизѣ, сказалъ, что ѣдепъ къ Баронессѣ Фонъ Ромау донесли ей объ успѣхѣ своего посольства.

На балѣ гостей было немного. Принцъ употребилъ все стараніе сдѣлать праздникъ ешотъ какъ возможно блистательнѣе. Онъ самъ открылъ балъ съ дочерью хозяйки, и непоропился лешѣшь къ Августѣ; далъ время ей даже исполнить долгъ вѣжливоспи вразсужденіи Роммиспра, кошорой провожалъ ее и Елизу изъ Блюменшала. Послѣ того поднялъ онъ Августу для Англійскаго шанца, но

окончаніи котораго хопѣлъ было посадить ее на ближнемъ стулѣ; но Августа съ должною почтительностію сказала, что ей нужно быть при матери. Принцъ всячески старался поговорить съ нею наединѣ, и все безъ успѣха.

Адолфъ танцовалъ вальцъ съ Августою. Въ то самое время окна залы освѣтились яркимъ пламенемъ: это былъ фейерверкъ, зажженной въ 10 часовъ ровно по приказанію Принца. Всѣ побѣжали къ окнамъ; Принцъ съ Августою успремились туда же. Во время замѣшательства Елиза выпустила изъ глазъ своихъ Августу, и Принцъ въ сію благоприятную минушу успѣлъ ей сказать: „Наконецъ, прекрасная дѣвица, я могу вамъ открыться въ томъ, о чемъ уже давно неперпѣливо желалъ объявить вамъ; я люблю васъ, и люблю несказанно; съ сердцемъ моимъ предлагаю вамъ все, что можете удостовѣрить васъ въ моей привязанности, и я. . .“ Августа пререпшала; ей казалось, что зем-

ля разверзается подъ ея ногами. Вырвавши руку свою изъ его руки, она сказала шихимъ, шрепещущимъ голосомъ: „Ваша Свѣплосшь! извольте опшеспись къ маменькѣ; она будепъ опвѣчашъ вамъ вмѣспо меня.“ И шопчасъ опшшупила опшь окна, будшо для шого чшобы дашь другимъ мѣспо. Елиза сама уже искала ее. „Чшо съ шобою сдѣлалось, другъ мой? ты блѣдна и дрожишь!“ — Ничего, маменька; я вспомѣла, и боюсь, чшобъ подлѣ окна не проспудишься. — Добрая дочь не хошѣла въ госпяхъ опечалишь машъ свою.

Принць былъ очень веселъ. Онъ еще раза два или при вызывалъ Августу шанцовашъ съ собою, и нѣсколько разъ сядился подлѣ ея мапери. Въ ешо время онъ говорилъ ей объ удовольствіяхъ сельской жизни, о семейшвенныхъ радостяхъ, о привужденныхъ забавахъ дворскихъ, объ опшвращеніи своемъ опшь пышности, наконецъ о всегдашнемъ желаніи сложить съ себя мучительное бремя высокаго сана

и живишь спокойно въ сельскомъ уединеніи. Елиза прошивурѣчила; она дала ему разумѣнь, что въ его лѣпахъ рано еще думать объ уединенной жизни, которая очень скоро бы ему наскучила.

На другой день поутру Августа рассказала мапери о неприятномъ приключеніи съ нею на балѣ. „Вопшь что было причиною моего страха;“ прибавила она: „я не хотѣла нарушить вашего спокойствія.“ Елиза поблѣднѣла, увидѣвши, что опасность гораздо ближе, нежели она думала. — Чпожь я должна сказать ему, когда онъ опшкроетъ мнѣ свое намѣреніе? — „И вы спрашиваете меня объ этомъ, любезная маменька? Не уже ли думаете, что я шронъ предпочшу моему Оеодору?“

Еще мапшь и дочь неокончили своего разговора, какъ вдругъ вбѣгаешъ опромешью Роза и подаетъ Елизѣ письмо, которое привезъ камердинеръ и вручилъ горничной вмѣстѣ съ шестью червонцами ошъ имени Принца въ награду за вы-

говоръ, полученной ею отъ госпожи своей. Въ письмѣ написано было слѣдующее:

„Изъ вашихъ устъ, милостивая государыня, надѣюсь я получить опивѣшь прекрасной дочери вашей на предложеніе, которое она вчера отъ меня услышала. Минувшею зимою возгорѣлась въ сердцѣ моемъ сильнѣйшая спрасъ, которой не могли погасить ни разлука, ни шумныя забавы столицы, потому что любовь сію произвели не виѣшнія прелести, но душевныя совершенства обожаемой вашей дочери. Въ первой еще разъ, милостивая государыня, покоряюсь всемогуществу невинности и предвкушаю блаженство любви и добродѣтели. Судьбѣ угодно, чѣобы Августа оковала мое сердце, чѣобы зашворила къ нему входъ чувственнѣмъ вождѣленіямъ. Помогите мнѣ совершить благое и полезное начинаніе. Ваше достоинство пусть будетъ порукою за чистоту моихъ наѣреній. Предлагаю руку мою прекрасной дочери вашей, неопасаясь нарушить тѣмъ несносныхъ за-

коновъ полишики. Дядя мой, Герцогъ, имѣетъ шрехъ сыновъ; слѣдовательно я совершенно свободенъ отъ обязанности женишься прошивъ своей воли. Не смотря однакожь на то почишаю за полезное скрывать бракъ свой до возвращенія Наслѣднаго Принца. Онъ любитъ меня, и я надѣюсь, что охотно будетъ за меня ходатайствовать предъ своимъ родителемъ. Ваше одно слово, милостивая государыня, рѣшитъ судьбу мою. Вручитель сего письма завтра ввечеру будетъ присланъ въ вамъ за отвѣтомъ. Да исполнится моя сладчайшая надежда, и обожаемая Августы да удостоится названія вашего сына.

Адолфъ.“

Письмо было писано подъ руководствомъ Симберпа, Адолфова тайнаго совѣтника. „Вамъ шуть совѣтъ нечего бояться;“ говорилъ Принцу вѣрный его камердинеръ: „вы на ней женишесь тайно, а потомъ, когда пожелаеши разсвѣдаться, можно будетъ бракъ вашъ

довести до свѣдѣнія Его Свѣтлости. Герцогъ прочиташъ вамъ добрую проповѣдь; спашься можешъ, что и посердишя на васъ недѣли двѣ; но дѣло непременно шѣмъ кончится, что бракъ ешомъ будешъ уничтоженъ, какъ пропивузаконный и оскорбительный для его Высококоняжеской фамиліи. Чтобы въ порядкѣ доиграшъ комедію, вы у ногъ Принцессы своей должны жаловашься на жестокость рока, оплакивашъ и проклинашъ свое несчастіе; а неутѣшная Аріадна черезъ два или три мѣсяца принуждена будешъ утѣшишя въ объятіяхъ какого нибудь небогатаго поручика, которому вы пожалуете вмѣсто приданого капитанской чинъ и полныя двѣ горсти червонныхъ“ — Но, любезной Симбершъ! — возразилъ Принцъ: — развѣ ты думаешъ, что мать не знаетъ о моихъ прежнихъ шалостяхъ, и что она положишя на мое посоянство? — , И ешому пособишъ не шрудно: Елиза набожна; въ случаѣ нужды можно предешавишъ изъ себя кающа-

гося грѣшника. Пошерпимъ до завтра. Получивши опвѣщъ, узнаемъ, что дѣлать должно.“

На другой день потчасъ послѣ обѣда; Принцъ велѣлъ осѣдлать лошадь, и пустился по дорогѣ къ Блюменталю вмѣстѣ съ своимъ повѣреннымъ. Самъ онъ остался въ роцѣ подлѣ деревни, а Симбертъ поѣхалъ за опвѣщомъ, котораго ждалъ Принцъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ, какъ игрокъ, поставившій на карту все свое имѣніе. Распечатавши письмо, онъ прочиталъ слѣдующее :

„Ваша Свѣшлосшь изволише мнѣ и дочери моей дѣлать такую чесшь, которою мы не можемъ воспользоваться. Я осмѣлилась бы донести вамъ, что причины, для копорыхъ уклоняетесь вы отъ обязанностей високаго своего сана, не дають намъ никакого права забыть о нашихъ обязанностяхъ; что и дочь моя знаемъ должносшь свою вразсужденіи нашего Государя; что вы сами, Свѣшлѣй-

шій Принцъ, рано или поздно презрѣли бы насъ, еслибъ мы отважились обмануть Всемилоспивѣйшаго нашего Герцога, и священнѣйшіе законы попрать ногами. Такъ опвѣпспвовала бы я Вашей Свѣпсплости, еслибъ Августа была свободна, и причины мои конечно были бы уважены вами. Но я въ нихъ не имѣю нужды. Миѣ оспается только сказапъ, что уже при мѣсяца какъ дочь моя помолвлена за прапорщика Фонъ Мильдена, избраннаго ея сердцемъ. Послѣ такого изъясненія Ваша Свѣпсплость должны оспречься опъ желанія, прошивнаго и чеспи и должностпи.“
И проч.

„Несносная досада!“ воскликнулъ Принцъ, сжавши письмо обѣими руками. — Неунывайше, Ваша Свѣпсплость! надобно прибѣгнупъ къ геройскому средспву. Правда, было бы гораздо лучше, еслибъ вы послушались совѣпа госпожи Фонъ Ландекъ, и . . . — „Симберпъ! ежели пы не шушишь, то мы навсегда разспанемся съ шобою. Начашое дѣло надобно докон-

чипь. Я влюбленъ до безумія, и никакія препятствва меня не османовяпть. Въ случаѣ нужды я готовъ на все рѣшипсья . . . “ — О, если шакъ, шо однимъ мѣпкимъ ударомъ кинжала въ грудь вашего соперника всего скорѣе можно испребипсь въ немъ охопу къ женипсьбѣ. — „Ешо совѣпсь разбойнической, опъ копораго не должно ожидать никакой пользы. Машъ и дочъ возненавидѣли бы меня какъ подлаго убійцу.“ — Развѣ Ваша Свѣпслостъ намѣрены начапсь переговоры и шребовапсь сдачи? — „И ешо бесполезно. Онѣ, а особливо машъ, не согласяпсья ни на какія предложенія?“ — Слѣдстввенно — сказалъ Симберпть улыбаясь: — по правиламъ нашей шакшики, надобно похишпсь цыпленочка изъ полъ крыла машери. Тогда госпожа Фонъ Ландекъ по неволѣ согласишсь на шайной бракъ; Фонъ Мильденъ по неволѣ же опспупишсь опъ невѣспы, и впрекрасная плѣнница османешсь въ рукахъ вашихъ. —

Принцъ задумался, потомъ сказалъ, какъ будто бы отъ сна пробудившись: „Ты говоришь дѣло; надобно обдумашъ это хорошенько.“

Спустя нѣсколько дней, Елиза съ дочерью поѣхала къ госпожѣ Фонъ Ромау, по долгу вѣжливости заплашеть ей за посѣщеніе; пошчасъ явился шамъ и Принцъ Адолфъ, кѣшорой прискакаль, какъ самъ сказываль, нарочно освѣдомиться о здоровьи хозяйки дома. Надобно знать, что Роза, ослѣпленная пышными обѣщаніями Симберпа, предувѣдомила его о семъ посѣщеніи. Адолфъ припворился, будто не видишь замѣшательства Елизы и Августы. Онъ обошелся съ ними ласково, но уже не показываль особеннаго вниманія, такъ что Елиза легко обманулась. „Письмо произвело желаемое дѣйствіе;“ сказала она дочери своей, вѣдучи домой обратню: „Принцъ вняль голосу здраваго разсудка, и мы хорошо сдѣлали, что не увѣдомили Теодора и его мащери о нашемъ приключеніи.“

Съ нѣкотораго времени Роза посѣщала почти ежедневно двоюродную свою сестру, которая жила въ той же деревнѣ. Простодушная старушка, думая только, что камердинеръ ищетъ руки Розиной, позволяла имъ видѣться въ своемъ домѣ. Симбертъ въ самомъ дѣлѣ общался же- нившись на горничной, съ нѣмъ однакожь, ежели Принцъ успѣетъ въ благомъ своемъ намѣреніи; и Роза, которая почиала за невозможное дѣло, чтобы Августа отказалась быть Принцессой, заранѣе уже веселилась, воображая себя супругою высококняжескаго камердинера и любимцею свѣтлѣйшихъ господъ своихъ. Лучшій Французъ питалъ съ ней мнѣшкіе сіи подарками и увѣреніями.

Нѣсколько дней спустя по доставленіи Принцу Елизина оповѣща, Симбертъ явился въ обыкновенномъ мѣсцѣ свиданія съ такимъ печальнымъ видомъ, что Роза чрезвычайно испугалась и неопступно спрашивала его о причинѣ такой горести. — „Ахъ, милая моя! не

милосердая судьба завидуетъ нашему счастью. Августа, или лучше скажемъ Елиза, рѣшительно отказала Принцу.“ Роза поблѣднѣла, опустилась на стулъ и ошвѣчала птяжелымъ вздохомъ. „Можешъ бышь“ продолжалъ камердинеръ „Полковница опасается навлечь на себя гнѣвъ Его Высочерцогской Свѣшлости; но етому пособишь было бы не трудно: ибо я не думаю, чшобъ Августа была согласна съ намѣреніемъ своей маменьки. Положимъ, чшо она любитъ прапорщика; но вѣрояшно ли, чшобъ она предпочла его Принцу, умному, ловкому, прекрасному? А если въ самомъ дѣлѣ онѣ обѣ ослѣплены; шбъ величайшую услугу оказалъ бы имъ шощъ, кто принудилъ бы ихъ сдѣлаться счастливыми. Онѣ сами послѣ образумяшся и навѣки ошпануются признапельными своимъ доброхошамъ.“ — Вы говорите сущую правду; но гдѣ ихъ найши? — „Вы, безувная Роза, можеше оказашъ имъ ешо благодаріе.“ — Шушите, любезной другъ мой! Какъ! я?

бѣдная дѣвушка? горничная? — „Вы точно, хотя услуга ваша никакого труда вамъ стоить не будетъ. Положимъ на часъ, что Принцъ, желая предотвратить недолговременный гнѣвъ Герцога, вознамѣрился бы тихонько увезти Августу и принявъ брачное благословеніе отъ полковаго своего священника; ну, кромѣ другой кромѣ васъ, несравненная Роза, въ соспояніи оказавъ ему самую важнѣйшую услугу?“ — Право, я васъ не понимаю. — „Такъ изъяснюсь вразумительнѣе: вамъ надобно впустить насъ въ спальню Августы, разумѣется ночью, когда вошь улягуся. Большое ли въ этомъ затрудненіе?“ — Сохрани Боже! Ну, ежели барышня закричитъ, разбудитъ свою маменьку, — я пропала на вѣки! Нѣтъ, господинъ Симбертъ! я никакъ не могу рѣшиться. — „О, что до крику, то будь спокойна, моя милая. Мы зажмемъ ей ротъ, или приставимъ кинжалъ къ груди.“ — Кинжалъ къ груди! Боже милосердый! Нѣтъ, господинъ Симбертъ, я

не вмѣшаюсь въ такое ужасное дѣло. Приславивъ кинжалъ къ груди доброй моей барышни! она въ пужь минушу лишилася памяти. — „Тѣмъ лучше, попому что исторія кончится тихо, безъ всякаго шуму.“ — Я не могу опомнишься. Ахъ, какъ вы безжалостны! — „Безжалостнень! двадцать барышень, будучи на мѣстѣ вашей Августы, съ радостію дали бы увезти себя Принцу. Княжеская корона стоить маленькаго обморока. Но я заговорился. Дѣвица Роза, если не ошибаюсь, болѣе любитъ барышню, нежели свое собственное счастье. Прощайте, сударыня. На сихъ дняхъ мы уѣдемъ въ столицу. Надѣюсь, что послѣ завтра вы дозволите мнѣ съ вами проспиться, можешь бышь навѣки.“ Роза молчала и плакала. Симбертъ казался чрезвычайно расстроганнымъ, съ горячностію поцѣловалъ руку горничной, закрылъ плашкомъ лице свое, какъ будто упирая слезы, и поспѣшно удалился.

Бѣдная Роза возвратилась домой съ горестію въ сердцѣ. Она не знала, на что рѣшиться. Вдругъ является Принцъ, и не давши времени придти въ себя изумленной Елизѣ и Августѣ, говоритъ имъ: „Не могу уѣхать опсюда, непростившись съ любезными сосѣдками. Я намѣренъ отправиться завтра, или послѣ завтра.“ Елиза вымолвила нѣсколько словъ, которыя заключали въ себѣ обыкновенную учтивость. Августа придвинула стулъ къ Принцу. „Мнѣ не можно медлить;“ сказалъ Адолфъ: „надобно проститься еще съ другими моими приятельницами; извините, что васъ всѣмъ имъ предпочитаю.“ Онъ поцѣловалъ руку Елизы и ея дочери, которыя проводили его до коляски. Онъ были весьма обрадованы симъ прощаньемъ. Роза слышала весь разговоръ въ другой комнатѣ; сказанныя Принцомъ слова вразсужденіи скорого отъѣзда въ столицу пронзили сердце ея пламенною стрѣлою. Ей казалось, что видишь передъ собою Симберша пе-

нальнаго, умоляющаго, проеширающаго къ ней свои объятія.

Она рѣшилась проспиться съ дорогимъ своимъ Симбершомъ. Долго сидѣла подъ окномъ въ домѣ шепки, ожидая его прибытія; вздыхала, плакала, неперпѣливо смопрѣла на дорогу. Наконецъ приѣхаль камердинеръ. „Я въ большихъ хлоппахъ, любезная Роза!“ сказалъ онъ: „болѣе четверти часа не могу здѣсь оспаваться. Приготовляемся къ опѣзду. Увидѣшься скоро, или проспиться навѣки — то и другое опъ тебя теперь зависипъ. Ты молчишь! Кажется, довольно было времени для выбора: или сдѣлапъся счастливою супругою человѣка, имѣющаго полную довѣренность Принца, или оспаваться горничною служанкою въ домѣ вдовы офицерской.“ — Вы знаете, что я желаю вамъ добра — опвѣчала Роза, упирая шекуція слезы. „Такъ я думаль, пока не дошло до опыша. Ежели Принцъ неполучипъ Августшы, то и вамъ невозможно соединипъся. Принцово обѣ-

щаніе дашь мнѣ чинъ и мѣсто уничто-
 жися само собою, и я буду проклинашь
 шу минушу, въ которую опдалъ сердце
 свое неблагодарной. Рано или поздно ты
 сама раскаешься, что отвергнула руку
 мою и свое собственное счастье. Вошь
 бумага, которою Принцъ назначаетъ намъ
 по двѣсти гульденовъ ежегодной пенсіи,
 если женишь на Августѣ; или послѣ
 завпра бумага еша останетися недѣйстви-
 тельною, или намъ выдадутъ деньги
 впередъ за годъ — шо и другое зависить
 ошь твоего произвола. Любя свою бары-
 шню, право не грѣхъ сдѣлашь ее Прин-
 цессою. Но время дорого. Скажи прямо,
 ва что ты хочешь рѣшишься? — На все
 что тебѣ угодно — отвѣчала Роза, и бро-
 силась въ объятія искусителя.

Симбертъ разсказаль ей все, что и
 какъ надлежало дѣлашь въ семь предпри-
 ятій, и при послѣднемъ поцѣлуѣ надѣль
 на палець ея дорогой перстень въ залогъ
 будущей вѣрности. Тализманъ произ-
 велъ желаемое дѣйствіе. Роза почиала

уже себя настоящею невѣстою, и полетѣла домой на крыльяхъ приятнѣйшей надежды.

Ночью пробудилась въ душѣ ея совѣсть, сія строгая свидѣтельница всѣхъ нашихъ поступковъ и намѣреній. Упреки ея мало по малу омрачали приятныя картины воображенія; наконецъ Роза видѣла уже передъ собою одни чудовища. Что ты сдѣлала? на что рѣшилась ты, безумная? вопль слова, которыя безпереспанно оплавались въ ея слухѣ. Она закрывала глаза свои, и видѣла страшныя призраки; прятала голову подъ подушку, и слышала ужасной голосъ; старалась извинить себя, и не находила оправданій. Кровь застыла въ ея жилахъ, и лице ея покрылось холоднымъ потомъ. Во всю ночь она мучилась и не могла сомкнуть глазъ ни на одну минушу.

По утру, когда ей надобно было пройти черезъ комнату Августы, любезная эта дѣвица сидѣла за письменнымъ своимъ столомъ, и не спуская глазъ съ

бумаги, на которой писала, дружелюбно пожелала добраго утра Розѣ. Крошкой голосъ барышни поразилъ сердце служанки. Какъ преслѣдуемая преступница, побѣжала она прямо въ комнату Елизы. „Что съ тобою сдѣлалось, милая Роза? Ты блѣдна, другъ мой! не можешь ли ты?“ Ласки и нѣжная попечительность доброй госпожи расперзали душу кающейся Розы. Бросившись къ ногамъ Елизы, она вскричала: „Ахъ, милоспивая государыня! просшите меня недостойную; я-во всемъ признаюсь.“ Она объявила шайну, и рыданія неоднократно прерывали слова ея. — Успокойся и ободрись, милая моя! — сказала Елиза: — успокойся, и благодари Бога, что Онъ отвратилъ тебя отъ злаго поступка. Ты можешь загладить вину свою. — „Загладить, великодушная благодѣтельница! скажите, какимъ образомъ?“ — Ты говоришь, что они придутъ въ полночь. Впусти ихъ. — Роза приспально смотрѣла на госпожу, невѣря ушамъ своимъ. — Я

приказываю тебѣ впустить ихъ, и приведи въ мою комнату. Надобно, чтобы Августа ничего объ епомъ не знала. —

Елиза могла бы уѣхать въ столицу и у самаго Герцога просить защиты: но она нехотѣла сдѣлать огласки, и надѣялась, что невинная хитрость навсегда освободитъ ее отъ Принца, а можетъ быть еще пробудитъ усыпленную добродѣтель въ его сердцѣ.

Пока Августа поливала свои цвѣты и занималась птицами, Елиза успѣла дать нужное наставленіе своей повѣренной. День провела она въ обыкновенныхъ упражненіяхъ, а за ужиномъ спокойно и весело говорила съ Августою о Теодорѣ и объ ихъ брачномъ соединеніи. Только прощаясь съ дочерью, насилу могла она скрыть внутреннее движеніе и удержанъ слезы, которыя въ глазахъ ея собирались.

Роза проводила ее въ спальню. Г-жа Фонъ Ландекъ приказала ей имѣть въ готовности широкій салонъ съ каминомъ,

а сама одѣлась пошеплѣе въ ночное свое плащье. Чѣшбы скрышь ешу предоспорож-ность, Розѣ велѣно не допускать Симбер-ша съ огнемъ къ постели. Ночь была шем-ная и холодная. Дождавшись двѣнадцати часовъ на креслахъ, Елиза оппустила гор-ничную къ назначенному мѣсту, заперла со всѣхъ сторонъ комнату Августы и приготоувилась къ рѣшипельной минутѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ подѣвхала закрышая коляска. Роза приняла Симбер-ша у дверей по сдѣланному условію, и шиконько повела его и двухъ слугъ Принцевыхъ къ спальнѣ Елизы. Симберпъ спавишь фонарь у дверей, подходишь къ постелѣ, опкрываетъ занавѣсь. „За-чѣмъ ты, Роза!“ говоритъ Елиза ти-химъ голосомъ, будшо бы испугавшись. — Небойшесь, сударыня! — опвѣчаетъ Сим-берпъ: — вамъ не будетъ сдѣлано никакого оскорбленія. — И схватилъ ее обѣими рука-ми. — „Ахъ, Боже мой! разбойники!“ закрича-ла госпожа Фонъ Ландекъ и пришворно упа-

ла въ обморокъ. Роза поспѣшила завязать ей ропъ шелковымъ плашкомъ, и накинула на нее салопъ съ капишономъ. — „Бѣдная барышня! она въ обморокъ.“ — Тѣмъ лучше, шѣмъ лучше! положимъ ее въ коляску, прежде нежели опамашуется! — Слуги опнесли ее, и лошади помчались изо всей силы. „Гдѣ я? разбой! разбой!“ опамашавшись закричала Елиза дорогою, сколько кричать ей было можно, и хотѣла сорвать плашокъ съ головы своей. Симбертъ, сидѣвшій въ коляскѣ, удержалъ ея руки. „Ободришесь, сударыня; мы не разбойники. Вы ѣдете къ своему счастью.“ — Куда? — „Въ объѣшя Свѣшлѣйшаго Принца, любезнѣйшаго вашего супруга.“ — Черезъ полчаса коляска остановилась передъ крыльцомъ на дворѣ замка.

Елизу ввели въ освѣщенную комнашу и посадили на диванѣ. Въ ешу минушу нешерпѣливый Принцъ съ распроспершыми объѣшями бѣжипъ къ своей добы-

чѣ. Госпожа Фонъ Ландекъ вспаептъ, снимаептъ съ головы капишонъ и являепся въ видѣ наказующаго Ангела передъ изумленнымъ грѣшникомъ. Адолфъ не могъ произнести ни одного слова опъ ужаса, и споялъ какъ окаменѣлый. — „Не предо мною, но передъ собою самимъ, Принцъ, должны вы спрашиваться!“ сказала госпожа Фонъ Ландекъ пвердымъ голосомъ: „благодарите меня, что я предоохранила васъ опъ злодѣйскаго поступка!“ Поблѣднѣвшее лице его запылало опъ сшда при семъ словѣ. „Такъ Принцъ, ешо злодѣйство! Оно хопя и неудалось вамъ, хопя власпъ законовъ непросшираепся на вашу особу; однакожъ я могла бы подвергнушь васъ гнѣву Государя, вашего дяди, еслибъ воззвала къ его правосудію. Не ему, но вамъ самимъ на васъ жалуясь.“ — Клянусь Богомъ, что вы женщина великая! — „Лучше скажите, что я мать. Но мнѣ пора домой. Дочь моя не должна ничего знать о моемъ приключеніи. Прикажите, Ваша Свѣшлость, опшвезши

меня обратно.“ Принцъ тотчасъ позвонилъ, велѣлъ опять заложить коляску. „Если вы простили меня,“ сказалъ онъ Елизѣ: „по дозволеніи проводить себя.“ — Я простила васъ; но мнѣ теперь нужно уединеніе; думаю, что и вамъ также. — Принцъ взялъ ея руку и крѣпко прижалъ къ своему сердцу. „Никогда не забуду я ешой минутой;“ сказалъ онъ: „надѣюсь, что послѣдствія сего приключенія будутъ для васъ благопріятны.“ Разговоръ ихъ продолжался нѣсколько минутъ. Принцъ иногда смотрѣлъ на героиню, но не смѣлъ остановиться на лицѣ ея своихъ взоровъ: величество добродѣтели налагало на него долгъ почтенія. Онъ проводилъ ее до самой коляски.

Роза встрѣшила ее со слезами на глазахъ и вмѣстѣ съ радостною улыбкою. Въ полчаса часа осуществленія госпожи своей она мучилась безпокойствомъ, а теперь по удачному окончаніи дѣла чувствовала въ себѣ неописанное удовольствіе. „Никогда не забуду,“ сказала ей

Елиза „что вѣрности своей одолжена я за успѣхъ въ своемъ предпріятіи. Я желаю, чтобы это приключеніе оставалось тайною между нами.“ Ненужно упоминать, что и Принцъ равнымъ образомъ наложилъ молчаніе на своихъ помощниковъ. На другой же день онъ отправился въ столицу и немедленно далъ Симбергу мѣсто главнаго лѣсничаго въ своемъ удѣльномъ владѣніи. „Непочитай однакожь ешу должность наградою!“ сказалъ ему Принцъ: „прежде я помогаль тебѣ быть бездѣльникомъ; теперъ доставляю случай сдѣлаться честнымъ человѣкомъ. Если не воспользуешься имъ, то найдешь во мнѣ судью неумолимаго.“ Въ тотъ же день Принцъ вручилъ Теодору патентъ на чинъ Шшабсъ-Ротмистра въ драгунскомъ полку своемъ, квартирующемъ въ двухъ миляхъ отъ Блюментала. „Думаю,“ сказалъ онъ при томъ Теодору „что вы не опречешесь жить подлѣ своего семейства. Вы будете имѣть предостойную супругу и рѣд-

кую пещу. Поклонись опъ меня имъ обѣимъ.“

Б.

ДВОЙНИ, ИЛИ НѢЖНАЯ ДРУЖБА ДВУХЪ
СЕСТЕРЪ.

П о в ѣ с т ь .

Если любовь возгарается среди пышности и блеска шумныхъ обществъ, за то дружба рождается и возраспаетъ въ тишинѣ уединенія, между людьми, не удалившимися отъ первобытной простоты Патріаршескихъ нравовъ. Если два существа добродѣпельныя, соединивъ бытіе свое, могли соспавишь одну душу, то конечно не спрасъ, быстрая и непостоянная, была началомъ ихъ прочной, неразрывной связи: чпобы произвести ее, потребно такое чувство, которое рождается во младенчествѣ, усиливается въ юности, укрѣпляется въ зрѣлыхъ лѣтахъ и продолжается до гроба. Повшоряю: шолько въ нѣдрѣ невинности сими-

папія и навѣкъ производящъ сей союзъ, въ шихомъ уединеніи, въ мѣстѣ удаленномъ отъ сценъ блестящихъ и опасныхъ, гдѣ самолюбіе и всѣ буйныя спраспи спорящъ о преимуществѣ, гдѣ каждая изъ нихъ желаетъ господствовать. Какія слѣдствія будетъ имѣть такая совершенная дружба? Огорченія шомшельныя и неизбѣжныя, но вмѣстѣ съ ними сладостныя, чистѣйшія движенія души, чувствованія самыя нѣжныя, самыя благородныя, къ какимъ только способно человѣческое сердце. Вошъ картина, которой хочу сдѣлать легкое начерпаніе; неимѣю ея передъ глазами — какая нужда! воображеніе, чувствительность и безъ образца могутъ писать прелестныя картины; сердце не заимствуетъ отъ идеала, не изобрѣшаетъ: оно только угадываетъ и — находитъ. Если повѣстѣ шрогаешь чашаеля — тогда можно ручаться за ея справедливость.

Посреди Шинделинта, одного изъ дикихъ кантоновъ Швейцаріи, на мѣстѣ живо-

писномъ, окруженномъ холмами и рощами, пересѣкаемомъ ліющимися съ горъ испочниками, и шеперь еще видны развалины замка, сшоявшато на берегу Лаверзерскаго озера. Пупешествующіе изъ Ейнзидельна въ Цугъ всегда оспанавливаюшся въ ешой пусшынѣ, чшобы любовашся рѣдкими, разишельными видами. Замокъ опуспѣлъ назадъ шому нѣсколько лѣтъ; но всѣ оспашки его возбуждають шрогашельныя напоминанія: вездѣ видно имя Савиніи, два раза написанное; оно одно соспавляешъ все украшеніе развалившатося кабинеша, въ которомъ на стѣнахъ и панеляхъ написаны сіи имена, неразлучно соединенныя подъ гирландами; онѣ вырѣзаны почши на всѣхъ деревьяхъ. Въ обгороженномъ мѣспѣ, бывшемъ нѣкогда садомъ, находяпся изломанныя рѣшешки, переплетенныя виноградными листьями; подъ ними спюишъ каменная скамейка, съ надписью: Рощица Савиній. Расшроганный пупешественикъ съ душевнымъ удовольствіемъ спу-

паешъ по слѣдамъ незнакомыхъ существъ, копорыя жили въ семь дикомъ уединеніи и нѣжно любили другъ друга. Опустѣвшее жилище топчасъ показываешъ, что Савиній нѣшъ уже на свѣпѣ; но приятно сердцу искашъ сельскихъ памятниковъ нѣжной ихъ дружбы. На концѣ звѣринца представляющся развалины прекраснаго зданія. Надпись показываешъ, что сіе зданіе было нѣкогда — храмъ счастья, воздвигнушый Савиніями; при спатуи украшали его внушри: шеперь ошались шолько пѣдесталы съ надписями: *Невинность*, *Юность*, *Дружба*. Опшъ развалинъ храма счастья ивовая аллея ведешъ къ гробницѣ. . . . Ешо гробница Савиній. Прахъ ихъ покоишся подъ ушесомъ, обросшшимъ сѣдымъ мхомъ; онъ сшойшъ на берегу озера и повшоряешся на зеркальной его поверхности. Два шопола, посаженныя вмѣстѣ на берегу, наклонены одинъ къ другому; обнимаясь гибкими вѣшвями, они образуюшъ сводъ надъ гробницею. Сей меланхолическій ушесъ не-

спрашенъ для плаващеля, которой не только не боишься его, но часто увидѣвъ издалека, пристаешь у сихъ береговъ пустынныхъ. Мирныя пастухи приятно отдыхаютъ на вершинѣ утеса; тамъ, наслаждаясь прохладою подъ тѣнію полей, они слѣдуютъ взорами за стадомъ и сперегушь его. . . . И я, путешествуя по Швейцаріи, мечтала на утесѣ Савиній; и я плакала надъ ихъ могилою! Трогательное преданіе, слышанное мною въ разсѣянныхъ хижинахъ Шинделинга, есть основаніемъ слѣдующей исторіи:

Антонія родилась въ Женевѣ; у ней была старшая сестра — единственный предметъ любви ихъ матери. Антонія, жертва несправедливаго пристрастія, большую часть молодости своей провела въ слезахъ и горести. Одинъ родственникъ по матери, сильно пронутый ея положеніемъ, снискалъ ея довѣренность; но Мюльсенъ (епо имя его) рѣдко приѣзжалъ въ Женеву. Надѣясь получить имѣніе своего дяди, жившаго въ Шинделингѣ, онъ

печни все время провождалъ съ нимъ въ епой пуспынѣ. Сеспра Антоніи, получивши одна все имѣніе, за вышла богашаго челоуѣка. Скоро потомъ несчастная Антонія лишилась мапери; она оспалась сиропшою на двадцать прешьемъ году, безъ досшашка, безъ наспавника, — но не безъ ушѣшенія: у нее былъ другъ. Мюльсень поспѣшилъ приѣхать къ ней, отеръ слезы ея, предложилъ ей — болѣе нежели любовь — совершенное почшеніе, вѣрную дружбу. Антонія приняла руку его и охотно удалилась навсегда въ пуспыни Шинделинга. Дикое обипалище не пугало ее. Старой дядя, вспрѣшивъ ее съ опверспыми объашіями, сказалъ: „ты будешь здѣсь царицею, будешь любима нами.“ Добраой опшельникъ умѣлъ говорить съ женщинами, и чего болѣе остава-лось желашъ шой, которая, живши въ домѣ родной мапери, была ей чужою?

Людвиль (шакъ назывался дядя Мюльсенеуъ) былъ шеспидешашпльпній холосшой старикъ; безпечность и кро-

шость составляли главныя черты его характера; миръ и тишину любилъ онъ болѣе всего на свѣтѣ; никогда не хотѣлъ женишься, именно для того чтобы ничѣмъ не нарушать своего спокойствія. Хотя онъ былъ вовсе неспособенъ къ лживости и прищворству; но свѣтъ судилъ о немъ иначе: его почитали философомъ, потому что уже десять лѣтъ онъ жилъ въ уединеніи; въ самомъ же дѣлѣ онъ избралъ етошъ родъ жизни по одной безопасности: ему было шугъ хорошо, и для того онъ не заботился о другомъ жилищѣ. Важность и разсудительность изображались на лицѣ его: всѣ почитали его человекомъ глубокомысленнымъ, хотя онъ во всю жизнь не предавался умозрѣніямъ; даже думали найши въ немъ вѣчно романтическое, видя его не рѣдко бродящаго по утесамъ и по берегу озера: но въ самомъ дѣлѣ онъ искалъ ручейковъ и потоковъ единственно для того, чтобы насладиться прохладою; оспанавливался на зеленой травѣ для того, чтобы лечь

на ней и уснуль подъ открытымъ небомъ. Не будучи способенъ къ истинной привязанности, онъ былъ любезенъ, снисходителенъ, и спъ того прослыль чувствительнымъ. Онъ никогда не бранился, потому что это неприятно, тяжело; лучше любилъ прощать, не входя ни въ какія изъясненія, нежели горячиться, или досадовать. Являлся ли несчастный съ просьбою о помощи — онъ тотчасъ помогалъ ему, и именно для того чтобы поскорѣе избавиться отъ неприятнаго впечатлѣнія. Никому не приходило въ голову почитать его человекомъ зыскапелнымъ; казалось, что онъ совсѣмъ не хочетъ первенствовать; а въ самомъ дѣлѣ онъ подчинилъ себѣ всѣхъ окружающихъ. Когда осмѣивали его наединѣ, онъ не жаловался, не показывалъ смущенія; но лишь только возвращались къ нему, онъ былъ такъ веселъ, такъ счастливъ, что почти почиталъ себя виноватымъ, кто разсѣивался съ нимъ хотя на самое короткое время. Если кто

изъявлялъ ему свое уваженіе, свое усердіе, онъ казался весьма пронушымъ, и въ искреннихъ выраженіяхъ свидѣльствововалъ свою благодарность. Такимъ образомъ само собою случилось, что онъ открылъ важную тайну украшающаго его изма завѣсою скрытности и управляющими, которые жили съ нимъ вмѣстѣ, — управляющіе не только безъ принужденія, но еще заставляя любить себя.

Людвиль искренно обрадовался прибытію Антоніи: его домоправительница была спара и слаба здоровьемъ; теперь признашеться племянница должна имѣть о немъ попеченіе. Въ самомъ дѣлѣ, все перемѣнилось въ замкѣ, все спало веселѣе, все ожило въ немъ: вдругъ увидѣли во всемъ порядокъ и опрятность; какая-то приятная наружность пошчасъ давала чувствовашь, что естъ хозяйка въ домѣ; было примѣтно, что обитаетъ въ немъ женщина. Старой дядя имѣлъ лучшей присмотръ, лучшую услугу, и каждой день хвалилъ Антонію, каждой день поз-

дравлялъ своего племянника съ такою доброю женою. Спустия нѣсколько мѣсяцовъ, Антонія ощутила беременность. Будучи опшъ природы чувствительна, и никогда не знавши любви, она очень желала имѣть дѣшей; предвидѣла, какъ спраспно будепъ любить ихъ, и обѣщалась уснано-
випъ между ними совершенное равен-
ство: она помнила несправедливости,
которыя терпѣла опшъ своей матери.

Въ концѣ осени Антонія родила двухъ прекрасныхъ дѣвочекъ, сколько похожихъ одна на другую, что въ самую минушу рожденія надле-
жало опличить ихъ знакомъ, чтообъ избѣжашъ замѣшательства. Антонія при-
няла на руки свои милыхъ малюпокъ, и смопря на нихъ съ чувствомъ неизъя-
снимой любви и радости, сказала: „не-
винныя творенія! Небо услышало мои
молишвы, и произвело васъ на свѣшъ для
шого, чтообы обѣимъ вамъ бышъ равно
любимыми! Ахъ! желаю всегда ошибашъ-
ся въ васъ, желаю не полагашъ для васъ

различія въ моемъ сердцѣ. Хочу, чтобы самыя законы не могли дать преимуще-
ства одной изъ васъ передъ другою . . . уни-
чтожаю между вами право старшинства,
причинившее мнѣ столько горестей. . . .“
И Антонія развязала ленту, которая
оплечала старшую дочь отъ младшей;
въ то самое время вошли дядя и мужъ
ея; Антонія объявила имъ, что бравши
попеременно дѣтей на руки, она смѣ-
шала ихъ, и теперь совсѣмъ не знаешь,
которая дочь старшая. Думали, что
она сдѣлала это по легкомыслію; подоса-
довали, побранили ее; но пособить уже
было нечѣмъ.

Антонія твердо рѣшилась сохранить
равенство между дѣтьми, и хотѣла,
чтобы онѣ носили одно имя. Ей говори-
ли вопреки, что тогда вовсе не лзя бу-
детъ различить ихъ; она отвѣчала,
что ей именно то и надобно. Малюш-
камъ дали имя Савини, празднуемой 19го
Октября, то есть въ день ихъ рожде-
нія. Одна грудь машеринская кормила

обвѣхъ дочерей; ихъ воспитывали въ та-
 кой любви взаимной, что лишь только
 одна сестра начинала плакать, то и другая
 и другая дѣлала то же. Сіе побужденіе
 природы и чувствительности ежедневнаго
 обнаруживалось въ нихъ; время и воз-
 растъ усиливали дружбу, утверждаемую
 попеченіями Антоніи и сходствомъ ихъ
 склонностей и характеровъ. Все было
 общее между ними: игрушки, платье,
 даже награды и наказанія. Если одна дѣ-
 лала въ чемъ промахъ, мать взыска-
 вала съ той, которая на глаза попада-
 лась, и дитя не старалось оправдывать-
 ся, хотя и не знало вины за собою: ихъ
 приучили думать, что та и другая бы-
 ли — одно и то же безъ всякаго различія;
 слѣдственно онѣ уже не почитали себя въ
 правѣ говорить: *это не я*; слѣдственно,
 когда наказывали одну сестру, другая
 равно терпѣла. Ничто не могло возбудить
 въ нихъ зависти; онѣ равно любили мать
 свою, которая, не смотря на необыкно-
 венное сходство, умѣла различать ихъ,

но всегда показывала видъ, будто не умѣешь и не стараешься находить различія между ними.

Лаская одну изъ нихъ, она говорила обыкновенно: „Знаю, что Савинія теперь сидитъ на моихъ колѣняхъ; но не знаю, кошорая изъ двухъ. Какая нужда! я обѣихъ люблю съ одинакою нѣжностію.“ Одна была умнѣе и имѣла лучшую память; но имъ никогда не давали разумѣть, что это примѣчаютъ. Не рѣдко та, кошорая шверже знала урокъ, сказывала его вмѣсто сестры своей, и не только безъ умышеннаго намѣренія обмануть, но еще съ чистосердечнымъ признаніемъ: „сестрица не могла выучить; я успѣла болѣе: все равно!“ — и въ этомъ соглашались съ нею. Тогда Антонія говорила другой: „Будь и ны также прилѣжна, чтобы въ случаѣ могла оказать сестрѣ своей такую же услугу.“ Одного увѣщанія довольно было, чтобы возбудить въ нихъ живѣйшее соревнованіе: обѣ учились съ такими успѣхами, какихъ только

мать желать можешь. Сходство въ нихъ было чрезвычайно: не лзя было хвалить красоту одной такъ, чпобы похвала не принадлежала обѣмъ. Онѣ имѣли голосъ совершенно одинакой: когда одна пѣнїемъ восхищала слушапелей, тогда и другая участвовала въ похвалахъ и рукоплесканїяхъ. Обѣ сестры, такъ сказать, слились въ одно существо, и безпрестанныя ошибки, къ копорымъ онѣ давали поводъ, ни забавляли ихъ, ни удивляли, словомъ, не были уже для нихъ ошибками: имъ казалось, что попь не ошибался, кпо почиталъ ихъ за одну особу; я, мой, моя, не только были словами неупошребительными между ними, но совершенно забытыми. Японїя всячески старалась усилить въ нихъ взаимную любовь, старалась укоренить епоть приятной обманъ въ сердцахъ Савинїи. Болѣзни, копорымъ онѣ подвергались въ одно и то же время, навсегда утвердили въ нихъ увѣренность въ бытїи физической *симпатїи*. Воображенїе и чувстваи-

спелность довершили убѣдить ихъ въ истинѣ сей мечты; если одна падала, другой казалось, что чувствуетъ, и чувствовала въ самомъ дѣлѣ боль опъ ушибу: удовольствіе и прискорбіе, взаимно ощущаемыя, были узломъ ихъ дружбы. Наконецъ онѣ обѣ совершенно увѣрились, что нишъ жизни ихъ была нераздѣльная единственная, и что по непремѣнному, таинственному закону природы, смерть ихъ должна быть также совмѣстная. Такая необыкновенная связь восхищала Антонію, спрашила Мюльсена, приводила въ недоумѣніе Людевиля, кошою всегда жилъ только самъ для себя и часто говаривалъ: „я шупъ ничего не понимаю.“ — Ахъ! какъ онѣ счастливы! — восклицала Антонія. „Но что съ ними будетъ?“ спрашивалъ благоразумной Мюльсень: „что съ ними будетъ, если судьба разлучитъ ихъ?“ . . . Ахъ! можно ли безпокоиться, наслаждаясь блаженствомъ истиннымъ, чистѣйшимъ? совмѣстна ли предусмотрительность съ пламенемъ чув-

ства? Такъ! женщина должна быть управляема мужчиною; ему одному принадлежить благоразуміе: кто имѣеть способность судить и предвидѣть ольдствія, шомъ рожденъ быть наставникомъ.

Антонія была счастливою матерью и супругою. Мюльсенъ нѣжно любилъ ея; они довольны были другъ другомъ и жили въ совершенномъ согласіи: Одинъ Людвиль, со времени рожденія Савиній, былъ недоволенъ; имъ менѣ спали занимались. Антонія почти всѣ минушь посвящала воспитанію дочерей, копорыхъ съ своей стороны показывали нѣжную привязанность преимущесвенно къ матери и къ Мюльсеню; и вопъ какою ревностью тайно мучила стараго дядю. Имъ занимались съ должною попечительностію; но онъ требовалъ исключительной привязанности. Онъ сдѣлался печалень и угрюмъ; онъ узналъ наконецъ собственнымъ опытомъ, до какой степени унижительно для старости излишнее самолюбіе. И для чего-человѣку, спо-

ящему на краю могилы, уже лишившемуся приятностей, дарований, силъ душевныхъ и плѣсныхъ, для чего недовольствоваться должнымъ уваженіемъ, данью справедливой признательности и почтенія? для чего требовать исключительной, единственной привязанности?

Между шѣмъ обѣимъ сестрамъ наступилъ шестнадцатой годъ возраста; обѣ равно цвѣли плѣняющею красою; сходство ихъ столь же было удивительно, какъ и прежде: одинакія черты, станъ, ростъ, голосъ, заставляли ошибаться каждаго, кромѣ матери. Но смотря пристально и сравнивая со всею примѣчательностію, можно было видѣть, что одна была прекраснѣе, имѣла болѣе приятности, нежели другая; образъ ея былъ самымъ лучшимъ произведеніемъ Натуры, совершенною картиною, кою другая сестра казалась почною копіей. Впрочемъ сіе различіе не могло быть примѣтно для людей обыкновенныхъ, или невнимательныхъ. Бывъ воспитаны въ пу-

спынномъ уединеніи, онѣ никого не видали, кромѣ своихъ родителей, слугъ и грубыхъ поселянъ; никому не было нужды сравнивать ихъ. Живучи въ обществѣ, онѣ не имѣли бы ни одинакаго характера, ни одинакихъ чувствъ: каждой изъ нихъ беспрестанно швердили бы, что она прекраснѣйшая, любезнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ, и каждая наконецъ увѣрилась бы въ томъ, или по крайней мѣрѣ пожелала бытъ такою. Но проводя жизнь въ сельской, невинной простотѣ, онѣ даже понятія не имѣли о завистливой ревности; ни одинъ разъ такая мысль въ голову имъ не приходила. Онѣ были въ томъ возрастѣ, въ кошоромъ спраспная взаимная привязанность соединяетъ въ себѣ младенческое спросердечіе съ пылкою, благородною чувствительностію лѣтъ юношескихъ. Ахъ! какъ сладостно любить въ счастливомъ невѣдѣніи о непостоянствѣ и неблагодарности! *Савини* любили другъ друга въ совершенной безпечности: рѣшась нико-

гда не разставаться, онѣ думали, что самая смерть не могла разлучить ихъ; вѣрили, что жизнь одной сестры естественна была сопряжена съ бытіемъ другой. Сія увѣренность произвела между ними нѣчто магическое; ибо привязанность къ жизни и къ сохраненію бытія своего — эгоизмъ, такъ сказать, непобѣдимой — была твердымъ основаніемъ взаимнаго соучастія и преданности неограниченной. Не признапельность сопрягла ихъ; нѣтъ, истинная дружба не основывается на благодарности. Имѣешь ли въ ней нужду неизъяснимая симпатія? Кто любитъ, тотъ не почитаетъ себя одолженнымъ; онъ думаетъ, что все съ его стороны заплачено; и надобно ли благодарить за такія благодѣянія, которыя не стоили никакого принужденія, никакихъ усилій, — за благодѣянія, которыя не удивляютъ того, кому оказываются? Обѣ сестры любили одна другую, какъ любить можно самого себя. Если бы одна подвергала жизнь свою опасности для спасенія дру-

той, что была бы уверена, что дѣлать это для собственной пользы, и конечно повиновалась бы непреодолимому влеченію внутренней силы. Онѣ такъ хорошо знали самихъ себя, столь сходныя имѣли чувства, что не требовали другъ у друга совѣта и мнѣнія: каждая напередъ угадывала ихъ. Живучи всегда вмѣстѣ, онѣ разставались и на одну даже минуточку весьма неохотно; въ разлукѣ никъкъ не могли быть спокойными, не могли ничѣмъ забавляться. Восхищительное зрѣлище не веселило ихъ, если онѣ были не вмѣстѣ. Лучшая забава ихъ состояла въ проведеніи прекрасныхъ лѣтнихъ вечеровъ на каменномъ утесѣ, которой послѣ названъ ихъ имениемъ, на берегу Лавенгерскаго озера. Антонія, съ первыхъ дней прибытія въ Шинделингъ, восхищалась оимъ мѣстомъ, покрытымъ мхомъ и зеленью; на вершинѣ утеса была площадка, на которой два человека могли удобно помѣститься. Какой видъ открывался взорамъ!

Съ одной стороны прелестныя долины, съ другой озеро, омывающее подошву утеса. Антонія и Мюльсенъ сначала не рѣдко провождали тамъ радостныя минуты. Въ день рожденія дочерей, мать посвятила ешопъ любимый утесъ малюшкамъ, велѣла посадить на берегу два попола и вырѣзать на камнѣ имена *Савиній*. Обѣ сестры украсили сіе дикое мѣсто, которое любовь дѣтская и дружба сдѣлали для нихъ несравненнымъ; кусты розовые и лилейные увѣнчали вершину утеса; гирлянды изъ листьевъ виноградныхъ и душистой жимолости соединили оба попола, и каждой день прекраснаго времени года сіи дерева, эмблема любви родственной, были украшаемы свѣжими цвѣтами. Утесъ, усыпанный листками розъ, представлялъ огромный стогъ цвѣтовъ, кошорой можно было почестъ преномъ Флоры. Тамъ *Савиніи* провождали цѣлыя часы въ разговорахъ о своемъ счастіи; тамъ сочиняли невинныя планы, — недалёковидныя (и кшо въ счастіи занимаешься

будущимъ), но для завтрашняго дня, или для вечера. Часто пѣли романсы; любили смотрѣшь на гладкую поверхность озера, повшоряющаго разные предметы въ прозрачной, тихой водѣ своей; иногда одна, наклонясь впередъ и смотрясь въ зеркалѣ водѣ, говорила улыбаясь: „я на себя смотрю, сестрица!“ — Точно, милая моя! ето я! — отвѣчала другая.

Обѣ Савиніи каждой день попеременно что нибудь читали спарому Людвилю: между тѣмъ какъ одна занималась чтеніемъ, другая, по приказанію Антоніи, гуляла въ саду. Въ одно утро Савинія, сидя на берегу обширнаго водоема, смотрѣла на маленькаго садовникова сына, которой шагахъ въ тридцати отъ нее рѣзвился. По несчастію, мальчикъ упалъ въ воду, которая хотя была не глубже трехъ фушовъ; но чепырехлѣтнему младенцу необходимо надлежало бы утонуть, еслибъ Савинія съ быспрошою молніи не бросилась къ бассейну и не вышацила дышати въ шо самое

время, когда мать въ безпамятствѣ бѣ-
 жала, чшобы спасти его. Савинія опдала
 ей младенца. Мать, исполненная благо-
 дарности, упала къ ногамъ ея, и зали-
 ваясь слезами, говорила: „скажице, ми-
 лоспивая государыня, кому я обязана из-
 бавленіемъ моего сына?“ — Какъ! развѣ
 ты не знаешь, что я Савинія? —
 „Такъ, милоспивая гоеударыня! но скажи-
 це, копорая изъ двухъ? какъ распознашь
 васъ? Пожалуйте мнѣ какой нибудь знакъ,
 чшобы я могла различить васъ опъ се-
 стрицы.“ — Опъ моей сестрицы? а на-
 чшо? — „Мнѣ надобно знать, кто спасъ
 опъ смерти моего сына.“ — Я, или се-
 стрица, развѣ это не все равно? — „Для
 меня не все равно.“ Опвѣтъ показал-
 ся Савиніи споль спраннымъ, что она
 прила его къ просподушійю поселянки,
 улыбулась и сказала: „Будь увѣрена,
 добрая Марья, чшо между Савиніями
 нѣтъ никакой разницы.“ — Какъ! не
 одинъ ли вы избавили моего сына? — „Се-
 стрица, будучи на моемъ мѣспѣ, сдѣла-

лабы по же.“ — Однакожь я должна благодарить васъ. — „И сестрицу.“ — Васъ болѣе. — „Вижу, какъ шрудно вразумить тебя. Послушай! если ты не любишь сестрицы сколько же, сколько меня, по я стану почищать тебя неблагодарною.“ — Ахъ! нѣтъ сударыня; я знаю, чѣмъ вамъ обязана. — „Слѣдственно, ты должна равно любить обѣихъ Савиній.“ — Барышня! еслибы вы чѣмъ нибудь обидѣли меня, должна ли бы я сердиться на вашу сестрицу? — „Какое сравненіе! Развѣ мы способны обижать? развѣ мы злы?“ — Совсѣмъ нѣтъ; но если бы одна изъ васъ, если бы, на примѣръ, ваша сестрица была такою? . . — „Тогда мы не были бы уже Савиніи; тогда не были бы мы одно и то же.“ Говоря это, она подходила къ воротамъ замка и поспѣшно скрылась. Ей нужно было переѣхать измокшее платье.

Въ одинъ прекрасной вечеръ Савиніи, сидя на любимомъ своемъ утѣсѣ, были свидѣтельницами пантомимной сцены, которая живо пронула ихъ обѣихъ.

Противъ ушеса, на другомъ берегу озера, стояла уединенная хижина, осѣняемая густыми липами и окруженная прекраснымъ садомъ; Савиніи знали, кому она принадлежала. Въ ней жила старая вдова съ двумя внучками, изъ копорыхъ одна, недавно вышедшая за мужъ, должна была въ пошъ же самый день оставить опечесивенной берегъ и отпраившись вмѣстѣ съ супругомъ своимъ въ деревню за двадцать миль отъ прежняго ея жилища. Савиніи вдаль видѣли вдову, зяпя и обѣихъ дочерей, выходящихъ изъ хижины и медленно приближающихся къ озеру, гдѣ была привязана къ засохшему пню старой ивы лодка, на которой чепъ надлежало переправляться. Старая вдова и ея дочери обнимались съ рыданіемъ. Младшая сестра новобрачной въ минушу разлуки вскочила въ лодку, чтобы еще разъ прижаться къ своему сердцу милую подругу дѣтства. Наконецъ должно было разлучиться, и лодка отчалила отъ берега. Новобрачная,

вся въ слезахъ, проспираала руки къ первымъ предметамъ любви своей, къ мирной хижинѣ, въ которой оспалась колыбель ея; теперь она предалась бурнымъ волнамъ непостояннаго озера, разлучилась съ милою родиною, гдѣ въ невинности прошекли счастливейшіе дни ея жизни, теперь плыветь въ спрану незнакомую, чувствуетъ въ сердцѣ помилельное безпокойство о будущей судьбѣ своей. . . .

Епо зрѣлице сильно пронуло Савиній. „Ахъ!“ сказала одна изъ нихъ: „какъ мнѣ жаль несчастную, разлучаемую съ кровомъ родилельскимъ! О сестрица! что /будеть съ нами, если насъ. . . .“ — Можно ли насъ равняшь съ сестрами недвойнями! какой варваръ захопѣлъ бы насъ разлучишь? Жребій нашъ одинаковъ; если намъ должно будетъ перемѣнишь соспояніе, то мы вмѣстѣ въ одно время поклянемся передъ олшаремъ, и никогда не оспавимъ дома родилельскаго.“ Между тѣмъ лодка приближалась къ берегу; озеро волновалось,

внезапно поднявшійся сильной вѣтеръ стремительно гналъ ладью по влажной стихіи (*). Спустия немного, можно было распознать сидящихъ въ лодкѣ, справа гребца, и съ нимъ молодого человѣка, одѣтаго опрятно и собою милостиваго. Между тѣмъ небо потемнилось, горизонтъ покрылся темнобагровыми тучами; вылетающія изъ нихъ молніи, повсюду въ озерѣ и мгновенно проводя на немъ яркія бразды, удвоили блескъ свой. Воды, отражая и огонь небесной и волнистыя облака, представляли зрѣлище горящаго моря, которое въ бурномъ колебаніи угрожало погибелію скудельной лодкѣ. Савиніи опъ всего сердца желали спасенія плователямъ; дѣжимыя страхомъ и состраданіемъ, онѣ спали на кельна и молились за несчастныхъ. . . . Вдругъ вѣтеръ заревѣлъ съ ужасною силой, и лодка скрылась подъ волна-

(*) Швейцарскія озера весьма опасны; лодки часто погибаютъ въ нихъ. Соч.

итъ, въ пяти шагахъ шагахъ отъ берега. . . . Савиніи вскричали отъ страха; но скоро увидѣли на поверхности воды молодаго человека, плывущаго къ утесу. Тогда одна сестра послѣдно побѣжала искашь помощи; другая осталась на мѣстѣ, чтобы предложить плывающему госпитальство въ замѣкъ. Между тѣмъ незнакомой, почти уже достигшей берега, оглядываясь, видишь стараго гребца въ опасности, возвращается назадъ, беретъ его за руку и, спасши собственную жизнь, имѣетъ счастье избавишь отъ смерти другаго. Онъ выходитъ на берегъ у подошвы утеса. Трепещущая Савинія восклицаетъ отъ радости. Чужестранецъ, взглянувъ на утесъ, съ удивленіемъ видишь прекрасную дѣвицу, стоящую на семъ величественномъ тронѣ Флоры, и преклоняетъ колѣна передъ нею. Савинія, съ невиннымъ просердечіемъ, съ чувствомъ важнаго участвія, простираетъ къ нему руки, смѣшая и плачетъ отъ вос-

хищенія. . . „Существо небесное!“ восклицаетъ незнакомецъ: „я причиною слезъ твоихъ; Небо услышало твои молитвы, и спасло меня отъ погибели. . .“ Въ сію минушу другая Савинія прибѣгаетъ на берегъ вмѣстѣ съ своими родителами и слугами, которые, безпокоясь объ юныхъ сестрахъ, повсюду искали ихъ во время бури. Савинія повстрѣчалась съ ними и привела ихъ къ утесу. Чужестранецъ, стоя на колѣняхъ, не сводилъ глазъ съ Савиніи, споящей на верьху утеса; съ благоговѣніемъ внималъ словамъ ея, и вдругъ услышалъ подлѣ себя шопъ же нѣжный, плѣнительной голосъ. Его приглашаютъ въ замокъ. Онъ поднимается съ трепетомъ, цепенѣетъ отъ изумленія, увидѣвъ передъ собою другую Савинію. . . Опять смотришь на утесъ — и шамъ шопъ же образъ. . . . „Какое непоспижимое чудо!“ восклицаетъ онъ: „природа, обрадовалась совершенству своего шворенія, захошѣла произвести другое, во всемъ ему подобное, и

произвела два образца единственныя! . . .

Антоңія и Мюльсень , подошедь къ чужестранцу , узнали опть него , что онъ родомъ изъ Женевы , путешествуепть по Швейцаріи изъ любопытства и называешся Вальривомъ . Мюльсень уважалъ отца его ; онъ весьма обрадовался знакомству съ молодымъ человекомъ , котораго наружной видъ обѣщаль много хорошаго . Вальрива и спараго лодочника привели въ замокъ и приняли со всѣми знаками благодѣштельнаго гостепрїимства . Вальривъ неспускаль глазъ съ обѣихъ сестеръ ; ему хотѣлось узнать , которая изъ нихъ на утесѣ проливала радоспныя слезы объ его избавленіи ; но невозможно было различить сестеръ , и нико не могъ показатъ ему вѣрнаго къ шому средства . На вопросы его отвѣчали , что обѣ сестры илюбъютъ одно и ия , что старшей иѣтъ между ними , и проч . Вальривъ былъ въ крайнемъ недоумѣніи . Съли за споль . Вальривъ заняль мѣсто прошивъ Савиній

смопрѣлъ на нихъ съ великимъ внимані-
 емъ и сравнивалъ; наконецъ ему удалось
 примѣшнть въ лицахъ сестеръ нѣкопо-
 рую розницу. Восхищаясь новымъ откры-
 тіемъ своимъ, онъ хотѣлъ, чтобы пре-
 краснѣйшая была та самая, которая
 встрѣшила его на утесѣ. Послѣ ужина
 подходитъ къ ней и шихимъ, робкимъ голо-
 сомъ говоритъ, что онъ никогда не забу-
 дешъ нѣжнаго состраданія, изъявленнаго
 ею, когда онъ увидѣлъ ее въ первой разъ на
 утесѣ. . . . Савинія не скрыла, что она
 была въ то время весьма пронута его
 положеніемъ. И Вальривъ запрепалъ
 отъ радости, нашедши ту, которую
 искалъ; онъ мысленно обѣщался не смѣ-
 шивать ее съ сестрою. Между шѣмъ
 Савинія, немного подумавъ, спросила
 его: почему онъ почишаетъ ее шюю, ко-
 торую сперва увидѣлъ? „Ахъ!“ отвѣчалъ
 онъ: „глаза могутъ ошибиться; но серд-
 це никогда не обманывается.“ Савинія
 изумилась, покраснѣла и замолчала. Въ
 ешу минушу подходитъ сестра ея, и Валь-

ривъ началъ говорить о другомъ дѣлѣ. Несмотря на изнеможеніе опть случившагося съ нимъ въ епошъ день, онъ не могъ сомкнуть глазъ во всю ночь и безпреспанно думалъ о *Савини на утесѣ*. Онъ уже спрашно любилъ ее: и мудрено ли? Вальривъ былъ молодъ; а въ его лѣта ничто не воспламеняетъ любви такъ скоро, какъ первое свиданіе, необыкновенное и романическое.

На другой день по упру, Вальривъ увидѣлъ въ замкѣ великое смяшеніе; узнавши, что Антонія очень дурно провела ночь и занемогла жестокою горячкою, онъ пошелъ къ спарику, хозяину замка, и объявилъ, что ему было бы крайне прискорбно, прежде нежели всѣ успокоятся, оставить добрыхъ людей, которые приняли его съ такою благосклонностію. Людвиль, испуганный общемо печалію и смяшеніемъ, весьма обрадовался, что оспаешся въ домѣ любезной молодой человекъ, кошой по крайней мѣрѣ одинъ не походилъ на отчаяннаго. Кшо не

принимаетъ участія въ общей горести, пошь чувствуетъ какое-шо униженіе, какую-шо пустоту душевную, не-сносившую, можетъ быть, самой горести; при общей печали ему надобно пришворяться — поступокъ низкой! Изъ ешаго видно, что егоизмъ имѣетъ въ себѣ нѣчто подлое, поспыдное. Человѣкъ холодный хочетъ скрыть равнодушіе свое подъ наружносною вѣжливости или любезности; но сего не довольно: надобно казаться пронутымъ до глубины сердца — а въ епомъ не лзя успѣшь, сколько бы кпо ни пришворялся. Нечувствительной завидуешь тѣмъ, копорые плачуть отъ истинной горести, начинаешь подражать имъ и дѣлаешься въ ихъ глазахъ спраннымъ; онъ не понимаетъ ихъ языка, не умѣетъ говорить съ ними, досаждаешь имъ безъ намѣренія, видишь свое одиночество, и наконецъ боишься быть между печальными. Въ шакихъ обстоятельсвахъ онъ почитаетъ себя несчастливымъ, нашедши другаго равноду-

шнаго , при кошоромъ не имѣешь нужды притворяться ; тогда онъ отдыхаетъ послѣ ушомисельнаго принужденія .

Людвиль съ радоспію принялъ предложеніе Бальрива . „Останьшесь съ нами ;“ сказалъ онъ : „вы крайне одолжише меня ; находясь въ великихъ хлопотахъ , я имѣю нужду въ разсѣяніи ; мы будемъ проводить вечера за шахмашною доскою .“ Старикъ вспомнилъ , что Мюльсенъ не могъ уже играть съ нимъ по крайней мѣрѣ дней семь или восемь , и внутренно удивлялся непоспимымъ пущямъ Провидѣнія , кошорое назначило Бальриву быть выброшеннымъ на берегъ Шиндेलинга , единсшвенно для того чшобы замѣнить Людвилью племянника въ важныхъ вечернихъ упражненіяхъ .

Между шѣмъ обѣ сестры , равно любящія мать свою , не оставляли ее ни на минушу ; онѣ обливались слезами , и ничѣмъ другимъ не занимались , кромѣ своей горести ; видя мать свою въ опасности , ни о чемъ другомъ не могли думать ;

даже забыли о милостивомъ путешественникѣ, который наклонѣ казался имъ споль любезнымъ. Приѣхавшій Лѣкаръ нѣсколько ободрилъ печальное семейство; онъ увѣрялъ, что болѣзнь Антоніи не опасна, хотя и будетъ нѣсколько продолжительна. На другой день Антонія спало гораздо легче, и Лѣкаръ поручился въ ея выздоровленіи. Тогда Савинія вспомнили о молодомъ чужестранцѣ, спросили о немъ, обрадовались, узнавши, что онъ находится въ замкѣ. Послѣ обѣда Вальривъ повстрѣчался съ одною изъ сестеръ, именно съ шюю, которую видѣлъ на утесѣ; посмопрѣлъ на нее пристально, и желая узнать, кого видишь передъ собою, съ чувствомъ нѣжнаго участія началъ говорить объ Антоніи. Савинія была пронута, и слезы невольнымъ образомъ покашились изъ глазъ ея. „Такъ! ето она!“ воскликнулъ Вальривъ: „ети слезы говорятъ мнѣ. . . ето Савинія на утесѣ. . . та, которая обо мнѣ плакала!“ . . . — И сестрица также бы

плакала. — „Мнѣ ни до кого другаго нѣтъ нужды; ваша чувствительность для меня драгоценна!“ При сихъ словахъ сердце просподушной Савини задрепешало; въ первой разъ она ощутила приятное впечатлѣніе, видя, что ее предпочитаютъ сестрѣ; но сіе движеніе не удивило ее, пошому что она его не примѣшила. Молодые люди не любящъ разсуждать въ сильномъ движеніи; они тогда забываютъ о всѣхъ другихъ чувствахъ, и предаются только настоящему.

Вальривъ, уже страстно влюбленный, въ шопъ же вечеръ открылъ шайну свою Людвилью, которой весьма удивился шонкому его искусству распознавать предметы, столь похожіе одинъ на другаго. Вальривъ былъ молодъ, богатъ и ни опъ кого не зависѣлъ. Людвиль обнадежилъ его, что Мюльсенъ и Антонія согласятся на его предложеніе, съ тѣмъ только если онъ поселится въ Шинделлингъ. Спарикю очень ешаго хошѣлось

для собственннхъ видовъ, и Бальривъ обѣщался исполнить его волю. Но Людвиль прибавилъ, что надобно сыскашь жениха и для другой Савини, попому что Антонія непременно хочеть обѣихъ дочерей выдать въ одно время. Бальривъ отвѣчалъ, что у него есть двоюродной братъ, искренній другъ его, молодой, любезной, богатой, свободной опъ всѣхъ обязанностей человекъ, за котораго онъ во всемъ ручается.

На другой день Антонія стало гораздо легче, такъ что прошивъ чаянiя самаго Лѣкаря, она могла вспать съ постели и просидѣть весь день въ покойныхъ креслахъ; однакожь она была очень слаба, и хопя находилась въ полномъ умѣ, но не получила еще прежней памяти и не могла хорошо представить себѣ случившихся происшествiй. Между шѣмъ какъ мать опдыхала, обѣ Савини, Мюльсень, Лѣкаръ и Бальривъ сидѣли у Людвилья. Молодой чужестранецъ ясно видѣлъ, что предметъ любви его чув-

спвуетъ къ нему склонность; но не примѣнили впечатлѣнія, сдѣланнаго имъ въ сердце другой Савини. Обѣ сестры такъ сопряжены были союзомъ родственной дружбы, что любовь не могла коснуться къ одной, не дѣйствуя въ то же время и на другую; имъ неизвѣстно было даже названіе той сираспи, которая вкрасась въ невинныя сердца ихъ; онѣ не опривались другъ другу съ видомъ порученія тайны, но искренно говорили между собою о Вальривѣ. Онѣ привыкли мыслить одинаково, и никакъ не удивлялись тому, что обѣ имѣютъ одно чувство, что обѣ занимаютъ однимъ предметомъ; съ восторгомъ бесѣдуя о Вальривѣ, онѣ еще болѣе полюбили одна другую, видя сходство въ своихъ склонностяхъ: никогда согласіе столь странное не казалось имъ болѣе достойнымъ похвалы и одобренія. Сестра предпочитаемой Савини имѣла причины бытъ въ етомъ приятномъ обманѣ. Вальривъ часто принималъ ее за другую, и недосадовалъ, когда случалось ему

узнать свою ошибку; онъ смотрѣлъ на нее какъ на самой вѣрной порипреть обожаемой своей Савиніи. Пусть въ изображеніи не находимъ прелестей подлинника; но оно всегда намъ любезно. Въ отсутствіи любимой Савиніи, Вальривъ подходилъ къ сестрѣ ея, начиналъ говорить съ нею, чшобы слышать милой голосъ ея, и ешопъ голосъ отзывается во глубинѣ его сердца; тогда уже онъ не владѣлъ собою, не скрывалъ спраешныхъ чувствъ ни въ словахъ своихъ, ни въ фізіономіи, и вовсе не имѣя поспыднаго намѣренія обманывашь, приводилъ въ соблазнъ неопышную юность.

Аншонія выздоровѣла прежде нежели можно было надѣяшьяся; черезъ нѣсколько дней она совершенно оправилась. Людвиль объявилъ ей и Мюльсеню о предложеніи Вальрива, и желая какъ можно скорѣе кончить испорію, увѣрялъ даже, что Савинія оплично расположена къ милому Вальриву. — „А сестра ея?“ неперпѣливо спросила Аншонія. — И

для нее есть женихъ; — отвѣчалъ Людвиль: — одинъ родственникъ Вальривовъ ищетъ невѣсты молодой, прекрасной и умной, съ которою не соскучилось бы жить въ деревнѣ. Вальривъ ручается, что онъ съ радостію согласится принять руку нашей Савиніи, потому что уже писалъ къ нему объ епомъ дѣлѣ и получилъ отвѣтъ удовлетворительной. Нареченный женихъ найдетъ прелестную простоту, которой совсѣмъ не воображаетъ; онъ не пребудетъ богатаго приданого, но получитъ его; сверхъ всего, женитьбу на свояченицѣ друга онъ почтетъ для себя великимъ благополучіемъ. — Антонія и Мюльсенъ обѣщались дать свое согласіе, ежели дочь приметъ епо предложеніе. Савинія, любимая Вальривомъ, была та самая, которую и Антонія внутренно предпочитала, хотя и къ другой дочери пишала она всю нѣжность материнскаго сердца. Ей было очень приятно, что Вальривъ умѣлъ такъ хорошо выбрать, не смотря на различіе, по-

чши непримѣнное. При семъ случаѣ она замѣтила, что любовь сколько же прозорлива, какъ и материнская нѣжность. Антонія захотѣла въ епошъ же день узнать мысли дочерей своихъ, и говорить съ ними порознь. Савинія, назначаемая для Вальрива, услышавъ вопросы отъ матери, въ изумленіи, въ страхъ и радости воскликнула: „а сестрица?“ Антонія отвѣчала, что у нее также есть женихъ, молодой, прекрасной, другъ и родственникъ Вальрива; она прибавила, что епошъ женихъ скоро приѣдетъ, и что обѣимъ свадьбамъ надобно быть въ одно и то же время. Другая Савинія поблѣднѣла, услышавъ о замужствѣ. „Еслибъ у Вальрива также былъ двойнишной брапецъ,“ сказала она съ робостію: „по. . .“ Антонія поняла значеніе словъ Савиніи, но думала, что сіе новое впечатлѣніе удобно можешь изгладиться, и что невинному сердцу не прудно будетъ полюбить назначемаго супруга. Юная несчастливца отвѣчала на предложеніе

мапери съ кропкою покорностию, похожею на душевное спокойствіе. Антонія была обманута ею; она не испытала любви; все дѣло казалось ей окончаннымъ по желанію. Вальривъ бросился къ ногамъ обожаемой Савиніи, и въ первой разъ изъяснился въ любви своей со всѣмъ жаромъ пылкой страсти. Епископъ вечеръ былъ для нихъ очаровательнъ. Вальривъ просилъ позволенія у своей невѣсты впередъ называть ее *Леоніей* (самъ онъ назывался *Леономъ*); „для ятого,“ говорилъ онъ „что моя супруга и ея сестра не могутъ носить одного имени; хотя нѣжная дружба и соединяетъ ихъ, однакожь все надобно положить между ними черту различія.“ — Дозволишь ли? — спросила Савинія сестру свою. „Ахъ!“ отвѣчала печальная Савинія: „ты скоро будешь называться приятнѣйшимъ именемъ въ свѣтѣ.“ — Имя *Савиніи* для меня всего дороже. — „Ахъ! тебѣ опличаютъ уже названіемъ *Савиніи*, любимой *Вальривомъ*! . . . Быть такъ! называйся *Лес-*

ней! . . .” — Произнося послѣднія слова, она пошупила глаза, на кошорыхъ заблнспали слезы. Сеспра не примѣшила ея смущенія; она смопрѣла на Вальрива, ничего не видала, кромѣ его; приняла имя *Леонн*, кошорымъ съ сего времени всѣ спали называшь ее. Положено съ общаго согласія, чшобы Вальривъ немедленно съ Мюльсенемъ опсправнлись въ Женеву какъ за нѣкошорыми нужными бумагами, шакъ и для опшѣсканія друга его, кошораго должно было привезпн въ Шинделингъ. Въ ожида- нн опшѣзда, онъ проводилъ цѣлые дни вмѣспѣ съ Леонией; чшобы удобнѣе раз- познашь ее, каждое упро подносилъ ей букешъ цвѣшовъ, кошорой она при- калываал къ груди своей. Савинія шакже любила цвѣшы, но не хошѣла уже укра- шашься ими; она убѣгала опъ сеспры своей, подѣ предлогомъ, чшобы не мѣ- шашь ей занимашься съ ея любезнымъ; чувспвовала въ сердцѣ своемъ неснос- ное мученіе опъ ревности. Она любила Вальрива, но любила и сеспру свою, лю-

била со всею нѣжноспію; завидовала ея счаспію, но лучше согласилась бы умереть, нежели его нарушить; болѣе всего оскорбляло ее то, что Леонія исключительно предалась любви, не занималась уже сеспрою и предпочипала ей предметъ споль новой. Наконецъ ей казалось, что сестра для нее уже не существуетъ, что всѣ связи нѣжной дружбы разорваны; она видѣла свое одиночество, и, къ довершенію несчаспія, упрекала себя въ невольной склонности къ Вальриву; почитала ее пресупленіемъ, начала скрывать свою грусть, начала учиться притворству.

Въ одно время, сидя на скамейкѣ въ цвѣпникѣ, она увидѣла идущую мимо садовницу, подозвала ее, посадила подлѣ себя и сказала: „Слушай, милая Марья! сестрица мнѣ не велѣла открывать шибѣ, которая изъ насъ спасла жизнь своему сыну; но теперь все перемѣнилось. . . . теперь я могу открыть шибѣ ешу тайну.“ — Пожалуйте скажите, сударыня;

вы меня ешимъ очень обрадуете. Я всегда буду любить васъ обѣихъ; но ты, кошорая избавила. . . — „Тацъ! она рождена бытъ любимую; ты обязана шѣмъ сестрицѣ.“ — Рашей сестрицѣ! Какимъ же образомъ могу различить ее? — „Теперь уже не трудно распознать насъ. . . Ее зовуть Леоніей. Савинія оспалась шолько одна, или лучше сказать нѣтъ уже Савиній.“ — Хоть ваша сестрица и перемѣнила имя, но это не помѣшаетъ принимать ее за васъ. — „Нѣтъ, Марья шеперь мы уже не походимъ одна на другую. . . Ты можешь узнать по букешу цвѣщовъ, кошорой она всегда носишь на груди, особливо по ея веселости, по свѣжему, полному лицу.“ — По лицу! но вы обѣ лицомъ шакъ прекрасны! . . . Однакожь въ самомъ дѣлѣ вы нѣсколько перемѣнились, сдѣлались блѣднѣе. — „Такъ, Марья! узнай, кто швоя благодѣшельница. Прежде я могла скрывать ошь шебя. . . ша или другая, не было въ шомъ никакой розницы; шеперь я должна ушпу-

жить Леоніи все право на твою благодарность. . . . Теперь не могу умолчать о томъ, не упрекая себя въ похищеніи чужаго. . . . Бога ради не говори ей, что ты опъ меня епо узнала; можетъ быть, она разсердится; ты скажешь ей въ то время, когда она выдетъ замужъ: дѣшхъ поръ храни мою тайну.“ Оканчивая слова сіи, Савинія вспала и вышла изъ сада; задумчивость привела ее къ озеру. Она взошла на утесъ, бросила взоръ на проливуположной берегъ, смотрѣла на сидящую подлѣ хижины внуку старой вдовы и весело разговаривающую съ молодымъ паспухомъ, которой сидѣлъ на камнѣ у ногъ ея. Казалось, что онъ забылъ о своемъ стадѣ, не заботился о козахъ, которыя, бродя по песчаному берегу, шщетно искали обыкновенной своей пищи. „Ета дѣвушка“ думала Савинія „упѣшилась; она уже переспала горевать о разлукѣ съ сестрою: а я, я никогда не привыкну думать, мечтать, жить безъ моей любезной подруги. . . .

Ахъ! кто могъ бы увѣришь меня, что такая нѣжная дружба нѣкогда будетъ виною жестокихъ мученій? Кто опважился бы сказать мнѣ, что я нѣкогда приду на утесъ *Савиній* плакать, жаловаться на сестру мою, и шertzаться тоскою, ей неизвѣстною? . . . Вошь мѣсто ея; здѣсь она сидѣла! Мы были неразлучны съ самаго младенчества. . . . теперь я одна осталась! Еслибъ она и пришла сюда, я все не увижу *моей Савини*; тѣло ея уже перестало бытъ нашею емблемой; утесъ уже не нашъ: онъ принадлежишь одной *Леоніи* — такъ, одной ей! . . . Здѣсь *Вальривъ* увидѣлъ ее въ первой разъ; здѣсь онъ поклялся любить ее одну. Я теперь чужая на семъ любезномъ мѣстѣ; не буду болѣе украшать его цвѣтами; буду только каждой день приходишь сюда . . . плакать. *Сесприца!* милая сесприца! ты, которой жизнь была неразлучно сопряжена съ моею! и ты почишаешь себя способною наслаждаться счастьемъ, когда я шerpлю несносныя муки!

Не уже ли надобно объявлять тебѣ о моей горести? не уже ли не можешь угадать ее? . . . Ахъ, помню, что въ первыя минуты твоего счастья не могла уже я дѣлать съ тобою восторговъ: такое движеніе необычайное, прошивуещее разрывало узелъ симпатіи, насъ соединявшей. Нѣтъ! не возможно! сердце мое не измѣнилось: можешь ли твое перемѣниться?“ . . . Такъ размышляла несчастная Савинія, закрывъ обѣими руками лицо свое, облившее слезами; она не хотѣла сморгнуть на окружающіе предметы, на молодую дѣвушку, на пастуха, которыя, казалось, радовались, говоря о взаимной любви, — на озеро, живо напоминавшее объ опасности Вальрива, — на утесъ и скамейку, на которой сеспры ея уже не было. Вдругъ слышитъ она шумъ челоука, идущаго по берегу. Это былъ Вальривъ, искавшій свою Леонію; увидѣвъ Савинію, печально сидящую на утесѣ, онъ подумалъ, что невѣста его воспоминаетъ обстоятельство перваго свиданія, и бро-

сился предъ нею на колѣна. „Не обманывайтесь; ешо не она!“ — говоритъ претпещущая Савинія. Удивленный Вальривъ всходитъ на утесъ, садится подлѣ Савиніи и съ живѣйшимъ участіемъ спрашиваетъ о причинѣ слезъ ея. Несчастливая нескрываетъ, что безпокоится о будущемъ жребіи своемъ, что ей назначаютъ въ женихи человѣка, совсѣмъ незнакомаго. Вальривъ съ жаромъ хвалитъ своего друга. „Я уже все ешо слышала отъ васъ,“ сказала Савинія: „вашъ другъ безъ сомнѣнія добръ, любезенъ; но буду ли я нравиться ему? будетъ ли онъ любить меня?“ — Какъ? не уже ли въ самомъ дѣлѣ вы сомнѣваетесь? — „Ахъ! я должна сомнѣваться. . . .“ — Милая Савинія! васъ будутъ обожать. . . . — Никто не увѣритъ меня въ ешомъ. . . . — Вальривъ хотѣлъ еще хвалить своего друга; Савинія вздохнула, не слушая его, встала и сошла съ утеса.

Спустя два дни, Вальривъ и Мюльенъ опправились въ дорогу. Сія разлука была крайне прискорбна для Леоніи. Са-

винія горевала не менѣе сестры своей; но она опять нашла свою подругу — и печаль ея нѣсколько уменьшилась. Леонія такъ посковала, что наконецъ Савинія начала беспокоиться. „Сестрица!“ сказала она: „ты точно такъ плачешь, какъ я плакала бы, развѣ только разставшись съ тобою.“ — Ахъ! — отвѣчала Леонія: — не сравнивай ни съ чѣмъ нашей дружбы! — „Однакожь ты плачешь и поскуеешь, не смотря, что Савинія съ тобою. . . . Етопъ пришлецъ заславляетъ тебя проливать слезы! Ахъ! человекъ, намъ чужой, нарушилъ наше спокойствіе! . . .“ — Какъ чужой? можешь ли бышь чужимъ тебѣ топъ, кого я люблю? . . . — „Не знавши его, я была счастлива! . . .“ — А шеперь? — „А шеперь? . . . развѣ ты любишь меня по прежнему?“ При семъ неожиданномъ вопросѣ скорбное изумленіе изобразилось на лицѣ Леоніи. „Боже мой!“ воскликнула она: „сестра моя не видишь нѣжной моей привязанности! спрашиваетъ меня, люблю ли ее! сомнѣвается во мнѣ!

обвиняешь меня! . . . склонность моя къ Вальриву мучить ее! . . . Слушай: такъ, я люблю ешаго молодого человѣка, о которомъ беспокоилась, прежде нежели увидѣла лице его, — котораго великодушію удивлялась, прежде нежели знала его имя; люблю юношу добраго, чувствительнаго, которой подвергалъ опасности жизнь свою для спасенія бѣднаго лодочника; люблю его: но если бы твое счастье, твое спокойствіе требовало, чтобы я пожертвовала сею любовію, тогда, конечно съ прискорбіемъ, но охотно и безъ усилій, отказалась бы опъ Вальрива. Жершвуя для себя всѣмъ, я повиновалась бы непреодолимому побужденію, покорилась бы судьбѣ своей. . . .“ — Сесприца! — прервала Савинія, бросившись въ ея объятія: — прости меня . . . чувствую, сколько я виновата передъ тобою. . . — Рыданія не дали ей кончить. Тщешно Леонія хотѣла ушѣшить ее; чѣмъ болѣе она оказывала нѣжності, тѣмъ болѣе Савинія терзалась опъ угры-

зений совѣсти. Ей казалось ужаснымъ бытъ совмѣстницею сестры споль любимой, споль достойной любви; она препепала при одной мысли, что должна будеть провести жизнь свою съ челоукомъ, котораго не можеть любить, и котораго безпрестанно принуждена будеть, единственнно для пропивоположности, сравнивать съ Вальривомъ. Но болѣе всего мучило ее то, что ей надлежало скрывать отъ Леоніи свою шайну. Какъ! говорила она сама себѣ: я обманываю сестру мою, таюсь отъ нее! когда она открываетъ мнѣ душу свою, я не имѣю къ ней довѣренности! . . . Ахъ! ей не нужно припворяться; непорочное сердце ея не имѣеть ничего скрытнаго . . . ей ничто не мѣшаетъ бытъ откровенною. . . . О Боже! сестра моя имѣеть шакія добродѣтели, которыхъ я не имѣю! похвала сестрѣ моей не можеть бытъ похвалою мнѣ! Что я говорю? Такая похвала сразила бы меня; я сказала бы: мы уже не походимъ одна на другую. . . .

Предавшись симъ поминпельнымъ размы-
шленіямъ, Савинія проливала горькія
слезы; пожирающая тоска сполько раз-
строила ея здоровье, что мать и се-
стра весьма испугались, видя спраш-
ную блѣдность и перемѣну на лицѣ ея.
Старались узнать о причинѣ ея горести;
она отвѣчала, что всему причиною ожи-
даніе супруга, ей совсѣмъ неизвѣстнаго.
Опписали къ Мюльсеню и Вальриву о
домашнихъ обстоятеляхъ, и убѣди-
тельно просили ихъ возвратиться какъ
можно скорѣе; но особенныя дѣла удер-
живали ихъ противъ воли. Между тѣмъ
Савинія, помимая скрыпную тоскою,
ощчасу болѣе изнемогала. Сонъ оставилъ
ее совершенно; она нетерпѣливо ждала
того времени, когда Леонія засыпала,
чтобы дать свободное теченіе слезамъ,
которыя въ день старалась удерживать.
Въ одно утро сильной ударъ грома и
шумъ вѣтра разбудили Леонію. Когда
гроза утихла, обѣ сестры пошли въ садъ
и очутились въ аллеи, ведущей къ бере-

гу озера. Взглянули на утесъ , и непонятное движеніе привело въ трепетъ обѣихъ. . . Въсперъ опрокинулъ шополы , посаженные въ день ихъ рожденія ; гордые верхи сихъ милыхъ деревъ , которыя въ глазахъ обѣихъ сестеръ росли , покрывались зеленью , дружелюбно обнимались вѣтвями , шеперь , держась только одною корою на цѣвѣ , лежатъ въ озерѣ. Савинія , бросившись въ объятія Леоніи , воскликнула : „ахъ , сестрица ! какое пагубное предзнаменованіе!“ . . . — Чего пугаешься ? — опивчала Леонія : — не уже ли это предвѣщаетъ . . . — и не могла кончить , поблѣднѣла , задремтала и сѣла на правѣ у подошвы утеса. Послѣ долговременнаго молчанія , обѣ сестры , взявшись за руки и не говоря ни слова , медленно пошли къ замку. Вошли въ садъ ; Савинія шакъ ослабѣла , шакъ ушомилась , что имѣла нужду отдохнуть въ маленькомъ павиліонѣ , которой обѣ сестры соорудили и коюрой названъ ими былъ Храмомъ счастья. Обѣ сѣли на лавкѣ. Сави-

шія зашрепешала, поднявши вверху глаза и увидѣвъ надпись. „Счастія“ . . . слезы не дали ей вдругъ кончить. . . . „Такъ!“ продолжала она: „названіе справедливо; мы нѣкогда наслаждались счастіемъ. . . .“

„Сесприца!“ прервала Леонія: „можешь ли ты отказываться отъ него, когда я все та же нѣжная сестра твоя, когда все утверждаетъ насъ въ радостной увѣренности, что мы никогда не разлучимся? . . . Какая нужда, что перемѣняется наше состояніе? мы любимъ другъ друга и будемъ жить вмѣстѣ. . . . Для чего сердце твое помирися? . . . Ты плачешь! ты думаешь, что я не спрavedаю вмѣстѣ съ тобою? . . . Скрывая печаль свою, ты лишаешь меня правъ моихъ; но не можешь запретить мнѣ чувствовать, помириться, изнемогать, умереть съ тобою. . . .“ — Ахъ! ешаго уже слишкомъ много! — воскликнула Савинія, бросившись къ ногамъ сестры своей: — узнай слабость мою, преступленіе, грызение совѣсти! . . . Еша Савинія, кошорая

рада пожертвованъ за тебя своею жиз-
 нію, — епта Савинія, сославляющая поло-
 вину существа швоего, побѣжденная чув-
 ствомъ неизвѣстнымъ, въ минушу заблуж-
 денія разорвала союзъ свой съ побою. . . .
 она позавидовала швоему счастью, сдѣла-
 лась швсего соперницей. . . Повѣришь ли?
 когда шы радовалась своею учашию, я
 оплакивала мою долю; когда шы благо-
 дарила Небо о злодѣйство! я
 ропшала, я печалилась, видя тебя
 благополучною. . . . Природа сошворила
 насъ во всемъ похожими одну на другую;
 но я ошъ себя ошдѣлилась. Не понимаю,
 какимъ образомъ сдѣлалось такое чудо;
 но знаю, что оно расперзало мое сердце,
 что оно оправило дни мои. . . Слезы погаси-
 ли любовь мою; я воспоржествовала надъ
 нею, сравнивъ ее съ швоею дружбою; те-
 перь осшались при мнѣ мучительныя
 грызенія, ошъ кошорыхъ ничто не въ
 состояніи меня избавишь. — Рыданія пре-
 крашили слова ея; она въ молчаніи обни-
 мала колѣна сешры своей, кошорая была

неподвижна отъ печали и удивленія. Наконецъ Леонія, поднявъ Савинію и прижавъ ее къ груди своей, сказала швердымъ голосомъ: „Хорошо! опречаюсь отъ склонности, нарушившей спокойствіе дней твоихъ; не хочу болѣе видѣть чужестранца, раздѣлившаго единство нашихъ мыслей, нашихъ желаній; отказываюсь отъ брака! . . .“ — Чпо ты говоришь? — прервала Савинія: праведное Небо! нѣтъ! Ты поразишь меня!

Пусть возвратится великодушной, чувствительной Вальдивъ! я буду считать его нѣжнымъ братомъ . . . сочетаюсь съ его другомъ; счастье твое будетъ порукою моего счастья. Твое благополучіе и мое развѣ не одно и то же? . . — Савинія говорила со всѣмъ жаромъ истиннаго чувства; Леонія не сомнѣвалась въ ея искренности: но печальной разговоръ сей невозвратно лишилъ ее спокойствія. Савинія сначала чувствовала облегченіе, открывъ свою тайну; но скоро примѣшила глубокую

задумчивость и шокку Леонія, раскаялась въ своей нескромности, и это раскаяніе повергло ее въ ужасную горесть. Лишась покоя, надежды, утѣшенія, несчастная пала подъ бременемъ недуга: кровь ея воспалилась, жестокая горячка въ короткое время приближила ее къ могилѣ. Антонія отправила нарочно въ Женеву, и Мюльсенъ съ Вальривомъ прискакали въ замокъ. Леонія, блѣдная, съ распрепаянными волосами, въ глубокомъ молчаніи, два дни неподвижно сидѣла подлѣ постели сестры своей; она не могла плакать, не могла говорить ни одного слова, и ужасное молчаніе прервала только шѣмъ, что запретила Вальриву входить въ комнату больной, и не позволила ее видѣть.

Савинія была въ памяти, и знала, что дѣлается съ нею. Въ самой шопъ день, когда послали за Лѣкаремъ, она захопѣла исполнить обязанность христіанки. Мысль о близкой смерти была для нее ужасною; ей казалось, что Ле-

онія послѣдуетъ за нею въ могилу. . . .
 Въ одинъ вечеръ, когда Лѣкаръ въ первой
 разъ обнадежилъ въ выздоровленіи боль-
 ной, Мюльсенъ уговорилъ Антонію, чпо-
 бы она отдохнула нѣсколько часоѵ
 въ своей комнатѣ; Леоніи также совѣ-
 товали лечь подлѣ постели сестры ея.
 Савинія просила ее успокоиться. „Тебѣ
 нечего бояться, сестрица!“ сказала Ле-
 онія: „когда ты выздоровѣешь, тогда и
 я буду здорова!“ — Какою непоспужи-
 мою властію ты привязываешь меня къ
 жизни! . . . Могу ли безъ ужаса подумать
 о смерти? . . . Какія слѣдствія! . . .
 Если я умру вся! что будетъ съ
 бапюшкой, съ мапушкой, съ Вальри-
 вомъ? . . . Ты знаешь, что насъ непережи-
 вутъ. . . Испускающая послѣдній вздохъ,
 должна буду сказать себѣ: я повлеку за собою
 въ могилу всѣхъ любезныхъ моему сердцу.
 Ахъ! ето будетъ стоить для меня раз-
 рушенія вселенной! . . — Надзирашель-
 ница прервала плачевный разговоръ; по-
 дошедъ къ постѣлѣ, она напомнила объ-

имъ сеспрамъ обѣщаніе ихъ лежатъ спокойно. Савинія умолкла; Леонія положила руку ея въ обѣ свои, закрыла глаза и припворилась спящею. Спустиа два часа, она почувспвовала пожиманіе опъ хладѣющей руки Савиніиной. . . Въ семь движеніи Леонія примѣшила знаки слабоспи и шакого чувспва, кошорое испугало ея: ешо было послѣднее изъявленіе дружбы, было послѣднее прощаніе! . . . Рука Савиніи оледенѣла; Леонія издаетъ вопль ужаса, поднимается, опдергиваетъ занавѣсъ и при блѣдномъ свѣтѣ ночной лампы видитъ сеспру. . . Пронзительной крикъ Леоніи заставиль Савинію опкрыть глаза; Леонія приняла послѣдній взоръ ея, и почиая себя умирающею вмѣстѣ съ сеспрою, упала въ обморокъ въ шо самое время, когда Савинія испустила послѣднее издыхане.

Леонія, опамяшовавшись, увидѣла себя въ объятіяхъ машери; Мюльсень былъ у ногъ ея; она смопрѣла на всѣхъ съ изумленіемъ. „Какъ!“ сказала она: „не

уже ли я жива еще? . . .“ Отецъ хотѣлъ увѣрить ее въ несправедливости столь пагубнаго предрасудка, будио смерть вѣспры и ее самую непремѣнно повлечешъ въ могилу; Леонія бросилась на грудь матери, и ничего не слушала. Когда Мюльсенъ переспалъ говорить, Леонія, быстро поднявшись, сказала: „въ дни счастливые мы часто желали, чшобы могила наша была у подошвы ушеса, которой носить на себѣ наше имя . . . вчера она оляшь повторила то же . . . именемъ Бога прошу васъ согласиться на ея послѣднюю волю! . . .“ Обѣщались все исполнить. Тогда Леонія, взявъ Мюльсеня и Антонію за руки, сказала: „обѣщайтесь мнѣ хранить дни свои . . . живите одинъ для другаго . . . васъ двое . . .“ — Обѣщайся же и ты — прервалъ Мюльсенъ — преодолять печаль свою, обѣщайся для матери швоей; она постарается забыть свое горе: не уже ли ты захочешъ довершишь ея несчащіе? . . . — „Ахъ!“ ошвѣчала Леонія:

„все свершилось! . . . мапущка оплакала и мою смерть, лилась одной дочери! . . .“ — Леонію положили въ комнату мапери, и она во всемъ повиновалась безъ прекословія, чего оупъ нее ни требовали. Не смотря на шо, раздраженная чувствительность влекла ее къ могилѣ; смерть положила на ней печать свою. . . . Леонія не жаловалась ни на что, не говорила ни слова, не показывала никакого желанія, кромѣ одного — никогда не видашь Вальрива. Между тѣмъ отецъ и мать, видя что Леонія была не въ горячкѣ и принимала пицу, спали надѣясь, что молодость ея, нѣжность родительская и любовь со временемъ поселитъ въ ней привязанность къ жизни. Чибобы предошвратить случаи, копорые могли бы напомнить ей несчастную сестру ея, закрыли все зеркала въ домѣ, спрятали все уборные столики. На другой день ввечеру Леонія встала съ постели, прохаживалась по комнатѣ, открыла окно

въ садъ и, сѣвъ на рѣшеткѣ, печально
 смошрѣла на павиліонъ Савини. „Иювая
 роца“ сказала она „прежде вела ко хра-
 му счастья; теперь ведетъ къ могилѣ!..
 Вопъ предѣлъ человѣческаго благополу-
 чія!... Скоро, скоро и я достигну его!...“
 Отецъ и мать рѣшились свезти Леонію
 въ Женеву, какъ скоро она оправится,
 чшобы удалишь ее отъ мѣста, напоми-
 нающаго ея злополучіе. Леонія согласи-
 лась ѣхать на другой же день, и требо-
 вала шолько, чшобы ее посадили съ ма-
 шерью въ особой коляскѣ. Вечеру Лѣкаръ
 приказаль ей употребить ванну; Леонія
 опложила ешо до поздней ночи, и непре-
 мѣнно хощѣла ночевать въ ближнемъ ка-
 бинетѣ, чшобы не нарушить спокой-
 ствія матери. Боялись противиться же-
 ланіямъ больной при столь слабомъ состо-
 яніи, и шощасъ на все согласились. Гор-
 ничная оспалась въ кабинетѣ съ Леоніей,
 кошорая легла очень поздно. Служанка
 во всю ночь приготавливала и подавала ей
 пишье, и не прежде, какъ за часъ до

разсвѣта, заснула сномъ крѣпкимъ. Леонія, отдернувъ занавѣсъ, поднялась пижонько, слегка накинула на себя кисейное плашье, вышла изъ кабинета, спустилась по скрышной лѣстницѣ внизъ, и очутилась въ саду. Начинало разсвѣпашь.

Всѣ предметы, которые видимъ, все, что ни слышимъ послѣ великаго несчастія, кажется намъ спрашною новостію; горестныя напоинанія раздирають нашу душу. Въ глубокой печали, шакъ же какъ и въ глубокой старости, видимъ предметы въ настоящемъ ихъ образѣ, а ешо умножаетъ муку. Кто не можетъ уже наслаждаться, шому остаешся спрадашь; и если перемѣна сія происходила не поспешенно, если не время произвело ее, тогда она ужасна: шакая нечаянность влечетъ за собою гибельныя слѣдствія.

Пріяшная свѣжестъ упреняго воздуха, раждающійся день, шибетаніе пшичекъ, шумъ ручьевъ, окружающихъ

зѣмокъ, сдѣлали болѣзненные впечатлѣнія въ Леонію. Папура касалась ей также прекрасною, какъ прежде; но самыя прелести ея были ужасны для несчастной. . . . Вошедъ въ ивовую аллею, она запрепешала. . . . Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ утеса такая шоска поразила Леонію, что она принуждена была остановиться, опершись на дерево; она увидѣла гробницу, которая находилась на самомъ берегу озера при подножіи утеса; широкой камень съ надписью, осѣняемый молодымъ кипарисомъ, показывалъ, чей прахъ подъ нимъ скрывался. . . . Утесъ представлялъ печальное зрѣлище: на немъ видны были одни остатки прежняго украшенія; розовые кусты увяли, засохли отъ бури, и тополы уже не возвышались надъ скальею Савиній. . . . Леонія, насилу перешуная, приближается къ гробницѣ, прикасается къ ней, шрепещеть; мѣшается въ умѣ, съ ужасомъ взглядываетъ на утесъ; ей кажется, что взоры ея проникають во глубину могилы и во

иракъ видяшь бездушной трупъ Савиніи! . . . „Здѣсь,“ сказала она слабымъ голосомъ: „здѣсь почіесть прахъ швой! . . . Но здѣсь же бессмертная душа швой со мною бесѣдуетъ! . . . Говори . . . я слушаю. . . .“ Въ сію минушу Леонія увидѣла человѣческой образъ, обернутой въ бѣлое полошно, и выходящій, какъ казалось, изъ могилы. Епо былъ собственнй ея образъ, отразившійся на поверхности озера. . . Она запрепещала; наклонясь къ водѣ, увидѣла — шакъ думала она — сестру свою, блѣдную, слабую, со впалыми, погасшими глазами — словомъ, шакую шочно, какая была Савинія за нѣсколько минушь передъ смертью. . . „О Боже! вопшь она! . . . Савинія! сестра любезная! шы просиращаешь ко мнѣ объяснія, призываешь меня! . . . Скоро, скоро соединюсь съ шобою!“ . . . Упала на камень и — скончалась. Спусня немного, Бальриевъ, каждое утро проводившій въ безмолвнй печали на утесѣ, приходилъ сюда и видилъ зрѣлище ужасное.

Леонія, которая на епомъ самомъ мѣстѣ явилась передъ нимъ въ первой разъ, милая Леонія, тогда украшенная всѣми прелесными юности и чувствительности, теперь блѣдная, холодная, бездушная! . . . Чело ея, покрытое тѣнію смерти, еще показывало черточки кротости и чистосердечія; на ангельскомъ лицѣ ея написана была доброта сердца. Вальривъ въ первомъ жару отчаянія непременно бросился бы въ озеро — въ которомъ нѣкогда едва не погибъ, но которое всегда было любимымъ для него напоминаніемъ — если бы не удержала его надежда возвратити жизнь Леоніи. Онъ взялъ ее на руки и понесъ въ замокъ; дорогою орошалъ бездушной трупъ горячими слезами, наполнялъ воздухъ воплемъ и жалобами; но онъ принесъ къ неуспѣшнымъ родителямъ жертву смерти. . . . Леонію погребли подлѣ Савиніи. Вальривъ уѣхалъ изъ Швейцаріи и никогда не возвращался. Несчастливая Антонія немедленно послѣдовала въ могилу за дочерью, и до смерти своей не

переставала упрекать себя въ томъ, что безразсудно пишала въ нихъ взаимную привязанность до такой степени. Она узнала, но уже очень поздно, что чрезмѣрно спрасшиная любовь, впрочемъ самая несорочная, сколько же опасна, какъ и всѣ душевныя движенія, не управляемыя разсудкомъ. Мюльсень не могъ пережить предмешовъ нѣжности своей, похищенныхъ смертію такъ скоро и такимъ необыкновеннымъ образомъ. Людвиль, всѣми оставленный, умеръ отъ скуки. Еслибъ онъ жилъ для другихъ, то счастливѣе провелъ бы старость свою, и безъ сомнѣнія имѣлъ бы друга, которой закрылъ бы глаза его.

Не станемъ любить такъ, какъ любили Савини, потому что мы смертны. . . Не будемъ также подражать и Людвилью, потому что мы имѣемъ нужду въ помощи другихъ и не можемъ жить внѣ общесшва.

Жанлисъ.

ДОМЪ СЪУМАСШЕДШИХЪ.

Л е к ц и я.

Фридбергъ почти еще въ отроческихъ лѣтахъ сдѣлался извѣстенъ въ столицѣ по своимъ дарованіямъ. Отецъ его, сельскій священникъ, самъ былъ первымъ, единственнѣйшимъ наставникомъ его, и попомъ не щадилъ никакихъ попеченій для усовершенствованія его способностей. Ни дѣтское разстройство, ни слабость лѣтъ не удержали сего почтеннаго старца отъ намѣренія проводить молодого Фридберга въ городъ. — „Я увижу,“ сказала отецъ „я долженъ увидѣть, гдѣ онъ останется; долженъ въ послѣдній разъ явить ему любви моей опытъ, коимъ заставилъ его еще болѣе дорожить воспоминаніемъ о своемъ родителѣ. Онъ самъ будетъ отцомъ; вспоминая о любви родительской, онъ будетъ любить дѣшей своихъ съ болѣею вѣжностью.“

По прибытіи въ городъ, они осмотрѣли разныя достопамятности. За

день передъ обратнымъ опѣздомъ старика, оба посѣтили домъ съумасшедшихъ. Явленія ужасныя, новыя для молодого Фридберга, поразили его чрезвычайно: онъ еще никогда не видалъ челоуѣка въ столь бѣдственномъ, столь униженномъ состояніи. Болѣе всего пронула его приятная наружность одного несчастнаго старика, копорой словами и поспунками своими походилъ на робенка, быль прежде весьма уважаемъ въ свѣтѣ за душевныя качества и отличныя заслуги. Надзиратель рассказывалъ, какимъ образомъ сей несчастный, опъ распуштвѣдѣшей, поперялъ сперва имѣніе и честь, потомъ умъ и память. Старикъ въ продолженіи разказа качалъ головою и улыбался, какъ будто подпверждая, что все епо справедливо. — „Прежде бывали минушы,“ продолжалъ надзиратель „въ кошорыя онъ приходилъ въ себя, и обыкновенно просилъ Бога, чтобы взялъ его изъ здѣшняго свѣта; онъ просилъ объ епомъ такъ горестно, что даже я,

привыкшій равнодушно смотрѣть на сихъ несчастныхъ, не могъ видя его не прогаться. Теперь онъ уже никогда не опамяшывается; поскоя о потерѣ своего разума, онъ наконецъ лишился его совершенно.“ — Старикъ и на сіи слова благосклонно кивнулъ головою въ знакъ согласія, попомъ, какъ будто еще оспавалось въ немъ нѣкоторое мрачное воспоминаніе, возвелъ печальной взоръ къ небу. —

Сынъ, идучи подлѣ отца, не говорилъ ни слова до самой кварширы. — „Великій Боже!“ воскликнулъ онъ: „какъ ужасно лишишься разума! Имѣя способность ощущать и мыслить, никогда еще не испыталъ я сего ужаса, сего уничиженія. Быть и не быть въ одно и то же время! Въ полномъ цвѣтѣ жизни сдѣлаться дышущимъ трупомъ, движущею пѣнью души умершей! ибо какъ иначе названъ сихъ несчастныхъ? Ежели бытіе наше состоитъ въ чувствованіи, въ самопознаніи; то потеря сего чувствованія что есть иное, какъ не смерть,

— уничтоженіе? И какимъ образомъ поступаютъ съ ними? Какъ будто исключенныхъ изъ общества живыхъ, запираютъ ихъ, погребаютъ! обходясь съ ними какъ въ безчувственныхъ! Несчастной сидишь и улыбаешься, между тѣмъ какъ передъ нимъ ходяшь и рассказываешь о его страданіяхъ; такъ ходяшь мимо портрета человѣка умершаго, копорой нѣкогда жилъ, и шеперь плѣешь во гробѣ!“

Онъ молчалъ нѣсколько минутъ; прошелъ нѣсколько разъ по комнатѣ, и сказалъ: „О жалкая судьба человѣчества! спрашно мыслишь о томъ, чѣмъ я былъ и чѣмъ могу сдѣлаться!“

— И меня расстрогало состояніе бѣднаго шарика — сказалъ отецъ: — однакожь оно спрашниѣ для воображенія, нежели для чувства. Развѣ помъ несчастенъ, кто не чувствуетъ своего несчастія? —

„О, конечно нѣтъ! равно какъ мертвый не боится смерти. Но когда память и чувство не вовсе поперяны, когда онѣ возвращаются на время, когда

бѣдной спрадалецъ со слезами просишь Бога прекрапитъ жизнь его! когда, указывая на сухую вершину дерева, коего нижнія вѣтви еще зеленѣють, горестно произносишь: и оно, подобно мнѣ, умираетъ въверху! . . . “

— Успокойся, сынъ мой! — сказала священникъ. Тебѣ кажется, что чувство сихъ несчастныхъ неуступаетъ своему ни въ силѣ, ни въ ясности; нѣтъ, разспрошенная душа ихъ не способна къ такимъ ощущеніямъ. А ежелибъ это и такъ было: врачъ иногда только опичиваешься, когда больной не чувствуетъ своихъ спраданій. Ощущеніе боли подаешь надежду къ выздоровленію: —

„Надежду какую чувствуешь ведомый на лобное мѣсто: слабый, мерцающій лучъ надежды! А спрахъ, ей сопущивующій! ! Чувствоваешь, еси силы свои въ изнеможеніи! имѣешь разумъ только для того, чтобъ видѣть, какъ онъ исчезаетъ! видѣешь, какъ исчезаетъ, какъ гаснетъ сія божественная искра,

попорая осипавляетъ наше достоинство,
 все наше блаженство! видѣнь, что ра-
 зумъ сей не только не приближается къ
 совершенству, но еще опускается ниже
 прежней почки, опускается къ ребяче-
 ству, ниже ребячества! О Боже! какъ
 мучительно видѣнь епо и чувствовать!
 А ежели еще епо несчастіе постигаетъ
 человѣка, почти приближившагося къ вер-
 шинѣ; ежели онъ вдругъ видитъ развѣр-
 зающуюся подъ собою пропасть; ежели
 чувствуетъ, что нога его скользитъ,
 и ничто уже его не поддерживаетъ:
 о! я вижу шею, вижу несчастнаго! —
 едва держишься онъ рукою дрожащею;
 еще усиливается подняться — тщетно!
 собственная тяжесть влечетъ его въ
 бездну; несчастный спруженикъ въ опѣ-
 чаяніи предается судьбѣ, и погибаетъ...
 Вы упомянули о слабомъ дѣйствіи памя-
 ти, о темномъ чувствѣ. Ничего не ска-
 жу о тѣхъ, которые въ сумасшествіи
 своемъ смиренны, какъ ввинныя дѣви;
 но гдѣ память, гдѣ чувство у тѣхъ зло-

получныхъ, которыхъ опягчаютъ цѣпями для укрощенія дикаго ихъ бѣшенства? Не ужели и они, когда приходятъ въ себя“...

Онъ опять замолчалъ. Отецъ груспилъ, сидя; думалъ о разлукѣ; размышлялъ о будущемъ опсуспствіи, объ опасностяхъ; коимъ сынъ его подвергнется, о молодыхъ лѣтахъ его и о пылкомъ характерѣ; все это, съ тѣмъ что онъ недавно видѣлъ и слышалъ, наполняло сердце его печалію.

„Смерть называютъ ужаснѣйшимъ событіемъ!“ опять началъ говорить молодой Фридбергъ: „какое же дать названіе съумасшествію и бѣшенству, когда смерть почестъ должно благодареніемъ въ сравненіи съ ними? — Въ самомъ дѣлѣ, что смерть? Она есть непреложный жребій всѣхъ живущихъ въ здѣшнемъ мірѣ; она часто бываетъ пошребна для величія души нашей, для вѣчной нашей славы. Пускай живые, взирая на безчувственной трупъ мой и помышляя о своей кончинѣ, біорптъ себя въ перси! я между тѣмъ буду спать

сномъ вѣчнымъ, спокойнымъ О!
 какъ легка смерть сія въ сравненіи съ
 тою, которая вмѣсто состраданія воз-
 буждаетъ въ душѣ шайное презрѣніе, гор-
 дое глумленіе надъ судьбою несчастнаго!
 какъ ужасно не бышь въ силахъ внушить
 уваженіе къ нашему бѣдствію! какъ ужа-
 сно живому лежать во гробѣ, и видѣть
 поспешенное уничтоженіе своего состава!“

— Твоя кисть рисуешь странныя
 картины — сказала опець.

„Однакожь истинныя! Тысяча ви-
 довъ человѣческой бѣдности предста-
 вляется моему воображенію; но ни одно
 сполько не спрашиваетъ меня, ни одно
 шакъ сильно не пошрясаешь всего моего
 состава“

— Потому что на другія теперь смот-
 ришь безъ вниманія, потому что одинъ
 предметъ занимаешь всю твою душу.
 Когда мы въ чемъ-либо одномъ прини-
 маемъ великое участіе; тогда всѣ прочіе
 виды шемнѣюшь и исчезаюшь, всѣ кромѣ

одного, которой сильно поражаетъ насъ яркостію красокъ своихъ, пріяшнихъ, или ужасныхъ. Что, если назову тебѣ такое бѣдствіе, передъ которымъ самое сумасшествіе ничего не значить? —

„Батюшка! лучше не сказывайте.“

— Ужасы смерти кажутся тебѣ гораздо сноснѣе сумасшествія, потому что подверженные сему несчастію завидуютъ умершимъ; знай же, что есть еще большее бѣдствіе, въ сравненіи съ которымъ сумасшествіе можно назвать блаженствомъ. Если сомнѣваешься въ истинѣ словъ моихъ, обрати вниманіе на злодѣевъ, изрывшихъ пропасть для старика, отца своего, котораго сосноянѣ такъ сильно тебя расстрогало. Когда они, рано или поздно, придушъ въ себя; когда увидятъ несчастіе, котораго они причиною, и котораго ни чѣмъ поправитъ не можно; когда почувствуютъ непобѣдимую слабость силъ своихъ; когда, покрытые стыдомъ и проклятіемъ, гнушаясь жизнью, не дерзнутъ помышлять

о вѣчности, о семь послѣднемъ утѣшеніи для несчастныхъ: скажи, пробужденіе ихъ не ужаснѣли того соспоянія, когда съумасшедшій, опягченный цѣпями, на соломенномъ одрѣ своемъ приходилъ въ память? оной продолжительной, впрочемъ ужасной сонъ ихъ, не должно ли почестъ блаженствомъ въ сравненіи съ пробужденіемъ сихъ несчастныхъ, — съ пробужденіемъ, котораго они бояшся какъ зла нестерпимаго? —

„Ваша правда, батюшка! Вы привели меня къ преддверію ада!“

— Но я слишкомъ пошоропился сдѣлать тебѣ возраженіе; ибо и сіе бѣдствіе не что есть иное, какъ то же съумасшествіе. Разсмотри, на чемъ основаны собственныя твои должности. Что онѣ такое? Законы ли своенравнаго властелина, которой находилъ выгоды свои въ томъ, чтобы пригнѣтать тебя; зашѣли ли злобнаго пиранина, которой ищеть случая наказывать; или онѣ предписаны тебѣ для достиженія цѣли благо-

родной, соотвѣтственной своему высокому назначенію, своей природѣ? —

„Послѣднее, бабюшка! мои обязанности суть необходимая потребность моего счастья. Самъ Творецъ перемѣнить ихъ можешь не иначе, какъ уничтоживъ мою природу.“

— Точно такъ! слѣдственно добродѣтель есть не что иное, какъ ясное, совершенное самопознаніе, чувствованіе самаго себя, своихъ силъ, своего назначенія, своихъ отношеній, — чувствованіе, подтверждаемое поступками. А порокъ, противоположной добродѣтели, что есть иное, какъ не безчувственность, продолжительный мракъ души, которая иногда на одну минушу озаряется блескомъ яркимъ, но ужаснымъ? Посоветуйся со мнѣніемъ людей! Разные виды порока, начиная отъ маловажныхъ шалостей до послѣдней степени дикаго неистовства, все носятъ на себѣ имя сумасшествия. Съ бѣшенными обоихъ родовъ поступаютъ одинакимъ образомъ: ихъ запирають,

опягчаютъ оковами, наказываютъ. Несчастливые же, у которыхъ еще не опята свобода, походятъ на смиренныхъ сумасшедшихъ; люди просвѣщенные оплакиваютъ ихъ бѣдствіе, а червь надъ ними смѣется. Ты задумался, сынъ мой? —

„Бабушка! вы показываєте мнѣ порокъ съ такой стороны. . . .“

— Я ешаго и хопѣлъ. Я хопѣлъ, чпобы ввечашлѣнія, которыхъ распротали насъ, послужили въ пользу. Мы шрепениали, смотря на сумасшедшихъ: но шрепенишь сей какъ для нихъ, шакъ и для насъ былъ бесполезенъ; вся выгода наша состояла въ томъ, что мы и.иѣли возможность ощущать движеніе, свойственное человѣку. Однакожь скажи самъ, какого рода ешо ощущение? Оно насильственно покоряешь насъ, и спѣсняешь нашу дѣятельность, шакъ что едва ли не лучше было бы, когдабъ мы совсѣмъ не знали его. Теперь мы пользуемся свободою; шеперь можемъ употребить въ дѣло свои силы. Мы ничего не въ сосшоянніи сдѣлать

прошивъ власни судьбы; но можемъ все прошивъ соблазнительныхъ Сиренъ чувственности. Не спасемъ же мучишь себя страхомъ, ибо невидимъ въ томъ никакой для себя выгоды; лучше сдѣлаемъ, ежели будемъ шрепешать въ такомъ случаѣ, когда страхъ сей обѣщаетъ намъ пользу. Извѣстно ли тебѣ, что порокъ можешь пугать насъ по мѣрѣ того, сколько онъ спрашенъ въ самомъ дѣлѣ? —

„Баюшка! опъ несчастія порока можно осперечья. Мы не сполько боимся днемъ, какъ ночью; не сполько боимся явнаго врага, какъ тайнаго убійцы.“

— Справедливо, очень справедливо! Однакожь къ сему замѣчанію надобно прибавить еще другое: что уменьшаетъ страхъ до совершенія несчастія, то увеличиваетъ его по совершеніи. Не ужасно ли почиташъ себя виновникомъ своего бѣдствія! не ужасно ли проклинашъ самаго себя и ненавидѣшъ! Къ чему клонится твое замѣчаніе? Къ тому ли, что

мы должны безопасно съ полуоткрытыми глазами шествовать по пупи, и добровольно лишать себя свѣта? или къ тому, что идучи по спезѣ жизни между ужасными пропаснями, должны сморгнуть прилѣжно, вооружиться всею бодростію, всеми душевными силами противъ окружающихъ опасностей? — Возвратись мысленно къ предметамъ, которые столь сильно расстрогали тебя! поставь себя на мѣстѣ несчастнаго, которой въ припадкахъ задумчивости, въ спранныхъ судорогахъ примѣчаетъ уже первыя начала сумасшествія, первые припадки бѣшенства! представь себѣ, что ты еще можешь спасти себя: и скажи, не рождился ли въ тебѣ непреодолимое желаніе исполнить сію возможность? —

„О чемъ вы спрашиваете, батюшка!“

— И порокъ, сынъ мой, также имѣетъ свое начало, свои первые припадки. Счастливъ юноша, которой ужасается при первомъ ихъ появленіи! Они опкрываются въ пылкости вождельній, въ порывѣ

спрашей; ибо полное самого себя чуж-
 шивованіе, въ которомъ, какъ видѣли
 мы, состоить добродѣпель, требуетъ
 души спокойной, помнящей бытіе свое.
 И пакъ, кого не одинъ уже разъ вожде-
 лѣнія увлекали за предѣлы умѣренности;
 кпо не одинъ уже разъ въ жару спра-
 спи забывалъ священнѣйшія должности
 свои: шопъ можешь ли пугаться и бышь
 опшорожнымъ? Онъ близокъ къ ужаснѣй-
 шему состоянію, къ съумасшествію опъ
 порока — близокъ сполько же, какъ и
 другіе люди. —

Сынъ очень пенялъ, что значилъ
 взглядъ ласковой, но важной спараго
 Фридберга. Онъ вспомнилъ прошекшіе го-
 ды и нѣкоторыя шалости, которыя мо-
 гли бы очень далеко завести его.

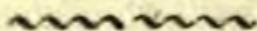
— Какоежъ средство имѣешь въ своей
 власти молодой чловѣкъ — продолжалъ
 отецъ — одержашъ побѣду надъ спра-
 сьями, надъ пылкими' вожделѣніями?
 Разумъ, котораго священная власть мо-
 жешь первымъ словомъ засшавить ихъ

молчать и повиноваться, господствуютъ во всѣхъ людяхъ необиженныхъ Природою; но разумъ обыкновенно бываетъ удѣломъ мудреца зрѣлаго и опытнаго, а не юноши, еще только жить начинающаго. Сила воображенія и чувствительность берутъ преимущество въ семь послѣднемъ; самое лучшее и можешь быть единственное средство сохранить безопасность его состоить въ томъ, когда онъ силу воображенія и чувствительность такъ соединить союзомъ, когда мысли о долгѣ и чувства сердца такъ сопряжешь, чтобы, при первомъ голосѣ всегда бодрой совѣсти, мысли о долгѣ съ чувствами сердца пробуждались въ одно время, и спремительно поспѣшали бы на помощь. — Бываютъ въ жизни минуты, которыя глубоко, неизгладимо печатаются въ памяти, именно потому что онѣ терзали сердце, или производили въ немъ сильное движеніе. Когда въ сіи минуты твердо рѣшаемся быть добрыми; когда въ сіи минуты даемъ священный обѣщъ никогда не нарушать должностей

своихъ: о сынъ мой! такой обѣщъ можешь имѣть спасительныя слѣдствія на всю жизнь. Сегоднешній случай потрясъ нашу душу, завтрашній долженъ быть иучишелень, когда — въ послѣдній разъ — проснимся. —

Послѣднія слова старикъ произнесъ дрожащимъ голосомъ; сынъ съ полною душою, залившись слезами, бросился въ его объятія. — Наконецъ опдохнувши, онъ поклялся на родительской груди, что никогда не забудеть дня сего, и что воспоминаніе о немъ будетъ проводникомъ его на пути добродѣтели. Фридбергъ хранилъ клятву во всю жизнь свою. Часто, когда случаи манили, когда вожделѣнія пылашь начинали, потчасъ являлся ему образъ добраго, нѣжнаго старца со слезами на глазахъ; ему казалось, что слышитъ тихой, препещущій голосъ его, что чувствуешь горячее, дружеское пожатіе руки его, — и сила спрасней уступала силѣ воспоминанія.

Енгель.

ДИОГЕНОВА БОЧКА.

П о в ѣ с т ь .

Дионъ. Ты останешься неправъ, любезной Диогенъ, хотя бы я и во всемъ согласился съ тобою; рассказывая приключенія жизни своей, ты даешь имъ совсѣмъ другія краски. Но если послушать Философовъ — —

Диогенъ. О, если послушать Философовъ, то я не иное что, какъ щещавной глупецъ, копорой спранносшми хочешъ обратишь на себя вниманіе всѣхъ Грековъ. Я рассказалъ тебѣ приключенія моей жизни; теперь суди, что необыкновеннѣе: онъ, или мой харакшеръ? Я думаю, приключенія.

Дионъ. Конечно, если положишься на твои слова. Однакожь въ моихъ глазахъ ты все неправъ. Что за спранная мысль жить въ бочкѣ! Признайся, Диогенъ, что ты хотѣлъ блеснуть своими запѣями.

„О боги! блеснушь!“ воскликнулъ Діогенъ, вспавъ съ мѣста и сложивъ печально руки. Онъ прошелъ взадъ и впередъ нѣсколько разъ, опянь сѣлъ подлѣ своего приятеля, взялъ его за руку и началъ говорить съ жаромъ: „Въ епой бочкѣ, другъ мой, прежде меня жили люди, и теперь еще живетъ человекъ, которой научился въ ней бытъ человекомъ. О! еслибъ ты зналъ, что заспавило меня поселиться въ бочкѣ; тогда скорѣе почелъ бы меня Платоническимъ энтузіасмомъ, нежели глупцомъ щеславнымъ. Клянусь, что я не хотѣлъ ни блистать, ни оплечаться. Каждой разъ, бывая въ Коринѣ, провожу ночь въ бочкѣ, и орошаю ее горячими слезами.“

Діонъ. Ты возбудилъ во мнѣ великое любопытство: пожалуй расскажи мнѣ. . .

Діогенъ. Ты не забылъ еще, какъ оба мы жили въ Аѣинахъ? Послѣ опыта твоего въ Азію, и я скоро проснилъся съ Аѣинами. И что мнѣ оставалось

тамъ дѣлать? Всѣ указывали на меня пальцами; я прослылъ чудакомъ за то, что не хотѣлъ обобратъ богатаго Морона; евнухомъ — что не соблазнилъ дочери почтеннаго моего хозяина, которая чувствовала ко мнѣ склонность; богоопшпункомъ — что двѣ мины, за которыя хотѣли допустить меня къ таинствамъ Елевзинскимъ, я опдалъ бѣдному семейству; шрусомъ — что я не хотѣлъ ложно присягнуть для погубленія главнаго жреца, моего непріятели; словомъ, я увидѣлъ, что былъ не на своемъ мѣстѣ, и опправился въ Коринѣ. Не думай, чтобы я надѣялся найши тамъ другихъ людей; нѣтъ! Я пошелъ въ Коринѣ для того, чтобы попировать у богатаго сластолюбца Леонида, и между тѣмъ уговорилъ его сдѣлать двухъ человекъ счастливыми. Мнѣ удалось исполнить свое желаніе. Леониду было очень приятно видѣть Діогена, сидящаго съ нимъ за роскошною пранезою, на которой спяло двадцать разныхъ

яспвъ и сполько же соршовъ винъ самыхъ вкусныхъ. Я щерпѣливо глопаль ядъ, но опъ того зависѣло благополучіе двухъ человекъ. И такъ я опправился въ Коринѣ, какъ сказано, на пирь къ богатому Леонту.

Путешествіе мое равно покажется тебѣ спраннымъ — чему я и не удивляюсь, попому что для тебя всего обыкновеннѣе видѣть молодыхъ Аѳинянь, Спартанцевъ, Епиротовъ, оставляющихъ отечество для того, чтобы возвратиться домой повѣсами, или нищими, обжорами или больными, чтобы надѣлать каждому разказами о спашуямъ Діанина храма, или описаніемъ великолѣпнаго корабля, на которомъ они имѣли честь гулять по морю съ какимъ нибудь сашрапомъ. А я предпринималъ путешествие именно для того, чтобы попить!

Діонъ. Гдѣ же бочка, бочка?

Діогенъ. Тотчасъ. Я сперва щель по дорогѣ; пошомъ, оставивъ ее, нечув-

спившительно взобрался на красивой холмъ; потомъ спустился въ долину и очутился на берегу моря. Что нужды, думалъ я: мнѣ не трудно будетъ берегомъ дойти до Коринѳа. На деревьяхъ и кустахъ вездѣ я находилъ обильную прапезу, а ночи проводилъ въ рыбацкихъ хижинахъ или на утесахъ, и такимъ образомъ приближался къ Испму. Наконецъ я зашелъ въ самую глубину утесовъ, копорые простираются черезъ весь перешеекъ; видѣлъ вокругъ себя высокія крушыя скалы, здѣсь и тамъ прохладныя долины, осѣняемыя дубами, кустами дикой розы и другими, межъ которыми спруились источники воды прозрачной; слышалъ вдали шумъ морскихъ волнъ, разбивающихся о гранишной берегъ; не было никакой дорожки, никакихъ слѣдовъ ноги человѣческой. Я легъ подъ кустомъ розъ и предался сладкой дремошѣ. Вдругъ вѣперъ заревѣлъ въ утесахъ, и шумъ волнъ раздался на подобіе ударовъ грома. Самъ не знаю отъ чего вздумалось мнѣ посмошрѣть на раз-

ярное море, которое прежде много разъ видѣлъ. Взбираюсь на крупные утесы, но не вижу моря; всхожу еще выше, выше, достигаю вершины послѣдней скалы: буря уже миновалась; море тихо, тихо колебалось въ берегахъ своихъ; проглянуло красное солнце, и я увидѣлъ внизу предъ собою приятную долину, окруженную горами. Взоры мои летаютъ надъ долиною и встрѣчаютъ сидящую подъ кустомъ женщину, которая держала младенца на рукахъ своихъ. Не видно было никакой хижины. Несчастливая! ей можетъ быть нужна помощь, подумалъ я, и сошелъ внизъ. Приближась, увидѣлъ я молодую, прекрасную женщину, одѣтую въ богатое платье. Незнакомка была одна; несмотря на то, прелести ея скрывались подъ одеждою — а ты знаешь, что женщина спыдливая все изъ меня можетъ сдѣлать. На лѣвой рукѣ она держала младенца; правою брала изъ пазухи смоквы и ѣла ихъ, омочая пищу свою слезами.}

Она услышала шорохъ, посмотрѣла вокругъ, вскочила, зашрепетала, протянула ко мнѣ руку, какъ будто съ намѣреніемъ отштолкнуть меня, хотя я стоялъ отъ нея не близко; потомъ искала взорами, куда бы отъ меня скрыться. Я стоялъ неподвижно и убѣждалъ ее ничего неопасаться. Незнакомка молчала, но слезы ея полились еще сильнѣе. Я предложилъ ей свои услуги, обѣщавъ проводить ее черезъ утесы и невредимую возвратить людямъ. „Людямъ!“ повторила она со вздохомъ, и прижалась лицомъ къ дщяши. Наконецъ мы познакомились. Она рассказала мнѣ въ короткихъ словахъ, что корабль, на которомъ плыла, разбился у здѣшнихъ береговъ, и что волны выбросили ее съ маленькимъ сыномъ на берегъ.

Я примѣтилъ, что другое несчастіе тѣснило ее. Она равнодушно рассказывала о кораблекрушеніи; но при каждомъ словѣ, которое, по видимому, ничего не значило, а въ самомъ дѣлѣ имѣло отно-

шеніе къ несчастнымъ ея прѣключеніямъ, жестокая горестъ раздирала ея сердце. Я бралъ участіе въ судьбѣ ея, и въ другой разъ предложилъ ей свою помощь. Она покачала головою, посмотрѣла на меня съ недовѣрчивостію, и ясно дала мнѣ замѣнить, что боялась меня болѣе, нежели дикаго уединенія. Между тѣмъ солнце закапилось. „Сколько ни кажусь страшнымъ для тебя,“ сказалъ я ей съ усмѣшкою „однакожь ты позволишь мнѣ провести ночь въ твоемъ убѣжищѣ; не уже ли захочешь, чтобъ я сломилъ себѣ шею между скалами?“

Она кинула взоръ на утесы и, ударивъ себя рукою по лбу, произнесла медленно: „какъ я несчастлива!“ — Праведные Боги! — воскликнулъ я прошивъ воли: — какія злодѣйства поселили въ ея невинной душѣ столь мрачную недовѣрчивость? Я человекъ; боюсь боговъ и уважаю друзей ихъ — несчастныхъ. Будь въ томъ увѣрена и ничего не опа-

сайся! — Въ самомъ дѣлѣ, говоря это, я сполько былъ пронутъ, что на глазахъ моихъ навернулись слезы.

Она зарыдала, подала мнѣ руку и такимъ образомъ началось наше знакомство.

Я сыскалъ себѣ мѣсто для ночлега на одной сторонѣ между утесами; она укрылась на другой. По утпру мы опять сошлись на долину. Мнѣ хотѣлось узнать о небольшомъ ея хозяйствѣ. Взявъ ее за руку, я сказалъ съ чувствомъ со-спраданія: какъ мнѣ жаль тебя! безъ жижины, безъ крова, подвержена сурово-спямъ воздуха! — Она улыбнулась и оп-вѣчала: „у меня еспѣ жижина,“ ахъ, она прилична моему положенію! и привела меня къ подошвѣ одного утеса, при которомъ лежала большая бочка, выбро-шенная на берегъ морскими волнами. „Вошь мое жилище!“ Горестно смопирѣлъ я на постпелю, сдѣланную изъ проспни-ка и лишпьевъ древесныхъ, на постпелю,

которую боги и злодѣянія людей опредѣлили для невинности. Я не могъ удержаться, чтобы не сказать ей епой своей мысли. Слезы блеснули въ глазахъ ея, и мнѣ кажется, что епо были слезы благодарности. „При всемъ томъ я здѣсь несравненно счастливѣе, нежели когда была бы въ другомъ мѣстѣ,“ сказала моя знакомка.

Я убѣждалъ ее оставить дикую пустыню и идти со мною. Легкимъ движеніемъ головы она дала мнѣ знать, что не можешь на то рѣшиться. Я продолжалъ настойчиво просить ее, и услышалъ въ отвѣтъ, что она не въ силахъ предпринять путешествія по граничнымъ ушесамъ. „Ахъ!“ говорила она: „дай мнѣ спокойно умереть здѣсь; мнѣ остается жить недолго.“ Теперь только я могъ примѣтить, чего прежде, не знаю почему, не удалось мнѣ сдѣлать, что огонь погасъ уже въ ея взорахъ, что розы поблекли на щекахъ ея. Теперь только съ ужасомъ я увидѣлъ такое,

блѣдное, полумертвое лице ея, услышала слабый, тихий голосъ ея, которой, подобно пѣнію лебедя, возвѣщала близкую кончину.

Наше знакомство скоро превратилось въ нѣжную дружбу. Сердце ея прикѣпно спановилось искреннѣе. Она около часа уже сидѣла подлѣ меня и облегчала скорбь свою повѣствованіемъ о любви своей къ дѣшяпи, и о томъ, какъ она занималась его судьбою. О! я съ радостію согласился бы просидѣть подлѣ нее цѣлой годъ, прижавъ руку ея къ моему сердцу, устремивъ взоръ на угасавшіе глаза ея, чуждые нескромныхъ желаній, и слушая помной, но милой ея голосъ! Развѣ мало горестей боги посылаютъ намъ? Нѣтъ! надобно еще, чтобы люди съ яростію Фурій опинимали у невинности крапкія минушы веселія, которыя въ удѣлъ ей достаются! — Приключенія ея женщины поселили во мнѣ ненависть къ человѣчеству; прежде я только насмѣхался надъ людьми, а пог-

да готовъ былъ проклинашь ихъ. И ешу перемѣну сдѣлала — бочка!

Діонъ. Ты еще не кончилъ. Расскажи мнѣ приключенія женщины.

Диогенъ. Въ одинъ прекрасной вечеръ я сидѣлъ на гранишномъ утесѣ подлѣ Хариклеи — такъ называлась женщина. Правою рукою она оперлась на плечо мое, а лѣвую положила на мое колѣно. Тупъ она рассказала мнѣ горестную свою исторію; повѣствованіе продолжалось до самой ночи.

Она родомъ изъ Андоса — небольшого острова въ морокомъ заливѣ; на пятнадцатомъ году вышла замужъ за Калліаса, прекраснаго молодаго человѣка. Описывая счастливые дни первой любви своей и брака, на минушку забыла она горестъ насроящую; нѣжной румянецъ показался на щекахъ ея; слабый лучъ веселія оживилъ ея взоры; грудь ея примѣтно поднималась подъ одеждою: ешо служило доказательствомъ истины словъ

ея, когда она говорила, что чувственыя удовольствія составляли самое послѣднее изъ невинныхъ ея наслажденій. Съ восторгомъ она воспоминала о протекшихъ дняхъ блаженства, и часто обращала къ морю радостныя взоры, какъ бы желая найти ту жижину, въ которой была столько счастливою. Но когда дошло дѣло до претерпѣнныхъ злоключеній, огонь погасъ въ глазахъ ея и слезы полились изъ нихъ ручьями. Она поднесла дитя къ лицу своему, омочила его слезами своими и осыпала поцѣлуями нѣжности родительской.

Цѣлой годъ пропекъ въ невинности, въ добродѣтели, въ любви и счастіи. Мелонъ, богатой Коринѳянинъ, имѣвшій въ Андосѣ сельской домъ, увидѣлъ ее на праздникѣ. Красота Хариклеи плѣнила сластолюбца. Онъ предложилъ ей золото, жемчуги, драгоценныя камни, деревни; но его предложенія опвергнушы съ презрѣніемъ. Ему вздумалось похитить ее. Калліасъ наспигаешъ его въ то самое

время, когда злодѣй увлекать свою жертву; разгоняешь невольниковъ, повергаешь на землю робкаго похитителя и возвращается домой съ своею супругою. Вдругъ требуюшь Калліаса къ суду, чипаюшь доказательства вины его, выслушиваюшь свидѣтелей, пожимаюшь плечами, сожалѣюшь о несчастномъ жребіи Калліаса, совѣщують ему во всемъ положиться на волю боговъ и, въ силу законовъ, отдаюшь его Мелону въ вѣчное рабство. Мелонъ вырываетъ Хариклею изъ объятий супруга ея, кошорато приказываетъ опягчить оковами и отправишь въ Коринескія рудокопни.

Сластолюбець предлагаетъ Хариклеи свободу мужа ея на постыднѣйшемъ условіи, доспойномъ развращенной души его. Любовь и цѣломудріе борюцца въ невинномъ сердцѣ. Хариклея въ нерѣшимости: она повергается къ ногамъ властелина судьбы своего мужа; злодѣй улыбаешся и требуетъ постыдной жер-

швы. Она обѣщанія исполнишь его волю, если Калліасъ на епо согласится, и опсправляетъ вѣрнаго невольника съ письмомъ къ своему супругу. Калліасъ читаетъ письмо, блѣднѣетъ, возводитъ къ небу взоры. Онъ написалъ въ опшвѣтъ слѣдующее: „Нѣтъ, Хариклея! я знаю тебѣя. Невѣрносшь твоя спасетъ меня; но ты не будешь спокойна во всю жизнь. Живи для твоего и моего младенца, залога любви нашей. За Спиксомъ увижу тебѣя непорочною. Прости, за тебѣя умираю!“

Опдавъ письмо, Калліасъ бросился въ бездонную пропасть. Невольникъ возвращается; съ рыданіемъ рассказываетъ о томъ, что видѣлъ своими глазами, и опсдаетъ письмо несчастной. Она въ опчаяніи падаетъ на землю. Пришедши въ себя, бѣжитъ на площадь, рвется, кричитъ, требуетъ правосудія. Народъ вступился за бѣдную. Мелонъ убѣжалъ въ Коринѣ, и въ объятіяхъ прелестницъ забылъ свое преступленіе. Хариклея рѣ-

шилась сама ѣхашъ за нимъ и шамъ собственными руками заклашъ злодѣя въ жертву шѣни своего супруга. Она беретъ сына и отпрапляешся съ нимъ на корабль.

Одна горестъ, одно опчаянiе подкрѣпляло ея силы. Буря занесла корабль въ шѣсношу утесовъ и попопила всѣхъ, которые на немъ находились; только Хариклея съ оыномъ спаслась опъ погибели. Бочка, выброшенная на берегъ, была ея жилищемъ. Здѣсь провела она нѣскольکو недѣль, пишаясь плодами; силы ея опчасу ослабѣвали. Она съ ужасомъ представляла себѣ, что сынъ ея долженъ будетъ умереть голодною смертiю, когда сама лишится жизни; опчаевалась, надѣялась, наконецъ, увидѣвшись со мною, перестала по крайней мѣрѣ опасашся, что сынъ ея умретъ опъ голода.

Вошъ крапкая исторiя ешой женщины! Я слабо и холодно изобразилъ шебѣ шолько главные черты ея горести. О!

еслибъ ты слышала ея самую! еслибъ видѣла, какъ она вдругъ вспавала съ мѣста, проспирала руки къ свѣшному мѣсяцу, жаловалась на боговъ; попомъ опять садилась подлѣ меня, и съ пихими вздохами, шомнымъ, прерывающимся толосомъ продолжала свое повѣспованіе! Еслибъ ты видѣла, какъ она, вспомнивъ о своемъ супругѣ, въ изступленіи бросалась ко мнѣ на шею, омочала лицо мое своими слезами и преребовала опъ меня и опъ боговъ мщенія! Твердые гранишы смягчились бы ея жалобами, когдабъ могли понимаешь ихъ. Я, холодной, нечувствившешельной Діогень, кошорой надо всѣмъ насмѣжался, — я самъ плакалъ какъ ребенокъ, падалъ къ ногамъ ея, склонялъ печальное лице свое на грудь ея, и въ сладоспномъ умиленіи цѣловалъ ея руки.

Посмотри, Діонъ! я и теперь плачу, вспоминая объ ешой ночи. Слушай далѣе. Мы жили на долину, какъ будто Небо опредѣлило обоимъ намъ бышь въ одномъ започеніи. Ни одинъ разъ не возми-

жало во мнѣ желаніе съ нею разстаться. Я забылъ о свѣтѣ и провелъ цѣлой мѣсяць, счастливѣйшій въ моей жизни, въ семь шѣсномъ кругѣ скорби и сѣтованія. Здоровье Хариклеи часъ опъ часу изнемогало; каждое утро она выходила изъ своей бочки блѣднѣе и слабѣе: сердце ея каждой день спановилось спокойнѣе. Часто съ горестію и досадою смотрѣлъ я на нее, сидящую въ глубокой задумчивости, сложивъ руки, съ печальною улыбкою; казалось, она внимала гласу смерти, которая готова была разлучить ее съ міромъ; я смотрѣлъ, и понималъ ее, когда въ безмолвныхъ мечтаніяхъ своихъ поднимала она руки вверхъ, клала ихъ на расперзанное сердце; пощомъ, прижавъ голову невиннаго младенца къ блѣднымъ губамъ своимъ, тихо произносила: „будь счастливъ!“

Такое для меня зрѣлище, шакія впечатлѣнія продолжались цѣлой мѣсяць. Наконецъ силы совершенно оставили ее; она не могла уже встать съ одра болѣз-

ни. Я сидѣлъ у ея постели, держа сына на своихъ колѣнахъ; я видѣлъ, какъ она умирала каждую минушу; ничего болѣе не видалъ, не слышалъ, не чувствовалъ, кромѣ ея смерти. Вся долина ничего болѣе невмѣщала въ себѣ, кромѣ плачевныхъ приключеній Хариклеи. О вы, живущіе въ шумномъ свѣтѣ! тысяча предметовъ развлекаетъ васъ, тысяча предметовъ удаляетъ васъ отъ зрѣлища бѣдности человѣческой! а я сидѣлъ при Хариклеѣ, и ничего другаго не видалъ, кромѣ того какъ смерть перерывала нити жизни ея одну за другою; только горестныя стоны наполняли слухъ мой; только угасающіе глаза были предметомъ моего зрѣнія. Я умиралъ каждую минушу вмѣстѣ съ нею.

Наконецъ Хариклея улыбнулась, подала мнѣ руку, взглянула на сына, вздохнула и — скончалась. Не буду рассказывать шебѣ, какимъ странностямъ я предавался послѣ ея смерти. Теперь слышу я въ Греціи холоднымъ насмѣшникомъ;

иногда прослылъ бы сумазброднымъ меч-
 ташелемъ и фанашикомъ. Ненависть моя
 къ людямъ была безпредѣльна. Я поклял-
 ся на могилѣ Хариклеи никогда не остав-
 ляшь долины, умереть тамъ, гдѣ она
 скончалась, и скрыть опъ сына ея,
 что существующъ на свѣтѣ другіе
 люди; они умертвили его родителей,
 слѣдственно онъ не могъ и не долженъ
 любить ихъ. Бочка Хариклеи доста-
 лась мнѣ въ наслѣдство. Ни одинъ
 сынъ царской не наслѣдовалъ престола
 отца своего съ такою гордостью, съ ка-
 кою я вступилъ въ обладаніе бочкою, въ
 которой скончалась невинность. Садясь
 въ нее, я обѣщался жить тамъ до моей
 смерти. Ахъ, Діонъ! ни одной ночи я
 не провелъ въ бочкѣ безъ того, чтобы
 не сдѣлаться смиреннѣе, чувствительнѣе,
 щепѣливѣе. Казалось, что гений добродѣ-
 шелей Хариклеи, гений щепѣнія, кротости
 доброты сердца, еще оставался на одрѣ
 ея смерти. Никогда не ложился я на
 постелю Хариклеи, не повшоривъ кляпъ

вы своею быль споль же шерпѣливымъ , споль же чувспвительнымъ , кроткимъ и кроспосердечнымъ , какъ еша женщона.

Время умѣрило печаль мою , а вмѣстѣ съ нею погасала во мнѣ и независнѣ къ чловѣчеству. Я разсуждалъ о шомъ , что должно дѣлать съ ребенкомъ , котораго боги даровали мнѣ , и которой сполько былъ дорогъ моему сердцу. Я зналъ и чувспвовалъ , что не праздное уединеніе предназначено для чловѣка , хотя бы и несчастія ожидали его въ обществѣ. Такъ ! сказала я , прижимая дитя къ моему сердцу : ты долженъ учишься терпѣннѣ , сынъ мой ! ты долженъ жить между людьми ! Наслѣдіе швоей матери , еша бочка , единственннй памятникъ ея существованія въ мнрѣ , пусть научитъ тебя быль чловѣкомъ ; пусть научитъ она шерпѣливо сносишь шо , чего избѣжать не можно !

Едва успѣлъ я кончить , вдругъ слышу чловѣческой ~~голосъ~~. Вижу лодку

приславшую къ берегу, иду на встрѣчу и нахожу Лаомедона, спариннаго своего прияшея. Онъ удивляешся моему пребыванію въ пущыиѣ и предлагаетъ мнѣ свои услуги. Я пребую, чтобы бочка, драгоцѣнное наслѣдство моего сына, взята была на корабль. Лаомедонъ смѣется моеї спранныости. „На что тебѣ бочка?“ спрашиваетъ онъ. — Я живу въ ней; а человекъ не долженъ оспавлять своего жилища. — „Какая мысль! Діогенъ все таковъ же, какъ былъ прежде!“

Бочку мою взяли. Просняся съ прахомъ Хариклеи на ея могилѣ, я сѣлъ на корабль. Скоро мы очутились подлѣ Коринѳа. Меня съ малюшкой и бочкою высадили на берегъ, и выгрузили привезенные товары. Насъ окружила толпа любопытныхъ. Тутъ вздумалъ я о Мелонѣ, убійцѣ родителей моего малюшки, и вдругъ мысль о намѣреніи Хариклеи опметить злодѣю, подобно вдохновенію боговъ, проникла мою душу, овладѣла ею. Я подкашилъ бочку свою подъ шѣ-

нистое масляное дерево, сълъ съ ребенкомъ на землѣ и дожидался вѣчера. Шумъ ушихъ; по захожденіи солнца я легъ въ бочкѣ и заснулъ спокойно съ планомъ въ головѣ своей.

Между шѣмъ Лаомедонъ разсказывалъ въ Коринѣ о Діогенѣ и его бочкѣ.

На другой день, открывъ глаза, я увидѣлъ уже споящую около бочки толпу любопытныхъ, кошорые смолрѣли на насъ и шушили. Вспаю, умываюсь, умываю мальчика, набираю плодовъ и учу ходишь моего сына. Епо занимало всѣхъ, а мнѣ шого-шо и хопѣлось. Сперва подходилъ народъ и насмѣхался надо мною. Попомъ явились знаменишые гражданае, осмаприкали бочку, оспанавливались, смѣялись, подходили ближе, спрашивали. Я давалъ ошвѣшы самые просшые, по своему обыкновенію, а между шѣмъ освѣдомлялся объ имени каждаго посѣвипеля. Наконецъ явился Мелонъ. „Ты называешься Мелономъ? шы сынъ Лизіаса?“ — Точно. —

Я пристально смотрѣлъ на него; онъ шушилъ надъ бочкою. „Епа бочка, яриатель дорогой,“ сказалъ я „ближе къ тебѣ, нежели, можешь быть, ты думаешь. Ты отдашь бы за нее мраморные чертоги, съ шѣмъ только чшобы провеши въ ней хоть одну ночь такъ спокойно, какъ я живу уже цѣлой мѣсяць. Слушай!“ прибавилъ я: „если Фуріи вздумаютъ когда нибудь напасшь на себя съ своими пламенниками, то ожидай ихъ изъ епой бочки. Въ ней живешь Діогенъ и — швое опчаяніе.“

Злодѣй смутился. „Если хочешь знать болѣе,“ прибавилъ я: „по приходи ко мнѣ въ нынѣшнюю ночь; я расскажу тебѣ нѣчто.“ Онъ пошелъ отъ меня въ глубокой задумчивости, и съ наступленіемъ ночи опять явился. Я рѣшился расперзашъ его сердце. Оба мы сѣли подлѣ бочки, въ которой дитя уже спало. Ясной мѣсяць освѣщаль насъ, и мнѣ можно было наблюдать лице его. Я рассказалъ ему слышанныя шобою приключенія Ха-

риклеи, не упемявая объ ея имени. Начало повѣспиванія онъ слушалъ со смущеніемъ, не перерывалъ продолженія и спановилса часъ опъ часу внимательнѣе. Я видѣлъ, какъ лице его измѣнялось; видѣлъ, какого труда стоило ему казаться спокойнымъ. Взоръ его помрачился, когда я говорилъ объ опчаяніи несчастной по полученіи извѣспія о смерти ея мужа. Вздохъ насильно вырвался изъ груди, не смолря на то, что онъ веячески спарался удержатъ его. Наконецъ рѣчь дошла до послѣднихъ часовъ жизни Хариклеи и до ея смерти; онъ запренпалъ, опворопилса опъ меня, закрылъ рукою лице свое и, казалось, опиралъ шекуція слезы. „Здѣсь,“ говорилъ я, „въ епой бочкѣ скончалась несчастная.“ Уныло взглянулъ онъ на бочку. „Посмотри!“ продолжалъ я: „на сіи доски градомъ падали ея слезы, слезы безконечной горести; въ епомъ тѣсномъ жилищѣ раздавались ея вздохи и спенанія. Опспавленная опъ всего свѣща, въ нищепѣ, въ

изнеможеніи, въ опчаяніи, принужденная съ невиннымъ младенцемъ умираеть голодною смертію, Хариклея скрывалась въ ешой бочкѣ, кошорая была ея гробомъ. Такъ, Мелонъ! между сими досками, надъ которыми ты емѣешься, раздавалось смертное храпѣніе женщины, лишенной жизни своимъ злодѣйствомъ.“ — Я замолчалъ.

Мелонъ, опяшь взглянувъ на бочку, вскочилъ съ препеномъ, показывая, что слышишь нѣчто ужасное. — Слышишь ли? — вскричалъ онъ голосомъ боязни. „Теперь понимаешь ли,“ сказала я „что у тебя есть совѣсть? тихое дыханіе сына тебѣ кажется храпѣніемъ умерщвленной мащери! Нигдѣ не скроешься отъ Фурий; онѣ гнѣздятся въ швоемъ сердцѣ: собственное швое дыханіе будешь казаться тебѣ послѣдними вздохами умирающей Хариклеи.“ Мелонъ онѣмѣлъ и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Я схватилъ его правую руку, насильно принащилъ его къ бочкѣ, и продолжалъ съ

жаромъ : „Здѣсь я поклялся мстить за несчастную ; здѣсь умерла она , здѣсь раздавалось послѣднее храпѣніе твоей жертвы . Злодѣй ! ты слышишь его ? вопль казни твоя ! Въ епой ужасной для тебя бочкѣ поселюсь въ Коринѣ , охотно возложу на себя должность Фурій , которыми надлежитъ мучить тебя , убійца нечестивый ! Теперь шоржесшуй , сластолюбець ! усыпляй совѣсть свою забавами , музыкою , пирами ! Я подкачу бочку свою подъ твои чертоги . Когда собесѣдники твои скажутъ со смѣхомъ : „воплъ Діогенъ съ бочкою !“ тогда опчаініе разольетъ желчь по веѣмъ твоимъ членамъ ; тогда сердце перевернется во внутренности твоей ; тогда онѣмѣешь среди пированія и съ шрепешомъ будешь взирать на предметъ твоихъ мученій .“

Мнѣ казалось , что Мелонъ не слышалъ послѣднихъ словъ . Онъ упалъ на бочку , обнялъ ее своими руками , зарыдалъ ; потомъ , вспавъ послѣшно , побѣжалъ изо всей силы . Я имѣлъ намѣреніе

пюлько отмстить за несчастную, не сдѣлалъ болѣе — привелъ въ чувство злодѣя. Спусти два дни, ночью разбудилъ меня голосъ говорящаго человѣка; это былъ Мелонъ. „Діогенъ!“ сказалъ онъ горесно: „ты расперзалъ мою душу.“ Онъ наклонился къ младенцу, омочилъ его слезами и продолжалъ рыдая: „О, если бы боги возвратили жизнь родителямъ твоимъ, я купилъ бы ее собственною моею кровію! Но постараюсь сдѣлатьъ то, что въ моей власти. Опныя будешь моимъ сыномъ. Симъ рукописаніемъ укрѣплю за младенцемъ половину моего имѣнія и дѣлаю его своимъ наследникомъ.“

Это изумило меня. Я не могъ вѣришь диня, сласполюбцу, и не зналъ, что дѣлать, не смотря на всѣ доказательства любви Мелоновой къ невинному малюшкѣ. Между тѣмъ онъ разорвалъ связь съ прелестницами, началъ вести себя воздержно и кротко, безъ принужденнаго оказанія наружной честности.

сти, такъ что я отважился отдать ему мальчика съ бочкою, и самъ перешелъ къ нему въ домъ. Мелонъ поставилъ бочку въ самомъ скрытномъ мѣстѣ своего сада, сдѣлалъ надъ нею кипарисовую бесѣдку, и большую часть дня въ ней просиживалъ. Спусти нѣсколько мѣсяцовъ, я разстался съ нимъ, будучи совершенно увѣренъ въ его исправленіи.

По прошествіи немногихъ лѣтъ, я посѣтилъ Мелона. Печаль его уже разсѣялась; характеръ важный и твердый занялъ ея мѣсто въ душѣ его. Сынъ Хариклеи любилъ новаго своего благодѣтеля съ дѣтскою нѣжностію. Я бросился въ объятія къ Мелону. „О Діогенъ!“ сказалъ онъ: „какимъ драгоценнымъ подаркомъ шы наградилъ меня! Буря спрашей утихаетъ, побужденія чувственности исчезаютъ, когда прикасаюсь къ твоей бочкѣ.“ Теперь минуло пятнадцать лѣтъ, какъ бочка поставлена въ саду Мелоновомъ; каждой разъ, бывая въ Коринѣ, я провожу ночь

въ бочкѣ, и каждой разъ просыпаюсь
умнѣе и чувствительнѣе въ семь пѣсномъ
обиталищѣ, бывшемъ нѣкогда жилищемъ
опчаша и добродѣтели.

Вошъ исторія бочки, которая была
причиною, что я прослылъ глупцомъ и
чудакомъ. Да благоволятъ боги, чтобы
каждой человѣкъ жилъ въ черпкахъ съ
такою честью для себя, какъ я въ боч-
кѣ! — Ахъ! смотри, какъ епопъ бѣдной
юноша измучился подъ тяжевою своею
ношею; мнѣ жаль его! помогу ему нести.

Дионъ. Пускай его несетъ одинъ!
Скажи же мнѣ, Диогенъ, развѣ Мелонъ... —

Диогенъ. Мелонъ также скорѣе по-
собилъ бы юношѣ, нежели спалъ бы раз-
сказывашъ. Проси до свиданія!

А. Лафоншенъ.

Е Т Н А ,

или О счастіи человѣческоиѣ.

Мальшійскій Кавалеръ Баварскаго языка Графъ С** , бывъ опшравленъ за дѣлами государственными въ Валешпу , вознамѣрился пушешествіе сіе упопрѣбить для своей пользы и удовольствія , и обозрѣлъ всѣ главнѣйшія достопамятности въ Италіи и Сициліи. Поденная записка пушешествія , которую онъ прислалъ въ Минхенъ къ приятелю своему Барону Т** , содержитъ въ себѣ точныя замѣчанія о многихъ еще неописанныхъ произведеніяхъ напуры и искусства , также разбросанныя разсужденія , большею частію философическія. Мнѣ дозволено напечатать слѣдующее мѣсто , взятое изъ одного письма , писаннаго въ Кашани.

„Изъ Николоси предлежалъ намъ пущь , очень прудный и неприашный , по широкой полосѣ безплодной лавы.

Вдали по сторонамъ видны были цѣшущія долины, и холмы зеленью увѣнчанные; но мы неспособны были наслаждаться ими: Природа изнемогла отъ мучительнаго зною, неумѣряемаго никакими благоуханіями расшѣннй, ни на минушу неохлаждаемаго благодѣшельною шѣнью дерева. Наконецъ, уже приближившись къ лѣсистому вѣнцу Етны, мы начали чувствовать освѣжающее вѣяніе легкихъ вѣперковъ, приносившихъ къ намъ оживляющій запахъ. Съ какимъ непереѣнимъ спѣшили мы войти въ приятную шѣнь, которая насъ манила къ себѣ своею прохладою! Обыкновенно въ ожиданіи находимъ болѣе сладости, нежели въ самомъ исполненіи; продолжительное ощущение потребности увеличиваетъ цѣну желаемого блага: но здѣсь, любезный другъ, съ нами было совсѣмъ иное. Мы очутились не въ землѣ Жуана Фердинандеца, которая послѣ неизмѣримыхъ путешествій Океана показала намъ, — нѣтъ,

мы очутились дѣйствительно въ саду Едемскомъ.

„Епопъ прелесный Едемъ, съ роскошными своими деревьями, на вѣтвяхъ коихъ вездѣ прыгають голосистыя птички, епопъ Едемъ съ многоразличными цвѣтами своими и бальзамическими расцвѣтіями — на какой почвѣ, и думаете вы, насажденъ рукою Природы? На охладѣвшей лавѣ, копорая нѣкогда, во времена глубокой древности, распространяла ужасъ и опустошеніе, и копорая нынѣ послѣ многихъ столѣтій сдѣлалась плодоноснѣйшею почвою на всемъ пространствѣ земнаго шара. Сіе превращеніе огненнаго попока въ райское обиталище не можешь ли служишь священнымъ подобіемъ попого употребленія, копорое рано или поздно дѣлаешь изъ зла воля всеблагаго Провидѣнія. Такъ воскресающій изъ гроба попылекъ спалъ прообразованіемъ безсмертія души человѣческой!

„Опъ обыкновеннаго мѣста поплета, до копорого мы достигли, еще было

Часть IV.

П

далеко до жерла Ешны; не смотря на то, намъ не возможно было преодолѣть желанія своего сойпни съ лошаковъ и опдохнуть на коврѣ песпро-зеленомъ. Вино, копорымъ запаслись мы, утолило жажду; всѣ чувспва наши сдѣлались бодрѣе и крѣпче; словоохотность и смѣхъ, копорые, по видимому, совсѣмъ было оставили насъ, онятъ возвратились къ намъ вмѣстѣ съ бодростію; при великолѣпномъ зрѣлищѣ роскошной Природы мы наслаждались такимъ счастіемъ, какое вкушала челоувѣкъ во дни первобытной своей невинности. И въ самомъ дѣлѣ наше путешествованіе было невинное, даже, смѣло скажу, благочестивое: оно по многимъ отношеніямъ уподоблялось путешествію ко святымъ мѣстамъ, предпринимаемому не по суевѣрному желанію освободиться отъ грѣховъ, копорые только честнымъ поведеніемъ очищаются; но чтобы взглянуть на необозримую, неслезанно великолѣпную картину, и уди-

вляться всеблаговому Творцу въ Его твореніяхъ.

„Скоро, и не жалѣя, мы оставили мѣсто отдоха, сколь ни было оно прелестно. Какъ будто условившись, всѣ мы закричали въ одинъ голосъ: далѣе! далѣе! И епо далѣе повшорялось до шѣхъ поръ, пока не достигли до самой вершины. Ожиданіе часъ опъ часу прекраснѣйшихъ явленій, копорыми воображеніе было наполнено, принуждало насъ оставлять скоро прекрасныя мѣстоположенія; самыя прелестныя картины не задерживали насъ долѣе немногихъ минушь. — Наконецъ мы приблизились къ лощинѣ, и рѣшились отдохнушь на сухихъ мисьяхъ. Какой восхищительной видъ находился передъ нами! Можно ли было предасться покою прежде наступленія ночнаго мрака! Никогда еще при восхожденія солнца не чувствовалъ я себя такъ бодрымъ и веселымъ, какъ въ сей день при захожденіи. Товарищи разошлись по разнымъ мѣстамъ; а меня случай завель

на близъ-лежащую гору, можетъ быть пу-
самую, на которой восхищался путешест-
венникъ Бришани (*), взирая на величественную,
описанную имъ картину. Ахъ! онъ
имѣлъ причину предаваться воспогамъ.
Многоразличіе предметовъ глазамъ пред-
ставляющихся, Темпейская долина Греціи
и дикая пустыня Оиванды, на одной по-
верхности лежація и оплечающіяся ра-
зительнымъ своимъ несходствомъ, —
здѣсь поля Елисейскія, усеянные безчи-
сленными селеніями, пересѣзаемыя пото-
ками, которые въ прелестномъ безпоряд-
кѣ извиаяющся многообразно, — тамъ
развалины городовъ, нѣкогда процвѣпав-
шихъ, и храмовъ великолѣпныхъ, ко-
ихъ поникшія вершины выспавились изъ
длинной полосы окаменѣвшей, желѣзо-
цеѣпной лавы — печальной памятникъ
ничтожности земнаго великолѣпія! —
еще далѣе, непредѣльное, излучистые
берега омывающее море съ островами,

(*) Брейдонъ.

шамъ и здѣсь мелькающими; по песчаные, по утесистые, по плодоносные берега съ полпящимися, подобно пчеламъ, кораблями! — Но могли ли описать всё подробности картины столь величественной? Все дѣлаешь въ душѣ впечатлѣніе глубокое, неизъяснимое, — впечатлѣніе сладостное, котораго никакъ нельзя передать кому, кто самъ не ощущалъ ничего подобнаго. Воображеніе, творящее прелестныя сады волшебницъ и грозныя страшилища ада, еще до сихъ поръ не могло изобрѣсти такой картины, какую неподражаемо представляешь здѣсь восхищеннымъ взорамъ великая художница, Природа.

„Послѣ столь приятнаго удовольствія, цѣлой день продолжавшагося, послѣ роскоши, которою наслаждался я ввечеру и которой другіе не только никогда не ввуждали, но ниже предчувствовали, надобно ли было мнѣ, любезной другъ, желать болѣе! Не долженъ ли былъ я воз-

вращишься въ лощину и удержишь любопытство свое по крайней мѣрѣ до слѣдующаго упира? Но, нѣтъ! еще не успѣли взоры мои вполнину насытиться прекраснымъ, неописаннымъ зрѣлищемъ, и уже обратились они къ снѣжной вершинѣ *Етны*, возносившейся надо мною. — Ежели отсюда, думаль я, съ половины высоты представляется споль величественная картина Природы; по что должно быть тамъ, на краю ужасной пропасти, гдѣ никакая гора за спиною не заслоняетъ ни края Сициліи, ни моря, ни неба? Что должно быть тамъ, откуда всѣ другія высокія горы кажутся малыми бугорками, и откуда взоръ досягаетъ, можешь быть, до жилищъ Варварійскихъ, до береговъ другой части свѣта? — Я весь погрузился въ мечты величественныя, которыя воображеніе мое шворило шѣмъ удобнѣе, шѣмъ смѣлѣе, что сердце уже успокоено было успешивенными наслажденіями. При увеличивающейся воспорга моего силѣ, каждая

мысль изливалась словами. О! воскликнула я: еслибъ шамъ не свирѣпствовали буйные, неукротимые орканы; еслибъ шамъ не царствовала сія печальная, вѣчная, бесплодная зима, которая дѣлаетъ вершину горы необитаемою; еслибъ огненные попки, сѣрной чадъ, дождь золы и вылетающіе камни ежеминутно не грозили смертію и разрушеніемъ: — шамъ построили бы храмину! шамъ на вершинѣ Сициліи и Европы! шамъ ненасыщаемымъ созерцаніемъ великолѣпнѣйшей каршины творенія оживляешь сердце свое и чувства! опшуда низводишь мысленные взоры на человѣческія заблужденія, подобно Божеству, взирающему на доль земной съ недосыгаемаго неба! Какая мысль, мысль гордая и великая! И чтожъ? не уже ли ешо должно опасаться навсегда шолько мыслию, шолько мечшою?

„Время напомнило мнѣ, чтобы я успокоился, чтобы умѣрилъ свои восторги; наступилъ сумракъ, и я очутился въ лоцимѣ не прежде какъ уже ночью. Товарищи

безпокоились о моемъ отсутствіи; они кричали такъ часто и такъ громко, что не могли слышать моихъ отвѣтовъ. — Мы инѣмчасѣ предались покою, и пустились въ дальнѣйшій путь хотя позже, нежели хотѣлось намъ, однакожь успѣли еще до восхожденія солнца достигнуть вершинъ. Окружающая нма, смѣшанная съ слабымъ свѣтомъ опъ звѣздъ, опадающіеся глухіе стоны горы, — шумъ листвееъ, въпрами колеблемыхъ, — крупные ушесы, по которымъ лошаки наши спускали съ боязливою осторожностію, — прибавьте еще къ шому карпины, которыя шворило наше воображеніе, дѣятельное, приготоовленное къ мечнамъ грознымъ и ужаснымъ — неизмѣримую пропасть, которую вся колоссальная гора, можетъ бытъ, покрываетъ въ образѣ свода, готоваго разрушиться: всѣ сіи впечатлѣнія, сіи мечты наполняли насъ безмолвнымъ страхомъ, и разливали холодный шрепешъ по всемъ членамъ. Положеніе наше сдѣлалось еще неврыян-

иѣе, когда циклопъ, нашъ проводникъ, вдругъ закричалъ, что онъ сбился съ дороги, и что боится, какъ бы не завеспи насъ въ такія мѣста, откуда легко можемъ низвергнуться въ недостигаемую бездну; онъ пребовалъ, чшобы мы не прогались съ мѣста, ежели не хопимъ проспилсья со здѣшнимъ свѣпомъ. И такъ мы принуждены были удержашь лошаковъ своихъ, не зная, на краю ли пронаспи находимся; мы не смѣли пошевелишсья, не смѣли дышашь свободно; не могу выразить словами, въ какомъ мучительномъ соспояніи мы тогда находились. Когда свѣпъ дневной прогналь мракъ ночи; мы увидѣли, какая опасноснъ намъ угрожала, но увидѣли также и средства опъ нее избавишсья. Мы благополучно доспигли вершины, и воспоргъ неописанный обьяль насъ, хопя приятнѣйшая надежда наша и не исполнилась, — надежда бышъ на вершинѣ до перваго луча солнечнаго, и прежде

всѣхъ земнородныхъ поздравить небесное свѣшило.

„И сія-шо неудача убѣждаетъ меня, сколь безразсудно было бы послѣ Брипанскаго путешественника говорить о видѣ съ горы *Етны*; ибо въ моемъ описаніи недоставало бы того, что у *Брейдона* сопоставляешь прекраснѣйшую, великолѣпнѣйшую карпину. Однакожь не предавайтеся излишней печали о потерѣ, которая очень невелика для того, кто читаетъ подобныя описанія! Надобно самому ополчиться терпѣніемъ, самому взойти на *Етну*, чтобы получить великую, но справедливую награду, чтобы насладиться однимъ изъ первыхъ удовольствій въ земной жизни, и чтобы ощутишь въ душѣ такое впечатлѣніе, которое не только ослабляетъ всѣ другія, но даже совершенно испребляетъ. Природа справедлива въ своихъ распоряженіяхъ: она не хочетъ, чтобы человекъ, нелюбящій трудовъ, безопасно отдыхающій на мягкихъ пуховикахъ, упрямо отвергши

усильную прозбу своего друга, кошорой просиль его бышь товарищемъ въ семь пушешествіи — Природа, говорю, не хочешъ, чшобы празднолюбець наслаждался равнымъ удовольствіемъ съ пѣмъ челоувѣкомъ, кошорой рѣшительно боролся съ шрудноспями на Альпахъ и Аппенинахъ, вдыхаль въ себя ядовитый чадъ болошь Поншинскихъ, не спрашился приближаться къ смертоносному Сирокко, опважился презирашь угрозы баснословной Скиллы, наконецъ обрекъ себя перпѣшь холодъ и зной, изнеможеніе и опасности, чшобы добратсь до шой вершины, кошорая съ древнихъ временъ изумляешъ вселенную.

„Однакожь — шеперь я часто спрашиваю самъ себя, смошря изъ окна своего на гору — опъ чего, возвратившись въ Капанію, ощущаю только удовольствіе? Опъ чего любопытство мое, споль сильное, неушомимое въ вечеру при восхожденіи на гору, шеперь шакъ охла-

дѣло? По какой причинѣ на то мѣсто, на которомъ я надѣялся наслаждаться и на которомъ наслаждался блаженствомъ, теперь смошрю съ такою . . . не скажу холодносною, ибо никогда безъ радости вспомнишь не могу о времени, проведенномъ на Епнѣ, и пока воображеніе мое не перестанетъ забавляться мечтами, до тѣхъ поръ вершина Епны будетъ любимою изъ всѣхъ его мечтою — но опъ чего смошрю такъ спокойно, такъ равнодушно? Еслибъ теперь была гроза на Епнѣ храмина, которую хошѣлъ я избрать для всегдашняго своего пребыванія; еслибъ ни снѣгъ, ни тѣды не покрывали вершины ея; еслибъ не ревѣли бури вокругъ ея; еслибъ внезапное изверженіе лавы не угрожало гибелью; еслибъ дорога на Епну была такъ безопасна, такъ покойна, какъ на ошечественный холмъ нашъ: и тогда я — — не рѣшился бы опяшь взойти на нее? не захошѣлъ бы снова исчезать въ сладосномъ восшоргѣ, взирая на величественную, не-

обозримую картину, и благоговѣнно поклоняясь невидимому Творцу въ Его швореніи? — О нѣшь! я часто, очень часто восходилъ бы на вершину, и каждой разъ наслаждался бы новою радостію! А избрать мѣсто на Епнѣ для всегдашняго своего пребыванія? погрузишь себя всего и навсегда въ величественное созерцаніе? жишь полько для него, въ немъ одномъ находишь и покой и счастье? — Нѣшь, любезной другъ! такъ прежде думалъ мечтатель; но впредь уже никогда не будешь такъ думать. Тогда природный жаръ крови еще во мнѣ не охладился; тогда страхъ еще не заспавлялъ меня отъ складывавшей минушу обратнаго путешествія съ вершины; тогда еще не ужасали меня изверженія спокойно дымящейся нынѣ Епны. Начало удовлетворенія и поспешенное уничтоженіе любопытства родили во мнѣ другія чувства, и я, колеблемъ будучи между охотою и неохотѣніемъ, между намѣреніемъ и раскаяніемъ, спустился съ ледяной поверхно-

сти къ лѣсистой полосѣ, опшуда въ цвѣшущія долины, и наконецъ въ Кашанію.

„Тамъ, на оной благословенной вышѣ, кромѣ поняшія о величественной каршинѣ, я приобрѣлъ еще познаніе важнѣйшей истины, или скажешь лучше, получилъ несомнѣнное удостовѣреніе въ истинѣ, копорая давно уже была мнѣ извѣсна, и копорая ни на какомъ другомъ мѣстѣ такъ хорошо не объясняется. Спросише, если угодно, сласполюбца, соблазнишеля, изслѣдовашеля истинѣ, друга добродѣтели, спросише: что каждой изъ нихъ почитаетъ для себя самымъ лучшимъ предметомъ въ свсемъ родѣ, какое кушанье, какую красавицу, какую истину, какое чувство? Каждой изъ нихъ остановишся, скажешь такъ, попомъ иначе. Спросише же любителя изящной Природы, копорой нарочно объѣздилъ всю Европу, обозрѣлъ прекраснѣйшія мѣстоположенія въ Швейцаріи и на Сѣверѣ; спросише его, съ какой почки пред-

спавляешся взорамъ карпина всѣхъ величественнѣе, всѣхъ обширнѣе; и онъ пошчасъ вамъ скажешъ: въ мѣрѣ полько одна Сицилія и одна Егна. — Какъ? и сіе мѣсто, единственное въ мѣрѣ, не можешъ удержашъ при себѣ нешерпѣливаго искашеля? и сіе мѣсто не можешъ поселити въ немъ желанія наслаждашся непрерывнымъ, ненарушимымъ блаженствомъ? Такъ что же другое, какая Пико, какой Офиръ (*), какіе исполины Перуанскіе или Хилійскіе возмогуть поселити въ немъ желаніе наслаждашся непрерывно и ненарушимо? — Ничто, ничто, любезной другъ! Вездѣ путешественникъ оцупитъ шо, что я почувствовалъ, и въ чемъ удостовѣрился на Егни: *счастіе человеческое состоитъ не въ обладаніи, но въ стремленіи къ полученію желаннаго.*

(*) Офиръ есть имя горы на островѣ Сумапрѣ. Гора сія, по вычисленію Марсдена, есть высочайшая изъ находящихся на поверхности древняго міра.

„Но здѣсь опять можно спросить: почему человекъ, стремящійся къ какой-либо высокой усмошрѣнной имъ цѣли, думаешь, что достигнувши до нее, онъ уже успокоится, что никакая спрасть уже не выманишь его изъ нѣдра удовольствій, которыми надежда общала пишашь его и нѣжишь? Потому что вождельнiе, пока оно дѣйствувешь въ силѣ своей, усшремляешь все его вниманiе къ желаемому предмету; потому что воображенiе предспавляешь ему сей предметъ въ полной красотѣ, въ видѣ прелестнѣйшемъ, въ шакомъ видѣ, какого никогда онъ имѣшь не можешь въ сущеспвенности; потому что и самъ разумъ, подавая свой голосъ, говоритъ, что поняшiе о совершенномъ блаженствѣ состоишь не въ ощущенiи недосшашка, засшавляющемъ насъ дѣйствовашь и шрудиться, не въ работѣ и безпокойствѣ, сопряженными съ сею дѣяшельностью, но въ обладанiи, въ спокойствiи. Однакожь разумъ прибавляешь еще для шого,

кто внимаешь голосу его: Сіе блаженство не для тебя приговорено, чело-вѣкъ смертный! При безпредѣльномъ побужденіи ты дѣйствуешь въ кругѣ ограниченномъ, и чашею, вмѣщающею въ себѣ нѣсколько капель, черпаешь изъ такого попока, кошорой едва всею влагою своею можешь утолить свою жажду; сіе блаженство прилично только тому, кто однимъ взоромъ объемлешь всѣ возможности, и содержишь въ рукѣ своей всѣ событія, — только тому, кошорого неизмѣримость вмѣщаешь въ себѣ все пространство, и кошорого вѣчность не приемлешь никакого прибавленія. Ты, кошорой при ограниченности своей не болѣе знаешь о свойствѣ блага, къ ко-ему стремишься, какъ и того, ко-имъ уже обладаешь! что иное осмѣи-ся себѣ дѣлать, какъ не желать безпрестанно, какъ не стремиться безпре-станно, какъ не усиливаться дойти до предѣловъ себя окружающихъ, и не до-вольствоваться мѣстомъ, на кошоромъ спо-

ишь, стараться идти впередъ и пѣ-
 шить себя малѣйшимъ приобрѣщені-
 емъ пространства? Но нежелай, чтобы
 естественное сіе побужденіе ослабѣло въ
 тебѣ, изнемогло, исчезло! Оно для сча-
 стія твоего столь же необходимо, какъ
 біеніе сердца для жизни. Пустота ду-
 шевная, копорую носишь въ себѣ чело-
 вѣкъ, ничего нежелающей и ничего не-
 чувствующей, есть ужаснѣйшее состоя-
 ніе, побуждающее къ самоубійству болѣе
 нежели несносная забота или тоска мучи-
 тельнѣйшая; ибо при заботѣ, при тоскѣ
 есть въ виду добро приманчивое, воде-
 лѣнное, копорое заставляеть душу дѣй-
 ствовать и дорожить жизнью. —

„Вспоминаю о путешествіи своемъ
 на Египту, и нахожу приговоръ сей ра-
 зума не только справедливымъ, но еще
 болѣе яснымъ, болѣе вразумительнымъ.
 Правда, что время, копорое употребилъ
 я для восхожденія на гору, было тягост-
 нѣйшимъ въ моей жизни, и что даже
 еще шеперь чувствую усталость и изве-

моженіе въ членахъ, которыя никогда еще такъ сильно меня не беспокоили. Но всѣ сіи прудности ничего незначили въ сравненіи съ цѣлью, къ которой я приближался! Сладкія минушы отдыха въ тѣниспомъ лѣсу и на горѣ, гдѣ мы останавливались, были приятнѣйшею за все наградою! Воспоминаніе о сихъ минушахъ никогда въ душѣ моей не истребится; во дни старости моей часно буду мысленно къ нимъ возвращаться, и размышленіемъ о прежнихъ радостяхъ замѣнять пошерю часовъ текущихъ. Но когда прилѣжно изслѣдываю сіи минушы, желая отккрыть, именно почему онѣ были столь приятны: не болѣе ли взглядъ на будущее нежели чувство настоящаго, не болѣе ли быстрые порывы воображенія нежели подкрѣпленіе силъ придавали имъ сію прелесть? Когда на мягкомъ дернѣ, окруженный запахомъ цвѣтовъ и громкими соловьями, спираль я ліющійся потъ съ лица моего; когда жаждущую грудь свою освѣжалъ я сладкимъ нектаромъ;

не болѣе ли нежели самой нектаръ веселила меня и подкрѣпляла мысль : сполько трудовъ уже перенесено ! сполько уже пройдено пути ! недалеко уже осталось до цѣли путешествія ! Слова : далѣе ! далѣе ! съ которыми поспѣшно поднялись мы съ мѣста и вскочили на лошаковъ , не доказываютъ ли , что наспоющее насъ не прельщало , и что мы спремились къ будущему ? Не болѣе ли надежда имѣла власпи надъ нами , нежели чувспенныя наслажденія ? — А на горѣ благоуханной , недалеко отъ жерла , не болѣе ли вершина нежели доль земной , не болѣе ли будущее нежели прошедшее наполняли грудь мою сладкою отпradoю и возвышали душу ? Еслибъ одни чувсшва мои наслаждались , а воображеніе не пипалось бы мечшами ; шо уже ли не примѣшилъ бы я настоящаго сумрака , уже ли не позаботился бы скорѣе возвращишься къ товарищамъ и не дашь имъ причины беспокоишься о моемъ ошсущствіи ?

„Но еще яснѣе, нежели приятнымъ временемъ путешествія, еще яснѣе всегдашнее души стремленіе къ будущему обнаруживается пою спрашною минутою, когда крикъ циклопа заставилъ насъ опановишься; когда голосъ и дыханіе въ груди, а мысль въ душѣ прекрашили всегдашнее свое дѣйствіе. Грозной образъ, которой прежде всего намъ представился въ то время, безъ сомнѣнія былъ образъ смерти — лишеніе чувства и памяти, предѣлъ стремленія души, и слѣдственна зло изъ всѣхъ ужаснѣйшее, самое несносное. Опаматовавшись, уже избавившись опъ очевидной опасности, мы рѣшились-было опказаться опъ надежды достигнуть вершины, и хотѣли спуститься внизъ, довольствуясь тѣмъ что видѣли; но какъ маловажнымъ казалась такое удовольствіе! Мы почли бы путешествие свое тщетнымъ, потеряннмъ, несчастнымъ, не смотря на то что насладились приятнѣйшими, счастливѣйшими часами; не смотря на

по, что наши взоры жадно насыщались красотою разнообразными, единственными! Но сіи наслажденія находились уже за нами, и слѣдственно ничего незначили; напрошивъ того бывшее *вперед* соспавляло для насъ все, — и зависливая судьба хошѣла у насъ его похитить!

„Слышу вопросъ вашъ: наконецъ вы достигли вершины; вмѣстѣ съ послѣднимъ шагомъ долженствовало прекратиться ваше стремленіе; ибо надъ вами уже ничего не было, кромѣ воздуха и эфира: скажите же, вмѣстѣ съ вожделѣніемъ исчезла ли и радость ваша? — Нѣтъ, она была и на вершинѣ горы со мною! Признаюсь вамъ, любезной другъ! сіе достиженіе цѣли давно желанной, достойной великихъ трудовъ, для нее понесенныхъ, — сіе первое наслажденіе всею полношюю красотою, копорая восхищала уже существенностію, какъ прежде восхищала мечтами, — сей безмолвный восторгъ души, вознесшейся превыше обыкновен-

ныхъ своихъ способностей, есть ближайшее подобіе веселія небожителей, есть внезапное кратковременное ощущеніе блаженства ихъ въ ширинѣ всеобъемлющей, есть лобзаніе, шакъ сказашъ, временемъ похищаемое у вѣчности. Не думайше однакожъ, япобы вожделѣніе мгновенно исчезло, и чшобы стремленіе души быспро прекрашилось. Не пруды и усталость были цѣлью желаній, но прелестъ наслажденія, кошорое состоиптъ для челоуѣка не въ бездѣйствіи, не въ покоѣ, не во снѣ и безцямашсшвѣ; нѣшъ, оно состоиптъ въ продолжиптельномъ, безпрешспственномъ, легкомъ и сладоспномъ переходѣ отъ одной идеи къ другой, отъ одного чувсшва къ другому. Ободрившисъ послѣ перваго упоенія, душа съ жадносшію хвапаетъ блага ее окружающія, не заботясь, что можешъ ушомипсья, насыпшья веселіемъ. Скоро доходиптъ очередь до прежнихъ идей и чувсшвованій; но ихъ впечашлѣніе уже гораздо слабѣе.

Душа все еще наслаждается, но часъ отъ часу уже клонится къ ощущенію недостатка и нужды, къ сему обыкновенному состоянію человѣка; и сія обратная дорога, ведущая отъ богатства къ бѣдности, вмѣсто того что прежде она была отъ бѣдности къ богатству, есть причиною, что предметъ наслажденія теряетъ цѣну свою, которая прежде безпрестанно увеличивалась. Каждой разъ при перемѣнѣ хотя предметъ на минуны опять получаетъ прелесть новости, однакожъ сія прелесть часъ отъ часу становится слабѣе; вождельніе ушихаетъ, продолженіе оканчивается; вѣчность исчезаетъ, и опять насшатъ время.

„Въ сей общей исторіи всѣхъ наслажденій человѣческихъ заключаешся исторія и моихъ собственныхъ на горѣ Етиѣ. — Первой взоръ, которымъ окинули мы неизмѣримое пространство горизонша нашего, былъ взоръ гордости, веселія, восторга! Казалось, что мы вознеслись превыше всего земнаго, и къ Бо-

жеству приближились! Простертое предъ нами безконечное море, — живописная Калабрія на противномъ берегу лежащая, — Липарскіе острова съ вѣчнодымящею искрометною Спромболи, — цѣлое Королевство подъ ногами нашими простертое со всѣми приспаями, городами, горами, долинами. . . . Любезной другъ! душѣ смертнаго невозможно вознеспись выше точки самодовольствія, на копорой наши тогда находились. — Ежели мнѣніе древняго мудреца справедливо, что не спѣнами огражденное мѣсто, но возвышенное среди обширнаго пространства есть приличнѣйшее для поклоненія Божеству вседѣйствующему, вездѣсущему; то мы были на первомъ, высочайшемъ всѣхъ мѣстѣ: — ужась благоговѣнія, разлившійся по составамъ нашимъ, очевидно подшверждалъ сію истину. Мы изъявляли восторгъ свой, какъ только можно изъявишь его словами языка человеческого; и крикъ нашъ продолжался до тѣхъ поръ, пока громъ въ горѣ

раздавшійся не напомнилъ намъ, чѣмъ мы обратили свое вниманіе на самое жерло, на вину ужасовъ и опустошеній.

„Опѣ жерла снова обратились мы къ прежнему виду, и опять нашли его величественнымъ: солнце, на горизонтѣ поднявшееся, озарило своими лучами всю картину, и предметы открылись еще яснѣе глазамъ нашимъ; но прелестъ, безъ которой все прочее слабѣетъ, прелестъ новосія уже минула; предметы, столь же величественные какъ и прежде, уже менѣе плѣняли насъ. Тутъ мы въ первый разъ ощутили, какъ несносенъ холодной воздухъ на такой высотѣ надъ морскою поверхностію; шумъ въ первый разъ вспомнили, что въ лѣсу воздухъ былъ теплѣе, не смотря на зимнія окрестности мѣсяцъ прилежащихъ; шумъ вспомнили, какимъ приятнымъ, освѣжающимъ воздухомъ наслаждались мы среди цвѣтущихъ долинъ. Что потомъ слѣдовало? То, о чемъ сами легко можете догадаться: мы спояли, сожалѣли, сомнѣ-

вались, нѣсколько разъ опять обозрѣвали пространную картину, чтобы образъ ея сильнѣе въ душѣ напечатлѣлся; наконецъ стужа принудила насъ перескочить съ мѣста. Сдѣлавъ одинъ шагъ, надлежало сдѣлать другой и прешій, и позаботиться о безопасности своей; ибо мы ходили по скользкой поверхности, слѣдственно разсмащивать виды уже было некогда. — Еслибъ я дождался полного насыщенья, и еслибъ тогда вспало мнѣ на мысль, что я долженъ всю жизнь свою провести на горѣ и наслаждаться созерцаніемъ великолѣпнѣйшей картины; то вѣрно мысль сія заморозила бы меня тверже льдовъ, насъ окружавшихъ. Ежели правда, что мудрецъ Агригентскій (*) жилъ на вершинѣ Этны и ежели дѣйствительно онъ имѣлъ причину невозвращаться къ своимъ согражданамъ; то самопроизвольная смерть его лучше объясняется другою причиною, а не тою

(*) Емпедокль.

будто онъ хотѣлъ прослыть богомъ: ему наскучила однообразная, хотя впрочемъ величественная, картина, и онъ рѣшился скорѣе броситься въ бездонную пропасть, нежели продолжать жизнь, которая сдѣлалась для него несносною мукою.

„И такъ — скажете вы съ улыбкою сожалѣнія — симъ окончилось ваше путешествіе на Египту? епо было наградою за понесенныя безпокойства, труды, опасности? — Только епо, любезный другъ, ежели не полагать въ счетъ того, что воображеніе мое обогатилось новыми идеями, и что свѣдѣнія мои по части Натуральной Исторіи нѣсколько приумножились! Я узналъ, что счастье походитъ на упрямую любовницу, которая не отказывается намъ въ своей благоклонности, но и не предаешь себя нашимъ обьявіямъ, избѣгая ихъ лукавыми увертками; когда хотимъ удержатъ ее, она стращаетъ сердитымъ взоромъ, а

иномъ издали опять манишь насъ при-
ятною улыбкою, и наполняетъ сердце
сладкою надеждой. Но можетъ быть
неприлично мнѣ веселымъ тономъ окан-
чивать повѣсть свою, изъ которой мо-
жно вывести многія истины, очень ва-
жныя для человѣческой жизни.

Я коснусь только двухъ истинъ,
которыя легче и явственнѣе выводятся
изъ всего сказаннаго выше. Первая состо-
итъ въ томъ, что для существеннаго, про-
должительнаго счастья должно назначить
себѣ цѣлью такую высоту, гдѣ отдыхъ
сладостенъ, взоръ на прошедшее утѣши-
теленъ, гдѣ стремленіе продолжать путь
ничѣмъ неослабляется, и гдѣ сердце по-
лучаетъ всегда новую бодрость для пере-
несенія трудностей; должно, говорю,
назначить себѣ цѣлью высоту, взоромъ
недосягаемую, и которой вершина скры-
вается въ вѣчности, по ту сторону
гроба. Мудрецъ, знающій важность сея
истины, земныхъ удовольствій никогда
не предполагаетъ послѣднею своею цѣлью;

никогда счастья своего неищешь въ переходеніи отъ одного холмика къ другому, гдѣ кругъ, тѣсно ограниченной, безпрестанно напоминаешь взорамъ о новыхъ потребностяхъ; гдѣ упоминательное однообразіе безпрестанно повторяется въ однихъ и тѣхъ же предметахъ; гдѣ вождельніе не укрѣпляется, но ослабѣваетъ; гдѣ силы не только не получаютъ побужденія, но до конца истощаются; гдѣ чувство бытія не только неободряется радостію, но спановившись часъ отъ часу шупѣ, и въ сонъ погружается. Къ числу почекъ, къ копорымъ спремиться не стыдно, принадлежатъ: могущество, почести, власть, оборотливость въ дѣлахъ, искусство. Въ числѣ важнѣйшихъ полаганъ должно: высокія свѣдѣнія, познаніе истины; ибо здѣсь, какъ выражаетъ Попъ, Альпы возвышающія надъ Альпами, вождельніе никогда не насыщается; напрошивъ всегда новыя радости пишають его, одушевляють, возбуждаютъ.

„Вторая столь же важная истина состоитъ въ томъ, что должно предположить себѣ цѣлью такую высоту, до которой велешь проходима спеша, хотя трудная и успешная, но не запертая препятствиями непреодолимыми; должно предположить себѣ цѣлью такую высоту, гдѣ судьба не воскликнула бы намъ спрашнымъ голосомъ Циклопа: стой! ибо, можешь спастись, такое восклицаніе внезапно ослабишь силы наши и уничтожишь всѣ надежды. И такъ сія вторая истина не одобряетъ чрезвычайно далекой послѣдней точки, равно какъ и цѣли весьма тѣсно ограниченной: оспашься выбрать одно, если хотимъ быть совершенно счастливыми. Ежели мы послѣднюю цѣль, къ которой всѣ желанія и усилія наши должны стремиться, предположимъ внѣ самихъ себя, или хотя и внутри, но въ такой способности душевной, которая для своего усовершенствованія имѣетъ нужду въ посторонней помощи; то навсегда оспашемся во вла-

ести судьбы, — и сей коварной демонъ беспресшанно будетъ играть нами. Но если предназначимъ для себя цѣль въ единственномъ мѣстѣ, независящемъ отъ внѣшнихъ предметовъ, а именно въ своей волѣ; ежели безпредѣльное усовершенствованіе сей превосходнѣйшей способности души предназначимъ главною почкою для всѣхъ нашихъ усилій; то будемъ имѣть цѣль не только никѣмъ недостижимую и до которой никто впредь не достигнетъ — ибо гдѣ найти мудраго и добродѣтельнаго мужа, котораго превзойти не можно? — но, что гораздо важнѣе, навсегда отъ власти судьбы освободимся: тогда всѣ ея коварства будутъ способствовать только стремленію нашему къ предположенной цѣли; онѣ будутъ служить поводомъ къ такимъ поступкамъ, при которыхъ величіе души откровенно въ блистательнѣйшемъ видѣ; онѣ сдѣлаютъ насъ еще болѣе счастливыми тамъ, гдѣ мы всего лучше можемъ находить счастье, то есть — въ самихъ себѣ.

„Что воля въ человѣкѣ превосходнѣе разума, въ томъ собственное чувство насъ удостовѣряетъ; симъ только можно изъяснить, почему при разсмаприваніи совершенствъ нашего разума удовольствіе всегда зависить отъ воспоминанія трудовъ, усилій, пожертвованій, копорымъ подвергались мы для приобрѣшенія оныхъ совершенствъ. Еслибъ мы, подобно чуднымъ въ искусствѣ насѣкомымъ, рождались съ готовымъ умѣньемъ, а не съ одними только способностями; то отличныя способности души имѣли бы такое же право на удивленіе наше, какъ пригожество лица, или правильной снать; но какъ мы похвальною дѣятельностію образовали способности свои, и украсили ихъ: то сіе - то самое по большей части и заставляешь насъ гордиться своими достоинствами. Прилѣжаніемъ, дѣятельностію своею мы приобрѣли сіи совершенства, слили ихъ съ бытіемъ нашимъ: а какъ по общему закону Природы совершенство всякаго предмета тѣмъ болѣе

восхищаетъ насъ, чѣмъ нѣснѣе связь его съ бытiемъ нашимъ; по слѣдуетъ, что душевныя силы трудами приобретенныя гораздо болѣе радуютъ насъ, нежели когда бы мы получили ихъ даромъ, то есть случайно. И такъ по сему закону, источникъ чистѣйшей, верховной радости есть совершенство нашей воли, или — что все одно — добродѣтель.

„Я забылъ однакожъ, что пишу къ челоуѣку, нѣсколько преданному правиламъ новыхъ Эпикурейцовъ, и которому разсужденiя мои едва ли понравятся. Поспѣшаю окончить письмо сіе увѣренiемъ въ отличномъ почтенiи и преданности, которыя, такой какъ я, умѣренной Стоику имѣешь къ такому, какъ вы, благомыслящему Эпикурейцу.“

Энгель.

ЛЮЦІЯ НЕВИЛЬ.

(Анекдотъ.)

Прекрасная дочь Ричарда Невиля, Графа Салисбури, сестра славнаго Графа Варвика, была сошворена Любовью для любви. Къ сожалѣнію, прежде еще нежели она узнала, что такое любовь, на няпънадцапомъ году возраста выдали ее за Веспмореланда, одного ея родспвенника. Счастливой супругъ зналъ цѣну своего сокровища, сперегъ его какъ Аргусъ, и — шолько. Онъ мучилъ молодую жену ужасною ревнивостью, и чрезмѣрною спрасптію оправдывалъ несносные свои поспупки. Ревнивостъ прощаешя любовнику; но мужъ, сочешавшійся безъ согласія другой половины, безпокойспвомъ своимъ напоминаешъ о правахъ, насильно присвоенныхъ. Веспмореландова супруга печалилась день и ночь, и свѣжія розы юности начинали увядашъ на щекахъ ея. Опецъ въ скоромъ времени примѣшилъ перемѣну. Онъ предпочиналъ спокойспвіе

дочери выгодному супружеству. По счастью, при заключеніи брака, забыли взять дозволеніе отъ нѣкоторыхъ дальнихъ родственниковъ. Старой Графъ Салисбури воспользовался симъ случаемъ, и распоргъ узы брака. Бесшмореландъ въ первый разъ показалъ истинную нѣжность супружескую: онъ умеръ съ печали. Но также и Люція въ первый разъ исполнила долгъ свой: она пролила нѣсколько горячихъ слезъ по несчастномъ.

Разумѣется, что слезной источникъ ея очень скоро высохъ. Люція, снова разцвѣтшая прелестями, знаменитая по своему роду, была предспавлена Двору подъ именемъ Леди Невиль. Мущины дѣлялись умомъ ея и красоюю, женщины любовались ея чистосердечіемъ и невинностію. Почитая себя вдовою, она имѣла право бытъ свободнѣе въ обращеніи, и свобода ея никогда не выходила изъ предѣловъ благоприспѣяности.

Въ то время Герцогъ Глостеръ былъ опекуномъ малолѣтшаго Короля своего

Генриха VI, и управлялъ государствомъ. Свѣшная звѣзда, возшедшая на придворномъ горизонтѣ, ослѣпила глаза стараго Регенша: онъ влюбился въ Люцію. Не задолго передъ шѣмъ скончалась его супруга. Горесть его исчезла, когда онъ увидѣлъ прекрасную Леди Невиль; Глосперъ о шомъ шолько сокрушался, что по долгу правителя принужденъ былъ съ большею точностію повиноваться законамъ приличій. Онъ умѣлъ владѣть собою, и не открывалъ любви своей прекрасной Люціи; однакожъ увѣдомилъ отца ея о своемъ намѣреніи.

Салисбури, восхищенный мыслию сдѣлаться шестемъ Регенша, подкрѣпилъ надежду стараго Глоспера. Положено, до окончанія печальнаго времени, не открывать никому принятаго намѣренія, ниже самой Люціи. Старики позабыли, что Люція шолько вошла въ лѣта радости; что почиала себя полною госпожею надъ сердцемъ своимъ и надъ своею особею; что всякая женщина, не

откладывая вдале, пользуешься своимъ правомъ, и что молодые мужчины наперерывъ одинъ передъ другимъ искали ея благосклонности. Правда, что Глостеръ замѣчалъ всѣ ея взгляды, стараясь открыть, на кого болѣе они устремляюшся; но скоро успокоился, увѣрившись, что ни одинъ изъ придворныхъ, копорые моглибы предложить руку свою Леди Невиль, не сдѣлалъ впечатлѣнiя въ ея сердцѣ.

Амуръ, копорой, по видимому, не благоприсяпствовалъ Глостеру, далъ дѣламъ совсѣмъ иной порядокъ. Слѣпой божокъ сей, по обыкновенiю своему презирающiй всѣ законы, пустилъ огненную стрѣлу въ сердце Герцога Соммерсета, копорой по несчастiю уже былъ женатъ, и не могъ найти никакой причины развестись съ женою, Люцiя также ощутила надъ собою власть всемопной любви, и въ первой еще разъ узнала ея силу. Только забота скрывать тайную связь принуждала ихъ беспокоиться.

Между пѣмъ срочное время праура старого Регенпа минуло. Въ яолномъ сіяніи знаменипаго сана, съ душою исполненною любви, неперпѣливый Глосперъ полепѣлъ къ своей богинѣ, упалъ въ ногамъ изумленной Леди Невиль, и просилъ руки ея и сердца. Вѣдная Люція, спра-сипно любившая Сомерсепа, не ослѣпилась внезапнымъ предложеніемъ споль выгоднаго супружества. Она просила времени на размышленіе; ибо не могла никакого дашь опвѣпа, не посовѣтовавшись напередъ съ Сомерсепомъ. Извѣспіе о семъ было для него громовымъ ударомъ. Онъ видѣлъ, какое счаспіе заключалось въ семъ супружествѣ; понималъ, что бракъ сей прикроепъ темною заѣсою счаспливую любовь его, и что старой совмѣспникъ ни мало не помѣшаепъ ему наслаждапсь; спю разъ пересчипывалъ всѣ сіи выгоды, спю разъ рѣшался согласиться на сіе пожертвованіе и уговорилъ Люцію; опяпъ

сомнѣвался, внадалѣ въ опчянїе, и осыпалъ ее жестокими укоризнами.

Надлежало на что нибудь рѣшиться. Разумъ одержалъ верхъ, по крайней мѣрѣ на нѣсколько минушъ, и Герцогу Глосперу сказано, что на его предложеніе соглашаются. Едва вылетѣло слово обѣща, и въ ту же минушу начали раскаиваться. Соммерсетъ мучилъ любезную своими упреками; претовалъ опсрочки свадьбы; каждой ласковой взглядъ, которой Леди Невиль безъ намѣренія бросала на спараго жениха своего, каждое ласковое слово ея воспламеняли ярость въ сердцѣ Соммерсета. Бѣдная Люція дѣлала все, чего онъ ни претовалъ.

Пока еще Герцогъ Глосперъ не открывалъ Люціи своего намѣренія, до тѣхъ поръ ему было сносно видѣшь, что она избѣгаетъ случаевъ бышь съ нимъ вмѣстѣ; но получивъ права жениха, онъ уже началъ досадовать на холодность невѣсты, и замѣшательство ея

казалось ему очень страннымъ. По нѣскольку разъ въ день случалось ему приѣзжать къ Люціи и не находить ее дома; часшо даже не удавалось ему свѣдѣть, куда она уѣхала. Когда называли ему мѣсто, въ которое Люція отправилась, онъ-топчасъ лешѣлъ по слѣдамъ ея, и принужденъ былъ возвращаться, не видавшись съ нею. Что оставалось ему думать?

Старость любить подозрѣвать, любовь также — двойная мука! Глосперъ вздумалъ употребить шайныхъ наблюдашелей, которые ходили по слѣдамъ Леди Невиль. Но Люція была оспорожна и догадлива; лазупчики шеряли ее изъ виду, и не могли доискаться, куда она дѣвалась. Такія донесенія увеличили заботу жениха, которой уже не сомнѣвался въ невѣрности Люціи. Онъ удвоилъ число соглядатаевъ, обѣщалъ имъ великую награду за открытіе, и велѣлъ, ежели найдутъ совмѣстника, топчасъ лишить его жизни. Краиняя оспорож-

носнѣ, и по чудеснымъ образомъ, сна-
сала друга Люціина опъ злыхъ навѣ-
шовъ.

Между шѣмъ ревнивость Глоспера
возраспала вмѣстѣ съ любовію. Онъ по-
чишалъ себя обманутымъ, но не могъ
освободиться опъ пѣжкого ига; хопѣлъ
и боялся удостовѣриться въ истинѣ.
Прошело нѣсколько мѣсяцовъ, и согля-
даши не могли ничего свѣдать объ Лю-
ціи, которой, посредствомъ переменна-
го плашья, всегда удавалось безопасно
видѣться съ Сомерсетомъ. Глосперъ
получалъ донесенія самыя необстоятель-
ныя, шемныя; осмѣлился надѣяться, и
увѣрилъ себя, что невѣста его невинна.

Наспупалъ день свадьбы, день ужа-
снѣй для спрасшнаго Сомерсета. Въ
последнее утро, въ которое могъ еще
Люцію называть совершенно своею, опъ
упросилъ ее осчастливить его свиданіемъ
въ одной деревнѣ за Темзою. Леди Невиль
была озабочена многими дѣлами, которыхъ
требовала опъ нее благоприспоспн

по случаю приближающаго брака; но сердце ея не могло отказать въ просьбѣ безупѣшному любовнику. Она обѣщалась явиться въ назначенномъ мѣстѣ, и сдержала слово. Переодѣвшись по своему обыкновенію, она за поспѣшностію не взяла всѣхъ предосторожностей; лазутчикъ узналъ ее, пошелъ за нею къ деревню, и поспѣшь возвратился уведомить жениха о счастливомъ открытіи тайны. Разъяренный Глосперъ схватилъ шапку, обернулся въ плащъ, вѣрнымъ и опившимъ служителямъ велѣлъ слѣдовать за собою, и на крыльяхъ ревности полетѣлъ къ назначенному мѣсту.

Начинало смеркаться. Глосперъ, не заславши любовниковъ, спросилъ крестьянъ, куда они отправились и по какой дорогѣ? Ему сказано въ отвѣтъ, что незнакомые вѣроятно возвратились въ Лондонъ на лодкѣ, которая въ обыкновенные часы перевозитъ людей на другую сторону Темзы. Крестьяне не ошиб-

лись. Леди Невиль дѣйствительно сѣла въ лодку, наполненную множествомъ разныхъ людей, между которыми почисала себя безопасною; напротивъ того Коммерсепъ пошелъ другою дорогою вдоль по берегу.

Глосперъ едва не задохся отъ досады, видя, что врагамъ его посчастливилось укрыться. Однакожь онъ еще не терялъ надежды. Тяжелая лодка плыла очень медленно, и только за нѣсколько минушь опчалаила отъ берега. Глосперъ вскочилъ въ легкой челнѣ, бросилъ нѣсколько золотыхъ денегъ плечиснымъ гребцамъ, поплылъ быстро по волнамъ Темзы, и успѣлъ очутишься на другой сторонѣ за нѣсколько минушь до прибытія тяжелой лодки. Между тѣмъ сдѣлалось очень темно; какъ узнать въ полнѣ народа тѣхъ, кои были надобны?

Лодка приблизилась къ берегу. „Откуда ѣдете?“ спросилъ Глосперъ одного работника, которой выскочилъ на землю, чтобы привязать веревку. Работникъ на-

звалъ деревню. Глосперъ обрадовался находкѣ. Трудность узнать двухъ виновныхъ въ многолюдной толпѣ не удержала его ярости. Онъ рѣшился непременно погубить ихъ, хотя бы сто стоило жизни двадцати невиннымъ. „Колите всѣхъ безъ разбору!“ закричалъ онъ къ служителямъ, и мгновенно самъ вскочилъ въ лодку съ обнаженнымъ кинжаломъ. Первая попалась ему женщина въ шелковомъ плащѣ, по которому онъ заключилъ, что ешо не крещьянка, и потчасъ безъ всякихъ распросовъ ударилъ кинжаломъ въ грудь ея, изрыгая ругательства, внушенныя мщеніемъ и ревнивостью.

Еша женщина была несчастная Леди Невиль. Она узнала Глоспера по голосу; получивъ рану отъ кинжала, чрезвычайно испугалась; однакожь имѣла еще сполько бодрости, что для избѣжанія другаго удара бросилась въ Темзу. Люція не умѣла плавать. Одежда тогдашняго времени спасла жизнь ей; ибо юпки удержали ее на поверхности воды:

въ нынѣшнемъ плашѣ Люція упонула бы. Юпки однакожь до шѣхъ поръ шолько могли быть полезны, пока не промокли насквозь; въ послѣднемъ случаѣ онѣ ускорили бы гибель. Вода несла Юлію внизъ до Лондонскаго мосту, гдѣ увидѣлъ ее одинъ Нормандскій корабельщикъ въ то самое время, когда она понушь начинала. Нормандецъ возвращался на лодкѣ къ своему кораблю, стоявшему на якорѣ. Слабой лучъ фонаря освѣтилъ погибающую Леди, которую честной корабельщикъ взялъ на свое судно, и по долгу челоуѣколюбія оказалъ ей всевозможную помощь.

Она опамятовалась. Рана ея была не опасна; ибо рука, управляемая бѣшеною яростію, не всегда мѣшко поражаетъ. Люція потеряла много крови, а съ кровію и любовь ея уменьшилась. Она единственно забошлась о своей безопасности. Успокоившись нѣскольکو, узнала, что находится на кораблѣ Французскомъ; совершенно положилась на велико-

душі своего избавителя, рассказала ему свое приключеніе, и именемъ самаго Бога умоляла его опвезти ее во Францію. Какой варваръ откажетъ въ прозьбѣ милой женщины! Черезъ нѣсколько дней корабельщикъ поднялъ якорь, и привезъ ее благополучно на берега Франціи.

По счастью въ то самое время приѣхала въ Парижъ Маргарита Стуартъ для бракосочетанія съ Дофиномъ. Сія Принцесса взяла участіе въ судьбѣ Люціи, которая подъ чужимъ именемъ и жила пошомъ у своей благодѣтельницы. Послѣ ея смерти прекрасная Люція подверглась новымъ искушеніямъ при распушномъ Дворѣ Французскомъ; но прежнія несчастія научили ее быть осторожною. Между тѣмъ обшоятельства перемѣнились въ Англіи, и Люція захопѣла возвратиться въ свое отечество. Она отправилась въ Аббевиль въ то самое время, когда Маргарита Анжу готовилась сѣсть на корабль, чшобы плыть въ Англію къ супругу своему Генриху VI. Юная Коро-

лева взяла ее съ собою, и Люція подъ ея защитою спутила на опечесивенную землю.

Что чувствовало сердце Люціи, когда она увидѣла милаго виновника своихъ спраданій? Твердое намѣреніе вести жизнь цѣломудренную успояло ли прошивъ воспоминаній о минувшихъ наслажденіяхъ? Испорія не говоритъ о томъ ни слова; но еслибъ испорія и не была шакъ скромною, то я все таки ничего не объявилъ бы чипашелю. . . .

Коцебу.

ВОЛШЕБНОЙ ПИРЬ.

Анекдотъ.

Въ Королевиной Оксфордской Коллегии молодой Ричардъ Блуншъ сидѣлъ, протянувши обѣ руки на сполѣ, на копомъ лежали Космогоніи, Испоріи древнѣйшихъ народовъ, Таинства Египетской мудрости; онъ чипалъ на досугѣ бредъ

одного Лондонскаго мечшашеля о превспреннихъ сферахъ. Сбросивъ съ себя тѣлесное бремя, Блуншъ перенесся въ сѣраны ефирныя, и съ быспропою солнечнаго учал лешаль съ планешы на плавешу; шо разперерушалъ мѣры и превращалъ ихъ въ хаосъ первобытной, шо созидалъ новыя по несказанно-премудрымъ своимъ начертаніямъ, и наслаждался внутреннимъ удовольствіемъ, внимая одобришельные опзывы незримыхъ сущесствъ, копорыя бесѣдовали съ нимъ — не на словахъ, но посредствомъ благоуханій, нѣкошорымъ чудеснымъ образомъ сдѣланныхъ вразумишельными.

Въ минушы сподъ сладостнаго восторга входилъ въ комнашу Мовбрай, шоварищъ его, человекъ, съ ограниченными свѣдѣніями, не любившій мысленно возношиться выше земной сферы, но получившій въ удѣлъ себѣ опъ Природы частицу здраваго смысла и нѣскольکو пылкаго остроумія — не болѣе. Не могу сказашъ рѣшишельно, что Блуншъ сдѣ-

лалъ бы съ незваннымъ гостемъ своимъ, еслибъ умѣлъ шворить чудеса, — прогналъ ли бы его до опдаленнѣйшихъ неподвижныхъ звѣздъ, или поступилъ бы съ нимъ какъ нибудь иначе; скажу только, что онъ принялъ Мовбрая очень сухо и съ такимъ видомъ, будто чувствовала головную боль.

Мовбрай, подошедши къ столу, оподвинулъ къ одной споронѣ пару Достоверныхъ записокъ о человеческомъ родѣ, къ другой нѣсколько *Теорій о землѣ*, и очистилъ мѣсто для *Замѣчанія Корнелиуса на Исаю*. — „Прियाпель!“ сказалъ онъ потомъ: „въ ешихъ сухихъ замѣчаніяхъ я нашель исторію, копорая, кажешся, нарочно для тебя написана; она совершенно подходитъ къ швоему вкусу, и я почель долгомъ сообщить ее тебѣ. Прерви на минупу свое чпеніе. Вижу, что ты очень заняпъ и невесель; однакожъ, какъ хочешъ, а выслушай.“

— Долженъ выслушашъ — отвѣчалъ Блуишъ — если не лзя иначе; но признаюсь

тебѣ, что конецъ для меня былъ бы лучше начала. О чемъ еша испорія? —

„О нѣкошоромъ пиршествѣ, любезной Блунпъ! о пиршествѣ шакомъ великомъ и роскошномъ, какого не слыхано въ Европѣ. Оно было учреждено однимъ Голландскимъ дворяниномъ. Всего удивительнѣе, что на шу пору у хозяина ничего не было ни на кухнѣ, ни въ погребу, ни въ карманѣ. На пиршествѣ присутствовали всѣ знатнѣйшія фамиліи. Кромѣ Упрехтскаго Губернатора, которой ручается за нашего Корнеліуса, кромѣ начальниковъ города и кромѣ всѣхъ дворянъ сосѣдственныхъ“

— Богъ съ ними! — вскричалъ Блунпъ: — ты не окончишь до ночи; вижу, что тебѣ хочеться замучить меня своими разсказами. Послѣ гостей вѣрно очередь дойдетъ до блюдъ. —

„Блюдъ, любезной приапелъ, было шакое множество, что и сказать не лзя. Умолчу о вкусныхъ фазанахъ и овсянкахъ, о свѣжихъ устрицахъ; но Индійскія

пшичьи гнѣзда! но черепахи жареныя и вареныя! ахъ, любезной Блуншъ! что ешо за лакомство!“ Онъ цѣловаль концы своихъ пальцевъ, и увѣряль, что чувствуешь во рту сладость ошъ одного воспоминаія.

Блуншъ хотѣль встать со стула. — Ешому конца не будешь! вычисляшь всѣхъ гостей, всѣ блюда, всѣ вина! . . . —

„Да, вина, вина, любезной Блуншъ! я было и забыль о нихъ! спасибо тебѣ, что напомнилъ!“ Онъ тихонько посадилъ неперпѣливаго шоварища своего на стулъ, съ котораго Блуншъ поднялся было, и продолжалъ: „Ты не можешь себѣ представить, какими прекрасными винами потчивали гостей. На полкахъ спояло множество бушылокъ съ Капскимъ виномъ, съ Мадерою, съ Грузинскими винами, съ Кипрскими, съ разными ликерами; внизу сославляли большой кругъ бушылки съ винами Испанскими, Нѣмецкими, Французскими, Португальскими, Венгерскими, Италіянскими“ . . .

— Да скоро ли конецъ? Что изъ всего ешаго будешь? —

„То, что гости лакомились, ѣли и пили, какъ Епикурейцы.“

— И только? —

„Нѣтъ, любезной Блунтъ! это только начало. Гости, наѣвшись и напившись до сыта, вспали, пробормошались хозяину по нѣскольку прощальныхъ словъ, и каждой изъ нихъ отправился въ путь свой.“

— Имъ и тебѣ желаю счастливаго пути! Ты нашелъ прекрасный способъ мучить меня. —

„Нѣтъ, право нѣтъ! Я теперь только приступаю къ дѣлу. У одного изъ гостей, кошорой ушелъ пѣшкомъ, на улицѣ закружилась голова, и мимоходящіе понесли его на рукахъ; другой, сидѣвши въ носилкахъ, разбилъ головою стекла, и изуродовалъ лице свое; третій повалился въ коляскѣ; короче, всѣ гости занемогли, и городскіе врачи бѣгали безъ памяти отъ одного къ другому, стараясь привести ихъ въ чувство. —

Какъ ты думаешь? что было причиною такого несчастія?»

— Я думаю, крѣпкіе ликеры. —

„Такъ; но не одни ликеры. Всѣ блюда приготошены были изъ пѣны; всѣ напитки состояли изъ воздуха; языкъ ощущалъ приятность, но желудку варить было нечего. Все это большого вреда не сдѣлало бы; но вѣтеръ, впущенный въ желудокъ, былъ такой ядовитой, что испребилъ всѣ питательные соки, оставшіеся отъ прежнихъ обѣдовъ. Строгое воздержаніе нѣкоторымъ помогло выльчиться; но многие, проглотившіе великое количество сего вреднаго вѣтра — умерли отъ чахотки. Теперь отгадай, кто соорудилъ эту чудесную штуку?»

— Вѣрно твой дорогой *Корнелиусъ*, или ты самъ! кому больше? —

„О! много чести для насъ! Все это сдѣлалъ нѣкоторой *Духъ*, существо гораздо сильнѣйшее меня и *Корнелиуса*. Удивляюсь, какъ ты не могъ отгадать! *Дворянинъ*, поджигаемый тщеславіемъ, захотѣлъ дать пиршество; я сказалъ, что

въ кухнѣ его, въ погребу и въ карманѣ было пусто. Что оставалось дѣлать, какъ не заключишь договоръ съ нечистымъ духомъ? —

— Бога ради изъясни, мнѣ — сказалъ Блуншъ, сложивши руки, опустивъ ихъ внизъ и успрямивши взоръ къ небу — какимъ образомъ все это пришло тебѣ въ голову? Прилично ли умному человѣку рассказывать такія нелѣпыя сказки? —

Мовбрай, не отвѣчая ни слова, взялъ книги, лежавшія на столѣ, и читалъ заглавія ихъ одно послѣ другаго: *О началѣ всемірнаго зданія, — Разсужденія о превьспреннихъ силахъ — Египетскія* Тупшъ вскочилъ онъ подобно человѣку, ощутившему внезапной ужасъ, и ухватилъ за руку Блунша; но сей съ досадою отъ него вырвался, чего прежде никогда не дѣлывалъ.

„Какъ!“ сказалъ Мовбрай: „ты называешь сказку мою нелѣпою, а самъ не стыдишься пищаться подобными яствами? Всмотрись, не съ пѣною ли блюдо споешь предъ собою? Не воздушными ли напипками наполняешь свой желудокъ?“

Блуишь ничего не слушаль, не хотѣль смотрѣть на Мовбрая, сидѣль молча въ углу и чипаль въ газсужденіи о превыспреннихъ сферахъ по самое мѣсто, гдѣ описано наслажденіе незримыхъ существъ, съ высоты Сиріуса разсматривающихъ составъ земнаго насѣкомаго.

„Продолжай, продолжай“ сказалъ Мовбрай: „вижу, тебѣ хочеться, чпобъ я поскорѣ ушелъ; оспавайся въ покоѣ! Блюдо тебѣ очень понравилось? не правда ли?“ Онъ посмошрѣль пристально на Блуиша, и поднявши палець въ знакъ увѣщанія, сказалъ: „Не шми себя голодомъ; но берегись шакже и чахопки! Невѣрие, любезной прияшель, ешь чахопка души; но знай шакже, чпо воздухъ, кошорой ты глотаешь, въ минушу варенія въ желудкѣ ишпребляешь и здоровую пицу.“

Енгель.

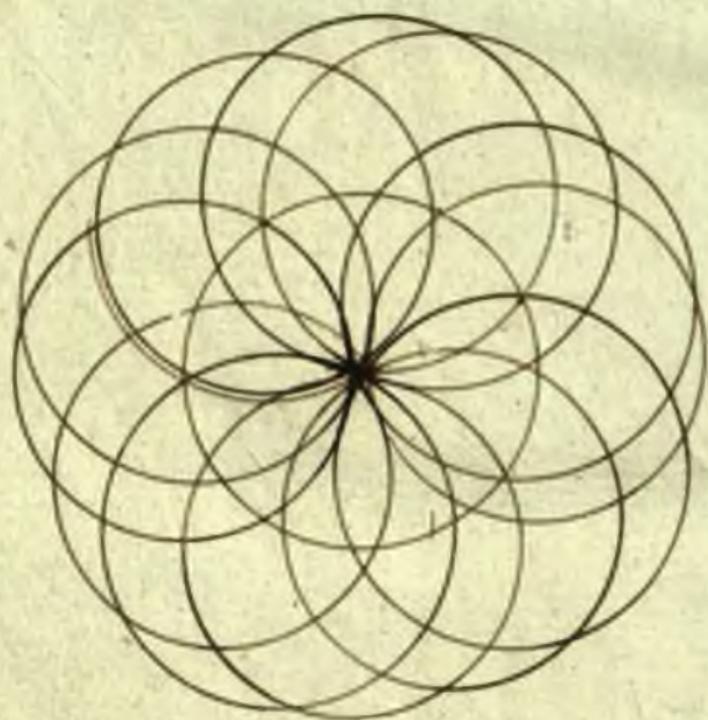
Конецъ IV части.

Во второй Части, на стран. 196, в строке последней, вместо Шекуръ читать должно Насуфъ; в третьей Части, на стран. 112 в строке последней и последнее слово читать должно: минушы; в четвертой Части, стран. 73, строк. 3, вышла за богатаго; стран. 233 строк. 4 луча; строк. 6 разрушаль. Прочія ошибки вовсе не важны, и ихъ весьма немного.

ЦГПБ

им. Н. А Некрасова

2 000000 267937

